А. М. ОСОРГИНА

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(С древнейших времен до Пушкина)

YMCA-PRESS

ПАРИЖ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

«История русской литературы» написана для учеников русских школ, а также и для родителей, желающих руководить образованием своих детей. Книга эта может быть интересна и полезна и взрослым людям, желающим ознакомиться с историей русской литературы, проследить ее развитие с древнейших времен до первой половины XIX-го века, до Пушкина.

Настоящий курс литературы ученики проходят обычно в течение четырех-пяти лет. Начало литературы написано простым, понятным детям языком, без лишних подробностей. Изложение постепенно становится подробнее и серьезнее, главы — длиннее; последняя часть написана соответственно пониманию взрослой молодежи.

Для того, чтобы книга могла служить одновременно учебником и хрестоматией, здесь приведено много примеров, выписок и цитат: это облегчает труд преподавателя и ученика.

Курс не разделен на части, ввиду того, что преподавателю удобнее самому распределять материал, соответственно развитию и силам своего класса.

«История литературы» составлена на основании исследования разных авторов, имена которых перечислены в библиографическом списке в конце книги.

А. Осоргина.

Часть I.

Народная устная литература

ВСТУПЛЕНИЕ.

Литературой называется все то, что сочинил и написал какой-нибудь народ. Изучая русскую литературу, мы изучаем все, что сочинили и написали русские люди, русский народ. В древние времена, когда еще не было письменности, т. е., когда русские люди еще не имели азбуки, не умели читать и писать, они все-таки уже многое сочиняли; так, например, они сочиняли и пели песни, выдумывали и рассказывали сказки, былины, складывали пословицы, поговорки. Эти песни, сказки, былины передавались от отцов детям, из поколения в поколение, из одного места обширной Руси в другое. Новые рассказчики и исполнители часто прибавляли свое, выкидывали то, что им не нравилось; вот почему бывают варианты песен, былин, — похожие, но не совсем так же рассказанные сказки. Отдельных авторов у народной литературы нет, автором ее является весь русский народ.

Гораздо позднее, в XVIII-м и XIX-м веке стали интересоваться этой народной литературой, народной устной поэзией, стали собирать и записывать песни, былины, сказки. Мы знаем, что Екатерина Великая собирала народные песни; Пушкин в стихах передал народные сказки, Гоголь многое записал и поместил в своих произведениях. Отдельные сборники народных произведений выпустили Киреевский, Даль, Афанасьев.

1.

Народные песни.

(Обрядовые и бытовые).

Первое, что мы будем изучать, как самое древнее произведение народа, это — песни. Предки русского народа, славяне, были язычниками. Они поклонялись силам природы, солнцу

(Даждь-бог), грому (Перун), ветру (Стри-бог), праздновали дни, посвященные им, слагали песни, совершали свои языческие обряды. Вот откуда сложились О б р я д о в ы е п е с н и. Впоследствие, когда славяне приняли христианство, они еще долго сохраняли свои языческие обычаи, языческие песни. Иногда языческий праздник совпадал и сливался с христианским. Вот пример такого слияния: язычники праздновали зимою праздник солнца, К о л я д ы, в то время, когда зимою дни становятся длиннее. С появлением христианства этот праздник совпал с праздником Рождества Христова, но обычай "колядовать", т. е., петь песни-колядки, сохранился до сих пор в некоторых местах России, особенно в Малороссии. Гоголь так прекрасно описывает колядки в рассказе "Ночь перед Рождеством".

Каково же содержание колядок? Иногда говорится, что в дремучем лесу огонь горит, вокруг огня сидят девушки и поют песни "колядушке":

В середине их старик сидит,
Он точит свой булатный нож.
Котел кипит горючий,
Возле котла козел стоит.
Хотят козла зарезати...

Ясно, что говорится о каком-то обрядовом языческом жертвоприношении. А другая колядка начинается со слов:

Родилась святая Каляда
Накануне Рождества...

В некоторых колядках просто рассказывается о Рождестве Христове, о пастухах, ангелах, звезде. Да и колядуют в Малороссии парни и девушки непременно со звездой, которую носят на длинной палке впереди колядующих. Вот и видно здесь, как языческие образы смешались с христианскими, или совсем заменили их.

Другой праздник солнца, весной, совпал с праздником Пасхи; песни " в е с н я н к и " пелись на Красной Горке (Фомино Воскресенье).

Летние языческие праздники совпали с праздником Троицы и с Рождеством Иоанна Крестителя, которого народ зовет "Иван Купало". В этот день пелись купальские песни, зажигали костры, прыгали через огонь, заплетали венки, бросали их в воду: все это — остатки языческих обычаев.

Б ы т о в ы е п е с н и. В семейной жизни, в семейном быту складывались песни на всякие случаи жизни: колыбельные песни, которые матери сочиняли, качая колыбель своих детей, свадебные, похоронные.

В с в а д е б н ы х песнях видны следы древних славянских обычаев. В самые древние времена славяне "умыкали", т. е. — крали своих невест. Позднее стали платить выкуп за

невесту, как бы покупать ее. До сих пор в некоторых местах России, в деревнях во время свадьбы, и особенно — перед свадьбой, на "девишнике" девушки поют песни, как бы не отпуская, не отдавая невесту, свою подругу. "Дружка" (друг жениха) отвечает им песней, в которой торгуется, как бы покупая невесту, и задаривает девушек конфетами, пряниками, иногда и деньгами.

Но в прежние времена девушек часто выдавали замуж против их воли, иногда они и не знали своего жениха; поэтому свадебные песни, которые поются от лица невесты, почти всегда — грустные; в них говорится о разлуке с "родным батюшкой", с "родной матушкой", о "чужой неведомой сторонушке".

Вот, например, отрывок из песни, которая поется перед свадьбой при одевании невесты:

«Тяжело привыкать будет
Ко чужому отцу, ко матери,
Ко чужому роду-племени;
Будь головушкой поклонлива,
Будь сердечушком покорлива,
Носи платьице, не снашивай,
Терпи горюшко, не сказывай».

При похоронах русские женщины-крестьянки плакали, "выли" над покойником, импровизируя на особый плачущий мотив своеобразные песни, обращенные к покойнику. Часто в этих песнях встречаются фразы: "На кого ты оставил (или оставила) меня, сиротинушку", "закатились очи ясные", — "сомкнулись уста сахарные". Иногда слышится неподдельный, душу раздирающий трагизм. Бывали даже специальные женщины "плакальщицы", "вопельницы", которые особенно хорошо умели импровизировать и которых нанимали "выть" над покойником.

2.

Пословицы, поговорки, загадки.

Каждый народ имеет свои пословицы и поговорки. Пословица это — изречение народной мудрости, в которой образно и символически высказывается или совет, как надо поступать в жизни: "Тише едешь, дальше будешь", "Семь раз примерь, один отрежь", "Куй железо, пока горячо"; или — предостережение, как не надо поступать: "Поспешишь, людей насмешишь", "Упустишь огонь, не потушишь", "Слово — не воробей: выпустишь, не поймаешь"; или — полное глубины и морали наблюдение: "Не все то золото, что блестит", "Сто друзей, лучше ста рублей", "Не красна изба углами, а красна пирогами".

Пословицу можно всегда объяснить и буквально, и символически. Так, например, “Не все то золото, что блестит” означает, что не всякий блестящий предмет сделан из золота. Это — буквальный смысл пословицы; а символический ее смысл тот, что иногда то, что по наружности блестяще, привлекательно, по внутреннему содержанию — совсем не хорошо, не ценно, не соответствует внешнему виду. Иногда красивый, хорошо одетый, привлекательный человек оказывается глупым или дурным человеком; или — как раз наоборот, — невзрачный по наружности оказывается ценным по внутреннему содержанию, что и выражается пословицей “Мал золотник, да дорог”.

Бывают пословицы юмористические, шутливые, чаще всего — насмешки мужчин над женщинами: “У бабы волос долог, да ум короток”, “Велика Федора, да дура”, “Как бы велика барыня ни была, а в алтарь не суйся”.

Можно заметить, что почти все пословицы состоят из двух частей, как бы разделяются пополам, имеют внутренний ритм, иногда — рифму.

Есть пословицы исторические, сложившиеся в определенную историческую эпоху. Например: “Незваный гость, хуже татарина”, “И Мамай правды не съел”, “Вот тебе, бабушка, и Юрьев день”.

Впоследствии, удачные выражения некоторых писателей обратились в пословицы. Больше всего пословиц и поговорок взято из басен Крылова; например: “А ларчик просто открывался”, “Слона-то я и не приметил”, “Кот-Васька слушает, да ест”.

Поговорки отличаются от пословиц тем, что они одночленны, т. е., не разделяются на две части. Это — образные выражения, сравнения. “Свалился, как снег на голову”, говорят про что-то, или кого-то, совершенно неожиданно появившегося. “Как в стену горох”(бросать) говорится про какое-нибудь совсем бесполезное дело. “Ни к селу, ни к городу”, значит: ни к чему, — ни с того, ни с сего.

Русский народ сам определяет разницу пословиц и поговорок: “Поговорка — цветочек, пословица — ягодка”.

К разряду пословиц и поговорок можно отнести также загадки, из которых некоторые восходят к глубокой древности, к языческим временам одухотворения сил природы. Например, “Заря-заряница, красная девица, по полю ходила, ключи растеряла”. Ключи эти — роса, падающая на заре. “Конь бежит — земля дрожит”, — гром.

Примеры пословиц и поговорок:

«Люби кататься, люби и саночки возить».

«По одежде встречают, по уму провожают».

«У страха глаза велики».

«Невелика птичка, да ноготок востер».
«На бедного Макара все шишки валятся».
«У семи нянек дитя без глазу».
«Переливать из пустого в порожнее».

3.

Сказки.

Каждый народ имеет свои сказки, в которых выражается народный национальный дух, характер, а также — особый характер страны и природы. Так, например, в наших русских сказках большую роль играют мороз, снег, чего в сказках других, более южных стран мы не видим. В западноевропейских сказках появляются феи, эльфы, гномы, а в наших русских — баба-Яга, костяная нога, Кощей бессмертный, избушка на курьих ножках, русалки, живая и мертвая вода, молочная речка — кисельные берега и т. д. Все это создает чисто-русскую сказочную атмосферу.

Русские сказки можно разделить на три разряда: сказки мифические, сказки бытовые-моральные, сказки о животных.

К первому разряду относятся сказки, героями которых являются одухотворенные силы природы, например, сказки: "Два мороза", или "Солнце и ветер". В этой сказке солнце спорит с ветром и побеждает его, как могущественное и разумное существо.

В бытовых сказках играют роль силы природы ("Морозко") и вообще происходит много чудесного, сказочного, но героями являются простые люди. Очень характерно для русских сказок то, что любимыми героями народа бывают обыкновенные люди, обиженные судьбой или другими злыми людьми. Младший сын, Иванушка-дурачек, младшая третья сестра или падчерица, старик-рыбак, которого обижает капризная властная жена-старуха. Эти обиженные в конце сказки всегда торжествуют, бывают вознаграждены за свою кротость и простоту. Им и природа помогает, и звери им служат. Серый волк служит Ивану-Царевичу, Конек-Горбунок — Иванушке-дурачку.

Есть сказки, в которых главную роль играют животные, при чем все они сохраняют свой особый характер. Лисичка — хитрая плутовка, волк — простоватый, глуповатый, обманутый лисой, петушок — простодушный и любопытный, заяц — трусливый, робкий.

Надо обратить внимание на язык сказок. Есть поговорка: "Сказка — складка, песня быль", "Складка", значит "сложенная", выдуманная. Рассказывали сказки в старинные времена

сказочники, умелые рассказчики, которые говорили "складно" и старались украсить свою речь "присказками", прибаутками: "скоро сказка сказывается, не скоро дело делается". Обычно начало сказок: "за тридевять земель, в тридевятом царстве, в тридевятом государстве"... обычен конец: "и я там был (на свадебном пиру, которым завершается благополучие сказочного героя), мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало".

В народной литературе вообще встречается очень частое повторение одинаковых эпитетов: красная девица, добрый молодец, синее море, ветры буйные, очи ясные, лицо белое, тоска лютая, горе горькое. Это создает известный общий характер народного языка и украшает его.

4.

Былины. Старшие богатыри. Святогор. Микула Селянинович.

"Сказка — складка, песня — быль", быль, т. е. бывшее, случившееся на самом деле. Вот откуда происходит слово — былина.

Былинами называются песни, в которых рассказываются и восхваляются подвиги любимых народных героев — богатырей. Эти богатыри — люди, одаренные сверхъестественной силой, совершающие сверхъестественные чудесные подвиги. Несмотря на слова "песня — быль", не надо думать, что все, что говорится в былинах, — правда. Наоборот, — много в былинах сказочного, чудесного. В былинах есть некоторые исторические черты, и некоторые богатыри напоминают действительно существовавших людей, но все же самые эти богатыри, герои былин, созданы народной фантазией, воплотившей в них свои идеалы. Надо думать, что авторами былин были прежде всего дружинники князей, певцы, сочинявшие и певшие эти былины для князей. Позднее былины пелись специальными "гуслярами", "сказителями", часто слепцами, которые "сказывали", нараспев пели былины, аккомпанируя себе на гуслях. Так же, как и сказки, былины часто изменялись, переходя от одного гусляра к другому, поэтому иногда существуют разные варианты одной былины. Былин — очень много. Можно разделить их на три части, на три цикла:

1) Былины о старших богатырях,
2) Былины о младших, или Киевских богатырях,
3) Былины о Новгородских богатырях.

Старших богатырей трое: Святогор, Вольга Всеславич и Микула Селянинович.

Святогор не совершает никаких подвигов. Он так ве-

лик, что его “мать-сыра-земля через силу на себе носит”. Имя его свидетельствует о какой-то святости, может быть потому и не может грешная земля его на себе нести.

Вот, что рассказывает одна былина. Ехал по чистому полю Илья Муромец (это — один из любимых народных героев, самый сильный и могучий из Киевских богатырей). Итак ехал Илья Муромец по чистому полю и “наехал” на незнакомого ему огромного богатыря, который, сидя на своем богатырском коне, дремал. Илья догнал незнакомца и ударил его по спине со всей силы своей палицей, “весом в девяносто пуд”. От такого удара незнакомец даже не проснулся. Три раза Илья разгонял своего коня и наносил незнакомцу страшные удары. На третьем ударе очнулся неведомый богатырь, оглянулся, увидал Илью, взял его вместе с конем, положил к себе в карман и поехал дальше. Три дня и три ночи ехал таким образом Святогор (это и был он) с Ильей в кармане. На третий день стал конь под Святогором “спотыкатися”.

“Что ты спотыкаешься, волчья сыть, травяной мешок?” — спросил Святогор своего коня. — “Трудно мне три дня и три ночи возить на себе двух богатырей, да еще коня богатырского”, отвечал конь. Тогда Святогор вынул из кармана Илью Муромца и, узнав, что он тоже могучий богатырь “побратался” с ним, т. е. — обменялся с Ильей крестильным крестом; дальше они поехали вместе. Приехали на высокую гору и увидали на горе огромный гроб. Даже для Ильи Муромца этот гроб был слишком велик. Попробовал Святогор в него лечь, и оказалось, что гроб, как раз по его росту. Святогор попросил Илью закрыть его крышкой. Илья исполнил его просьбу, но снять крышку с гроба он уже не мог. Тогда Илья схватил свой “булатный меч” и со всего розмаху ударил по крышке гроба: на месте этого удара выскочил железный обруч и еще крепче сковал гроб. От каждого удара меча Ильи выскакивали железные обручи и крепче заковывали Святогора в гробу. Тогда заговорил Святогор из гроба и сказал: “Видно, тут на роду смерть мне написана”. Святогор предложил через щелку, оставшуюся между крышкой и гробом, передать Илье свой дух богатырский, свою богатырскую силу, — но не всю, а только п о л с и л ы, иначе, сказал Святогор, “и тебя мать-сыра-земля на себе не снесет”. Принял Илья через щелку богатырский дух, и так и умер Святогор в своем огромном гробу на неведомой горе.

Другая былина рассказывает о встрече Святогора с Микулой Селяниновичем, богатырем-крестьянином. Святогор ехал на своем богатырском коне и никак не мог догнать Микулу Селяниновича, шедшего пешком с небольшой сумочкой переметной за плечами. Насилу нагнал его Святогор и стал спрашивать, что он несет в своей сумочке-переметной? Бросил Мику-

ла сумочку на землю и предложил Святогору ее поднять. Слез Святогор с коня, ухватился за сумочку, но никак не мог ее поднять; все силы напряг Святогор, и от усилий сам погряз в землю по пояс, а сумочки не сдвинул с места. Нагнулся Микула Селянинович, одной рукой поднял свою сумочку и перекинул себе на спину. Оказывается, что Микула нес в этой сумочке всю "тягу земную", как бы всю тяжесть земледельческого труда, которая под силу была лишь ему, богатырю-крестьянину.

5.

Вольга Святославич и Микула Селянинович.

Третий из старших богатырей — Вольга Святославич, или, как в другой былине его называют, — Волх Всеславич. Можно думать, что имя его — Вольга — происходит от имени исторического князя Олега. Возможно, что и блестящие победы Олега казались народу чудесными, сверхъестественными, и из образа князя Олега вырос этот сказочно-богатырский образ. Вольга — князь, у Вольги — храбрая дружина, Вольга ведет войны и всегда побеждает.

В одной былине Вольга, также, как и Святогор, встречается с Микулой Селяниновичем. Ехал Вольга со своей храброй дружиной по чисту-полю и услыхал, что в поле пахарь (оратай) пашет (орет),

«Орет оратай пашеньку,
Орет оратай, покрикивает,
Кобылку соловенькую понукивает,
С одного края земли на другой борозды переметывает».

Хочет Вольга догнать пахаря, но хотя он пускает своего богатырского коня вскачь, он только на третий день догоняет скромного оратая. Вольга спрашивает его, что это у него за чудесный конь? на что пахарь отвечает, что купил он свою кобылку соловенькую еще жеребенком-сосунком в табуне, и что если бы эта кобылка конем была, то ей и цены бы не было. Тогда Вольга зовет пахаря ехать вместе с ним и его дружиной собирать с народа "дани-выходы". Пахарь соглашается, но, отъехав, вспоминает, что забыл вытащить из земли и убрать свою "сошку". Вольга посылает своих дружинников это сделать, но они не могут сдвинуть с места крестьянскую соху. Вся дружина Вольги прилагает усилия и только "крутят за обжи сошку" на месте. Тогда пахарь возвращается сам, одной рукой вытаскивает сошку из земли и перекидывает ее через "ракитов куст". Пораженный такой силой, Вольга спрашивает пахаря, кто он? На что последний отвечает:

«А я ржи напашу, да в скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,

Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужиков напою.
Станут мужички меня покликивать:
Молодой Микулушка Селянинович!».

Вот, как мы узнаем имя этого таинственного могучего крестьянина-пахаря. Он оказывается сильнее и Святогора, и Вольги Святославича, — это объясняется особой симпатией и уважением русского народа к крестьянскому земледельческому труду.

Между тем Вольга Святославич — тоже необыкновенно сильный богатырь. Когда он родился,

«Подражала мать сыра-земля,
Сине-море всколебалося».

С раннего детства Вольга обучился разным "хитростям-мудростям". Научился он понимать звериный и птичий язык, научился сам оборачиваться (превращаться) в зверей, птиц и рыб;

«Щукой-рыбой ходить в глубоких морях,
Птицей-соколом летать под облака,
Серым волком рыскать во чистых полях».

Благодаря этой способности оборачиваться и, когда нужно, оборачивать и свою дружину, Вольга одерживает чудесные победы. В одной былине рассказывается, как Вольга Святославич задумал "воевать турецкое царство". Оборотившись "малой пташкой", перелетел он "окиан-море", прилетел к двору султана турецкого и, сидя на окошке, подслушал разговор султана с женой о том, что собирается султан "воевать землю русскую". Но жена султана почувствовала, что "малая пташка", сидящая на подоконнике, никто иной, как сам князь Вольга Святославич, и сказала об этом своему мужу. Тогда птичка — Вольга вспорхнула и тут же оборотилась горностаем, который пробрался в те палаты, где хранилось все оружие турецкого войска. И начал тут Вольга-горностай надкусывать все тетивы турецких луков. Он их не перегрызал, а только надкусывал незаметно, для того, чтобы, когда турки натянут стрелой тетивы, готовясь стрелять, все их "тетивочки шелковые разом бы полопались". — Перелетев затем благополучно птичкой "окиан-море", Вольга собрал свою "дружинушку хоробрую", оборотил ее всю в щук и таким образом переплыл с дружиной "окиан-море". Подступила дружина — уже в человеческом образе — к граду турецкому, но оказалось, что окружен град крепкой несокрушимой стеной, а ворота "узорчатые" крепко-накрепко заперты. И тут Вольга прибег к волшебству. Оборотил он всю дружину свою в "муращиков" (муравьев), которые пролезли сквозь узоры и щели крепких городских ворот и уже за стеной оборотились вновь в сильную дружину и бросились на врагов. Схватили турки

свои луки, стрелы, натянули "тетивочки шелковые", — все тетивочки разом полопались, — и завоевал Вольга все царство турецкое.

6.

Младшие Киевские богатыри. Илья Муромец.

Второй и самый главный цикл — былины о Киевских или младших богатырях. Эти богатыри собираются в Киеве вокруг князя Владимира, послужить ему, кладут душу свою за веру и родину.

Князь Владимир Красное Солнышко — не вполне историческая личность. Святой князь Владимир крестил Русь, — в былинах Русь уже давно православная. Много говорится в былинах о борьбе с внешними врагами — половцами и даже татарами, которые появились только в XII-м веке, тогда как крещение Руси было при Владимире Святом в конце X-го века. Но это и не Владимир Мономах. Былинный князь Владимир Красное Солнышко — среднее собирательное лицо ласкового русского князя Киевской Руси. Он имеет свой определенный характер гостеприимный, ласковый хозяин, любящий слушать гусляров, любящий пиры, немного любопытный и даже иногда робкий; главный его эпитет — "ласковый". К нему на службу являются могучие богатыри, из которых главным образом выделяются трое: Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович.

Илья Муромец — любимый народный богатырь. О нем больше всего говорится в былинах, по которым можно проследить всю его жизнь. Илья — сын крестьянина Ивана Тимофеевича из села Карачарова, близ города Мурома. До 30-ти лет Илья был болен, "сидел сиднем" в отцовской избе, не владея ногами. И вот однажды, когда никого в избе не было, кроме Ильи, в окно к нему постучались странники — "калики перехожие". По одной былине это были старшие богатыри, по другой — Сам Иисус Христос и два Апостола, или два ангела, которые явились для того, чтобы исцелить Илью. Калики попросили Илью дать им испить, на что он сказал, что не может встать, т. к. не владеет ногами. Калики настойчиво повторили свою просьбу, и вдруг Илья "вскочил на резвы ноги", спустился "в погреба глубокие" и принес им испить чару зелена вина, величиной "в полтора ведра". Калики только попробовали и дали самому Илье выпить эту чару, которую он осушил "во единый дух". Калики спросили его: сколько он "чует в себе силушки", на что Илья ответил, что если бы в землю воткнуть кол длинной от земли до неба, он бы ухватился за этот кол и перевернул бы всю землю. Тогда калики велели ему выпить вторую чашу, чтобы поубавить ему силы.

После второй чары Илья сказал, что у него стало "силушки — половинушка". — "Этого довольно с тебя", сказали ему калики перехожие, дали ему наставление, что силушку эту он должен употреблять лишь на добрые дела и предсказали Илье, что "смерть ему в бою не написана", после чего "калики потерялися", т. е. — исчезли.

В этом исцелении Ильи Муромца каликами-ангелами, или даже Самим Спасителем, — глубокий смысл. Сила дана Илье свыше, от Бога, она дана ему для совершения добрых дел. Этим определяется весь его дальнейший богатырский путь, его служение вере, родине, князю.

Первое, что делает исцеленный Илья, — идет просить благословенья своего отца, который в это время занят тяжелой крестьянской работой — освобождает поле от "дубья-колодья", т. е., выкорчевывает корни деревьев. Илья помогает отцу в этой работе, а затем кланяется ему в ноги:

«Не сырой дуб к земле преклоняется,
Расстилается сын перед батюшкой,
Он и просит его благословеньица».

Тоже типичная черта русского богатыря: любовь и почтенье к родителям. Илья просит отца благословить его на подвиг, на что отец отвечает так же, как и калики:

«На добрые дела я тебе благословенье дам,
А на недобрые — моего благословенья нет».

В наставлении отца замечательны слова

«Не помысли злом на татарина,
Не убей в чистом поле христианина»,

т. е., не убивай со злобой, а только защищая родину. Садится Илья на своего "ретивого коня", которого он по совету калик выкупал в трех росах, и отправляется в "Киев-град, заложиться за князя Владимира". Выехав чем свет, Илья расчитывает попасть в Киев к обедне (от села Карачарова, близ города Мурома, до Киева — добрых 800 верст). Илья бьет своего коня "по крутым бокам",

«Ретивый конь под ним осержается,
Прочь от земли отделяется,
Он и скачет выше дерева стоячего,
Чуть пониже облака ходячего».

Первый скачок принес Илью Муромца в дремучий лес. На память он вырубил и поставил на том месте часовенку и написал, что проезжал тут "старый матерой казак Илья, сын Иванович". Вторым скачком конь принес Илью к Чернигову-граду. Но в Чернигов нельзя попасть, окружен город "силой несметной". Под "силой несметной" надо подразумевать вражеское полчище, вероятно — татарское. Илья напустил своего коня на эту вражескую силу и начал ее колоть-рубить и конем топтать.

«Куда саблей махнет — там улица лежит,
Куда отмахнет — переулочек».

“Мужики Черниговские”, увидав, что Илья Муромец победил всю “силу”, осаждавшую их город, открыли ворота, вышли встречать своего славного избавителя с хлебом-солью и стали просить его сделаться их князем. Но Илья скромно отклоняет эту честь, говоря, что он сам хочет послужить князю Киевскому, и только спрашивает, где самая короткая “прямоезжая” дорога ко граду Киеву? Оказывается, что надо ехать в объезд, т. к. “прямоезжая” дорога к Киеву заложена, сидит на ней Соловей-разбойник, и никого к Киеву не пропускает. Узнав об этом, Илья Муромец направляет своего коня именно по этой “прямоезжей” дороге, чтобы освободить землю русскую от этого злого разбойника.

7.

Илья Муромец и Соловей-разбойник. Илья в Киеве. Идолище поганое. Илья в ссоре с князем Владимиром.

Итак, “ретивный конь” понес Илью Муромца по “прямоезжей” дороге, и скоро очутился богатырь перед гнездом Соловья-разбойника, обладавшего такой силой свиста и крика, что от этого его “посвиста соловьиного” и “покрика звериного” люди немедленно падали мертвыми, а он обирал и грабил их.

Соловей-разбойник, “станишники” в другой былине (“Илья Муромец и станишники”) — представители внутренних врагов России, с которыми, также, как и с внешними, борются богатыри. В былине про станишников говорится, что Илья не хочет убивать этих разбойников, надеясь их вразумить. Чтобы показать им свою силу и их устрашить, он только пускает стрелу в столетний дуб на их глазах и расщепляет дуб на мелкие щепки.

И тут, победив Соловья-разбойника, Илья не убивает его, а привязывает к своему седлу. Напрасно жена и дети Соловья умоляют Илью принять от них дорогие подарки из сокровищ, награбленных разбойником, Илья Муромец — неподкупен. Итак, с Соловьем-разбойником, привязанным к седлу, Илья наконец в третий скачок очутился в Киеве. Он хотел поспеть к обедне, но, задержавшись под Черниговом и с Соловьем-разбойником, попал в Киев, когда народ уже расходился от обедни, и поехал прямо во двор к князю Владимиру, где ласковый князь принимал и угощал всех, приходивших к нему. Оставив коня с Соловьем во дворе, Илья идет прямо в “гридницу”, молится на образа, “крест кладет по писанному, поклон ведет по ученому”, кланяется сперва князю, потом на все че-

тыре стороны. На вопрос князя, кто он такой? — отвечает, что он — матерой казак Илья Муромец, сын Иванович, что приехал он в стольный Киев-град послужить князю Владимиру, постоять за веру православную. Князь Владимир спрашивает Илью, каким путем он ехал из Мурома? Илья отвечает, что ехал он через Чернигов. Князь сомневается в правдивости Ильи, т. к. знает, что под Черниговом стоит "сила несметная". Илья скромно отвечает, что, правда, сила несметная стояла под Черниговом, но что больше ее там нет. "А из Чернигова какой дорогой ехал?" продолжает спрашивать князь. На ответ Ильи, что он ехал "прямоезжей", князь опять сомневается в правдивости Ильи, т. к. знает, что дорога "прямоезжая заложена", и что сидит на ней Соловей-разбойник. Илья спокойно отвечает, что действительно Соловей-разбойник "сидел" на этой дороге, но что теперь он, "собака", находится тут, на дворе самого князя Владимира, привязанный к седлу Ильи Муромца.

«Как услышал князь таковы слова,
Он вскочил на ноги резвые,
Накинул шубку куньюю на одно плечо,
Шапку соболиную надел на одно ушко»

и побежал во двор посмотреть на знаменитого разбойника. Любопытство разбирает князя: ему хочется услыхать знаменитый "посвист соловьиный, покрик звериный", которыми разбойник убивает добрых людей. Илья Муромец подходит к Соловью и передает ему желание князя, но велит ему, чтобы он, "собака, кричал в полкрика" и "свистал, собака, в полсвиста". Соловей кричит и свистит, как ему приказано в полкрика и полсвиста, но и от этого ужасного крика и свиста "маковки золотые на церквах зашаталися", князь Владимир упал на одно коленко, "куньей шубкою прикрывается". Тогда Илья Муромец увез Соловья-разбойника во "чисто поле" и там убил его, потому что он считает, что такого вредного человека нельзя оставлять жить на земле.

С этих пор Илья Муромец остается при дворе князя Владимира и от него ездит совершать свои богатырские подвиги. Он — старший над другими богатырями, — "атаман Илья Муромец". Часто видим мы его на "заставе богатырской", охраняющим границы родной земли от врагов. "Заставой богатырской" в былинах называется пограничный сторожевой пост, где богатыри сторожили границу Руси и наблюдали за степью.

Один из самых известных подвигов Ильи, это — победа над "Идолищем Поганым", который воплощает в себе всю антихристианскую языческую силу. Идолище Поганое изображается грубыми матерьяльными чертами:

«Головища у Идолища — что лоханище,
А глазища — что пивные чашицы».

Идолище хвастает, что он "по семи пудов хлеба ест, по семи ведер пиво пьет". Илья побеждает Идолище Поганое не только физической силой, но и каким-то спокойным мужеством, духовной силой.

В одной былине рассказывается о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром. Илья обиделся на князя, и князь велел посадить Илью в "погреба глубокие, заковать в оковы железные". Конечно, богатырь мог бы разломать эти оковы, раскидать стены своей тюрьмы, но он подчиняется воле князя. Проходит долгое время. Сказочное и былинное время — понятие растяжимое. На Киев нападают враги, князь Владимир вспоминает своего верного слугу, Илью Муромца, и посылает дружинников вывести его из "погребов глубоких". Слуги спускаются в погреба, и что же они видят? Сидит могучий богатырь Илья Муромец, перед ним горит свеча "воску ярого", при свете ее он читает святую книгу -- Евангелие. Вот, как проводит русский богатырь время в заточении.

8.

Добрыня Никитич. Победа над Змеем Горынчищем. Сватовство Алеши Поповича.

Второй Киевский богатырь — Добрыня Никитич. Илья Муромец — крестьянин, Добрыня Никитич — из высшего сословия, занимает придворные и посольские должности.

«По три года Добрынюшка столовничал
(служил у стола князя),
По три года — пословничал».

Добрыня в своих манерах как-бы изящнее, изысканнее Ильи: на заставе богатырской Илья смотрит вдаль в свой богатырский кулак, а Добрыня Никитич вытаскивает из кармана серебряную трубочку и смотрит в нее.

Характер Добрыни соответствует его имени: он прежде всего — добрый. Нежно любя свою мать, он жалуется ей и говорит, что "напрасно она родила его могучим богатырем", он предпочел бы лежать "белым камнем на дне речном", чем "вдовить младых женушек", "пускать сиротать малых детушек", т. е., убивать, хоть и врагов, а все же чьих-то мужей и отцов.

Главный подвиг Добрыни Никитича, это — победа над Змеем Горынчищем, страшным семиглавым драконом, который ежегодно похищал из Киева молодых девушек и уносил их в свою пещеру над Днепром. Однажды Змей Горынчище похитил племянницу князя Владимира, молодую Забаву Путятишну. Добрыня вступает в бой со страшным крылатым Змеем, мужественно отрубает все его семь голов и освобождает молодую княжну.

Эта победа Добрыни, имя которого происходит от слова "Добро", над Змеем, который воплощает в себе образ "Зла", дьявола, несомненно напоминает победу св. Георгия Победоносца над дьяволом — драконом.

Добрыня женат на дочери уже знакомого нам старшего богатыря Микулы Селяниновича, молодой Настасье Микулишне. Он нежно любит свою семью, — жену и мать. Однажды, Добрыня Никитич отправляется в дальние страны для совершения своих богатырских подвигов. Перед отъездом, прощаясь со своей молодой женой, он говорит ей: Жди меня три года, если через три года я не вернусь, значит меня уже нет в живых. Тогда, если хочешь, можешь выходить замуж за кого тебе будет угодно, — хоть за князя, хоть за боярина. Только не выходи замуж за моего названного брата, молодого Алешу Поповича: "У Алеши глаза завидущие, руки загребущие". Уехал Добрыня; стала молодая Настасья Микулишна его поджидать.

«День за днем, словно дождик идет,
Неделя за неделей, — что трава растет,
Год за годом, что река бежит;
Миновалися три годочка»,

а Добрыня не возвращается. Приходит Алеша Попович к Настасье Микулишне и начинает ее уговаривать выйти за него замуж. Но Настасья Микулишна верна своему мужу, она не верит, что Добрыни нет в живых и говорит, что будет ждать его еще три года. Снова:

«День за днем, что дождик идет,
Неделя за неделей, — что трава растет,
Год за годом, что река бежит,
Миновали еще три годочка».

а Добрыни нет, как нет. Опять является Алеша Попович уговаривать Настасью Микулишну выйти за него замуж, — но она опять отказывается и говорит, что будет еще три года ждать. По прошествии этих трех лет Алеша Попович приходит к жене и матери Добрыни Никитича и обманывает их; он говорит, что ездил он, Алеша, в далекие края, и видел там Добрыню Никитича:

«Лежит Добрыня во чистом поле,
Головой лежит Добрыня чрез ракитов куст,
В груди Добрыни калена стрела,
Закрылися его очи ясные,
Спит Добрыня мертвым сном,
Черны вороны его тело клюют».

Горький плач поднялся в доме Добрыни, плачет его жена и особенно горько плачет старая мать Добрыни о своем единственном любимом сыне. Алеша же Попович, спустя некоторое время, опять начинает уговаривать Настасью Микулишну выйти за него замуж. Но она все еще отказывается. Тогда в

дело вступает сам князь Владимир. По просьбе Алеши он идет к вдове Добрыни Никитича, говорит ей, что напрасно она губит свою молодость и уговаривает ее выйти замуж за смелого Алешу Поповича. Наконец Настасья Микулишна соглашается, и при дворе князя Владимира устраивается свадебный пир.

Между тем Добрыня Никитич, который за своими богатырскими подвигами не заметил, как прошло целых девять лет, собрался ехать домой, в стольный Киев град.

«Он и бьет своего добра коня по крутым бедрам,
Резвый конь осержается, прочь от земли отделяется,
Он и скачет выше дерева стоячего,
Чуть пониже облака ходячего,
С горы на гору перескакивает,
Реки-озера перелетывает,
Широки раздолья промеж ног пущает».

В несколько скачков доносит конь Добрыню до Киева. Встречается Добрыне прохожий, которого он спрашивает: что, слышно, делается в Киеве? Жива ли мать и молодая жена Добрыни Никитича? Прохожий отвечает, что как раз сейчас при дворе князя Владимира справляется свадьба Настасьи Микулишны, вдовы Добрыни Никитича, с молодым Алешей Поповичем. Услыхав эту ужасную для себя весть, Добрыня решает переодеться и в виде гусляра-певца "скоморошины" явиться на свадебный пир. Никто не узнает переодетого Добрыню Никитича; князь Владимир всегда рад певцу-гусляру и гостеприимно предлагает ему самому выбрать себе место за свадебным столом. Добрыня выбирает место прямо против "молодых" и просит, чтобы Настасья Микулишна сама поднесла ему чару вина. Отпив немного вина из поданной ему чары, Добрыня тихонько опускает в нее свое обручальное кольцо и просит Настасью Микулишну допить чару до дна. Она пьет, находит кольцо и сразу узнает Добрыню.

«Не тот муж, что подле меня сидит,
А тот муж, что супротив меня сидит»,

восклицает она, вскакивая:

«Ты прости, прости меня, Добрынюшка...»

Добрыня прощает свою жену, говоря. что:

«У бабы волос долог, а ум короток,
Куда их ведут, туда они и идут».

Но, повернувшись к князю, Добрыня упрекает его:

«Дивлюся я тебе, князь Владимир,
Что ты от живого мужа жену сосватал!»

Затем, грозно обращаясь к Алеше Поповичу, он говорит:

«А тебе, мой названный брат, я прощу,
Что посидел ты около моей любимой семьи,
Но когда сказал ты, что Добрыни на свете нет,
Моя матушка тогда жалешенько плакала, —
Этих слез я тебе не прощу!

Как схватил Добрыня Алешку за желты кудри,
Как вытащил его через дубовый стол,
Как учал его хлопати о кирпищат пол, —
Что хлопанье, — что оханье,
Едва Алешку живым отняли».

9.

Алеша Попович. Победа над Змием Тугарином. Былина о том, как перевелись богатыри на Святой Руси.

Мы уже познакомились с третьим Киевским богатырем, молодым Алешей Поповичем. Первое знакомство рисует его несимпатичными чертами: он обманывает мать и жену Добрыни для того, чтобы жениться на жене своего названного брата. Он завистливый и жадный, по словам Добрыни Никитича:

«У Алеши глаза завидущие,
Руки — загребущие».

Но, вместе с тем, в былинах Алеше часто дают эпитеты: "смелый, удалой". В одной былине говорится, что "Алешина молитва до Бога доходна": он богомольный; недаром он сын Ростовского протопопа.

Самый главный подвиг Алеши, — это победа над Змием Тугарином, существом страшным, представляющим из себя нечто среднее между Идолищем Поганым и Змеем Горынчищем. Также, как Идолище Поганое, он появляется из степи, как образ всех степных врагов Руси; он едет на коне, разодетый в богатое самоцветное платье. По другим былинам, он, как Змей Горынчище, летает под облаками на крыльях и обладает волшебной силой. Существует несколько вариантов этой былины, но главный факт всюду остается тот же: Алеша Попович побеждает Тугарина хитростью. По одной былине Алеша переодевается каликою, подходит близко к Тугарину и внезапно отрубает ему голову. По другому варианту Алеша притворяется глухим, не слышит того, что кричит ему Тугарин, и заставляет врага подъехать близко. Затем вдруг кричит, указывая вдаль за спиной Тугарина, что идет за ним "сила несметная", и, когда Тугарин оглядывается назад, Алеша быстро отрубает ему голову, — "и пала голова его на сыру-землю, как пивной котел". На Змие Тугарине было замечательно красивое платье "самоцветное". "Позарился" Алеша Попович на платье и нарядился в него. Вот когда сказались его "глаза завидущие, руки загребущие". Едет Алеша в заморском самоцветном платье, а навстречу ему попадается один из младших богатырей, Яким Иванович, которого, кстати сказать, Алеша часто заставляет на себя работать, служить себе, хоть и зовет его "названным братом". Яким Иванович, увидав незнакомое самоцветное платье, принял Алешу за самого Змия

Тугарина, напустился на него и порядочно поколотил своей "шелепугой подорожной". Насилу Алеша от него отбился.

Хитрый, ловкий, удалой и смелый, Алеша менее симпатичен, чем первые два богатыря. В одной былине говорится, что он "горделив, спесив", — да и вспыльчив, т. к. однажды, когда князь Владимир посадил Илью на почетное место, Алеша так рассердился, что бросил в Илью ножом. Алеша хвастлив, на заставе богатырской он хвастает:

«Я, братцы, поудалее всех,
У меня конь порыскучее».

Хвастовство Алеши сгубило не только его самого, но и всех богатырей. Вот, что рассказывается в былине о том, к а к п е р е в е л и с ь в и т я з и н а с в я т о й Р у с и.

На заставе богатырской находились вместе все богатыри. Тут и старый атаман Илья Муромец, и податаманье Добрыня Никитич и удалой эсаул Алеша Попович, и другие младшие богатыри. На землю русскую надвигалась вражеская сила татарская (по одному варианту — один богатырь "нахвальщик", по другому — "сила несметная"), богатыри наши отразили и победили эту вражескую силу. И вот Алеша Попович неразумно стал хвастать этой победой, говоря, что еще:

«Не намахались наши плечи могутные,
Не завострились наши мечи булатные,
Подавай нам силу нездешнюю, —
Мы и с тою силою справимся!».

Как только произнес он этот страшный вызов, так и был сразу наказан. Русским богатырям была дана именно сила "нездешняя", сверхъестественная; дана она была свыше, но лишь на добрые дела, на "стояние" за веру православную, за святую Русь; когда же Алеша в безумной гордости вызвал на бой "нездешнюю", т. е., небесную силу, весь глубокий смысл богатырского служения был нарушен, — и сила была отнята у богатырей.

Сила небесная явилась на вызов Алеши в образе двух светлых воителей. Алеша бросился на них и со всего плеча разрубил их пополам, — и что же? Их стало четверо, "и живы все"! Он и на этих четверых напустился, но от каждого удара его меча число воителей удваивалось. Тогда Добрыня Никитич и Илья Муромец бросились на помощь Алеше, но от ударов их мечей число воителей все увеличивалось, "сила" все росла.

«А сила все растет, да растет,
Все на витязей с боем идет»...

Бились наши богатыри "три дня, три ночи, три часа, три минуточки"...

«И намахались их плечи могутные,
Затупились мечи их булатные...
А сила все растет, да растет,
Все на витязей с боем идет!»

Испугались могучие богатыри и в первый раз в жизни повернулись и побежали к "каменным горам", но не добежав до гор, они окаменели:

«Как подбежит богатырь к горе, так и окаменеет,
Как подбежит другой, — так и окаменеет;
С тех пор перевелись витязи на святой Руси».

10.

Заезжие богатыри:
Чурила Пленкович. Дюк Степанович.

К циклу Киевских богатырей можно отнести еще несколько былин о заезжих богатырях, приезжавших гостить ко двору ласкового князя Владимира из далеких стран. По времени нужно отнести эти былины к самому расцвету киевской Руси, к периоду до последней былины "о том, как перевелись витязи на святой Руси".

В былине о Чуриле Пленковиче рассказывается, что к князю Владимиру пришли его охотники и рыбаки жаловаться на то, что какие-то чужие дружинники избили их, княжеских слуг, и без разрешения охотятся в княжеских лесах, ловят рыбу в княжеских водах. Дружинники эти — слуги заезжего богатыря, Чурилы Пленковича. Князь едет со своей дружиной, боярами и богатырями в поместье заезжего богатыря объясняться с ним. Но, приехав во владения Чурилы Пленковича, князь застает дома только старого Пленко, отца Чурилы, который с радушием и почетом встречает Владимира. Князь дивится красоте и богатству терема Чурилы:

«На небе солнце, и в тереме — солнце,
На небе месяц, и в тереме — месяц,
На небе зори, и в тереме — зори
И вся красота поднебесная».

Вот как описаны палаты Чурилы. Пленко приглашает князя к столу и князь Владимир, забыв, что приехал по поводу жалоб своих рыбаков и охотников, благодушно садится пировать с новым знакомым. В середине пира раздается какой-то необычайный шум, и князь Владимир "ужаснулся", увидав в окно приближающуюся огромную дружину и впереди нее — человека, необыкновенно богато одетого, над которым слуги несут "подсолнечник" (зонтик), и которого Владимир принял за грозного посла из Орды. Пленко усмехнулся и объяснил князю, что это — его сын, Чурила Пленкович, со своей дружиной возвращается с охоты, а что "подсолнечник" несут над ним для того, чтобы "не запекло солнце его лица белого". Чурила — красавец, щеголь и славится главным образом своим богатством и красотой.

Князь Владимир знакомится с Чурилой и приглашает по-

гостить к себе в Киев. Чурила принимает приглашение и подносит князю и княгине драгоценные подарки, “сорок сороков черных соболей, сорок сороков чернобурых лисиц”.

В Киеве Чурила встречается с другим заезжим богатырем, Дюком Степановичем. Этот богатырь прибыл в Киев из Индии богатой. За столом князя Владимира новый гость, Дюк Степанович, ведет себя довольно невежливо:

«Пирожок только прикусывает,
А нижнюю корочку под стол мечет;
Одну чару выпивает,
А другую за окно льет».

На вопрос, почему он так поступает, Дюк отвечает, что не привык он к питиям и явствам Киевским, что “напиточки” Киевские — затхлые, а пирожок “отзывается” хвоей сосновой. При этом Дюк Степанович рассказывает, что у него в Индии богатой, у его родной матушки, “честной вдовы Мамелфы Тимофеевны”, напиточки хранятся в погребах глубоких в бочках, которые подвешаны на серебряных цепях. В погреба глубокие пробиты окна:

«Туда подведены ветры буйные;
Как повеют ветры буйные,
Пойдут воздухи по погребам,
Так загогочут бочки, будто лебеди,
Будто лебеди на тихих на заводях, —
Так век не затхнутся напиточки сладкие».

Дюк Степанович жалуется еще на грязь Киевских улиц, говорит, что у него в Индии богатой, от его терема до самой церкви, проложены ковры сукна алого, что когда его матушка, “честная вдова Мамелфа Тимофеевна”, идет к обедне, она “сапожек сафьяновых” не запачкает. Князь Владимир ничуть не обижается на своего гостя, он восхищен рассказами об Индии богатой. Но Чурила Пленкович, богач и щеголь, задет за живое; он предлагает Дюку вступить с ним в своеобразное состязание, состоящее в том, что они каждый день должны появляться на улицах Киева в новых одеждах, и выиграет тот, у кого окажется больше платья. Дюк принимает этот вызов, но говорит, что “его дело заезжее”, что в путешествие он не взял с собой всех своих одежд, и просит дать ему времени, чтобы послать в Индию за своими вещами. Ему дают срок, и, когда его вещи прибывают из Индии, начинается состязание. Каждый день Дюк и Чурила прохаживаются по улицам Киева в новых богатых одеждах, “то в серебре, то — в золоте, то — в каменьях самоцветных”. Женщины и девушки смотрят из окон и дверей и любуются красотой Чурилы, его “походкой щепеливой”. Но богатством своим Дюк Степанович все же превосходит Чурилу Пленковича, и в конце концов, побеждает заезжий Индийский богатырь. Князь Владимир восхищен

богатством Дюка и, провожая его в обратный путь, отправляет с ним своих дружинников для того, чтобы они описали ему подробно славную Индию. По возвращении из Индии дружинники говорят князю, что если бы собрать бумагу со всего света, то ее все равно не хватило бы для того, чтобы описать все "богачества славной Индии".

По этой былине мы видим, как относились русские люди к иностранцам: всегда приветливо, гостеприимно, без всякой зависти к их преимуществам, доброжелательно и с интересом к чужим странам.

11.

Соловей Будимирович, Ставр Годинович и Василиса Микулишна.

Соловей Будимирович. Заезжий богатырь Соловей Будимирович приезжает в Киев из "славного города Леденца" — так, вероятно, в былинах называют Венецию. Былина начинается поэтичной и красивой картиной простора:

«Высота, высота поднебесная,
Глубота, глубота окиан-море,
Широко раздолье по всей земле,
Глубоки омуты Днепровские...»

Соловей Будимирович приезжает в Киев на 30-ти кораблях, в былине описывается богатство и роскошь первого корабля:

«У того было у сокола корабля
Вместо очей было вставлено
По дорогому каменю по яхонту,
Вместо бровей было прибивано
По черному соболю якутскому.
На том было на соколе корабле
Два медведя белые, заморские,
Нос, корма по-туриному,
Бока взведены по-звериному».

Приехав в Киев, Соловей Будимирович просит у князя Владимира разрешения построить в Киеве палаты и, получив разрешенье, отдает распоряженье своим дружинникам, которые в одну ночь возводят три каменные палаты, одну — богаче другой. Рано утром племянница князя Владимира, молодая княжна Забава Путятишна, подстрекаемая любопытством, тихонько пробирается к палатам Соловья и заглядывает в первую палату: там лежит несметная казна Соловья. Дальше пробирается молодая княжна и заглядывает во вторую палату: там находится мать Соловья Будимировича, и слышит Забава Путятишна, что старушка "творит тихую молитву". Наконец, в третьей палате княжна видит самого Соловья с его дружиной. Великолепие палат и красота заезжего богатыря так поражают

молодую княжну, что у нее “резвы ноженьки подкосилися”, и она упала бы, если бы сам Соловей не поддержал ее. Он в свою очередь так тронут красотой Забавы Путятишны, что немедленно начинает сватать ее, и дело кончается свадьбой и пиром у князя Владимира-Красного Солнышка.

Ставр Годинович и Василиса Микулишна. Другой заезжий богатырь, Ставр Годинович, известен не собственными подвигами, а умом и ловкостью своей верной жены, Василисы Микулишны. В былинах часто описываются пиры у ласкового князя Владимира; часто за этими пирами веселые гости, наевшись и напившись “сладких напиточков”, хвастают друг перед другом:

«Иной хвастает добрым конем,
Иной хвастает своею ухваткою,
А бояре хвастают животом своим.
Умный хвалится своею матушкой,
Глупый хвалится молодой женой».

Вот во время такого веселого пира заезжий богатырь Ставр Годинович не в меру “расхвалился”, да так расхвалился, что даже кроткий и ласковый князь Владимир обиделся и, рассердившись не на шутку, велел своим дружинникам схватить Ставра “за руки белые, отвести его в погреба глубокие, заковать в оковы железные”.

В далеком своем терему долго поджидала Василиса Микулишна, молодая жена Ставра Годиновича, своего любимого муженька. Не возвращается он из “славного града Киева”, от ласкового князя Владимира! Наконец дошла до Василисы Микулишны весть о том, что прогневался князь Владимир на Ставра Годиновича, что сидит Ставр в погребах глубоких, закован в оковы железные. Василиса Микулишна — женщина необыкновенного ума и находчивости. Переодевшись в мужское платье, она едет в Киев и является к князю Владимиру, выдавая себя за турецкого посла, Василия Микулича. Владимир-Красное Солнышко радушно принимает иноземного гостя и, конечно, приглашает с собой на пир. После этого пира молодой Василий Микулич вызывает дружинников князя Владимира на всевозможные состязания. Они стреляют в цель из луков, борются, и всюду побеждает ловкостью и силой переодетая в мужское платье Василиса Микулишна. Наконец она предлагает самому князю Владимиру сразиться с ней в шахматы — и разбивает князя! Князь, восхищенный ловкостью и умом своего гостя, спрашивает его, чем бы он мог доставить ему удовольствие, обещая исполнить любую его просьбу. Тогда Василий Микулич говорит, что слыхал о заключенном в погребах князя Владимира богатыре Ставре Годиновиче, что этот богатырь — знаменитый певец, и что ему, Василию Микуличу, хотелось бы увидать Ставра и послушать его пение. Князь Вла-

димир немедленно приказывает привести Ставра из "погребов глубоких". Бедный Ставр от долгого сиденья в темных погребах почти ничего не видит и не узнает своей жены, переодетой турецким послом. Он начинает петь по приказу князя, а Василиса Микулишна тихонько скрывается во время пения и возвращается, переодетая в свое обычное, женское платье. Ставр Годинович, узнав жену, бросается к ней, а ласковый князь Владимир, умиленный их любовью и преданностью умной и доблестной Василисы Микулишны, забывает обиды, нанесенные ему Ставром Годиновичем, и с честью отпускает супругов во свояси.

Этой былиной заканчивается цикл заезжих богатырей. Конечно, здесь приведены не все существующие былины о старших, Киевских и заезжих богатырях, а лишь те, которые наиболее дают представление о любимых народных героях.

12.

Новгородские богатыри.

Различие новгородских и киевских богатырей. Новгородские былины сильно отличаются от киевских по содержанию и по характеру своих героев. Киевские богатыри совершают подвиги, стерегут границы родной земли, защищают ее от степных врагов, они — воины-богатыри. Новгород — далек от степи; татары и другие кочевники никогда не добирались до его пределов. Это, главным образом, — торговый город, сильный и гордый своим богатством, величающий себя: "Господин Великий Новгород". Новгородские богатыри не защищают родной земли, не совершают никаких подвигов. Своеобразная жизнь "Господина Великого Новгорода" отражается в былинах.

Новгородских богатырей всего двое: Садко и Василий Буслаев.

Садко — богатый гость, т. е., — купец новгородский. Он известен искусным пением и игрой на гуслях, и сам Царь Морской полюбил его за это и помог ему разбогатеть. Садко осмеливается даже "биться об заклад", т. е.. состязаться в богатстве со всем Новгородом. По одной былине Садко побеждает и скупает все товары новгородские, по другой — наоборот, Новгород оказывается победителем. Оба эти варианта сходятся в том, что после состязания Садко (по одной былине — победитель, по другой — побежденный) покидает Новгород со своей дружиной на тридцати кораблях, едет по "окиан-морю". Но Морской Царь недоволен тем, что Садко давно не платил ему дани и задерживает его корабль. Все корабли легко плывут по морю-океану, но "Сокол" корабль, на

котором находится сам Садко, не может сдвинуться с места. Напрасно Садко велит кидать в море — сперва пшеницу, потом — бочки серебра и золота, — корабль не двигается с места, и Садко понимает, что Морской Царь требует человеческой жертвы. В этом виден остаток древних языческих верований, когда еще приносились человеческие жертвы.

Садко велит своим слугам бросить жребий, чтобы узнать, кого именно требует Царь Морской, и при этом хитрит: велит слугам кидать каждому свой жребий в море: чей жребий потонет, того, значит, и требует Царь Морской. Сам Садко кидает в море "хмелево перо", которое, конечно, не должно потонуть, но оно-то и тонет, тогда как другие "жеребья" плывут. Тогда Садко меняет условие: чей жребий поплывет, а не потонет, тот будет принесен в жертву Царю Морскому. Слуги бросают в море кусочки дерева с написанными именами, а Садко кидает свой булатный меч, весом в "девяносто пуд", и — чудо! Деревянные жребии тонут, а булатный меч плывет. Делать нечего, видит Садко, что Царь Морской именно его самого хочет заполучить, берет он свои "гусли звонкие", садится на дорогую золотую "шахматницу" (шахматную доску) и велит спустить себя в синее море. Как только его спустили с корабля на воду, "Сокол" корабль побежал по морю, "как бел кречет".

Садко идет ко дну и попадает в царство Морского Царя, которому давно хотелось послушать его пение и игру на гуслях. Садко играет и поет, а Царь под его музыку начинает плясать и так пляшет, что взбаламучивает все море. В благодарность за доставленное удовольствие, Царь Морской предлагает Садко выбрать себе в жены одну из его дочерей и устраивает свадебный пир, во время которого Садко опять играет, а Царь Морской со всем царством морским вновь пускается плясать, да так пляшет, что поднимается на море страшная буря. Тонут корабли, гибнут души христианские. Среди этой страшной бури, этого хаоса морского, является вдруг святитель Николай, "Микола Можайский", как его называют в былине. Православный народ особенно чтит святителя Николая, считает его покровителем "по морю плавающих". Вот и здесь является великий святой на защиту всех гибнущих от неистовой пляски Царя Морского. Святитель Николай велит Садко порвать струны и бросить свои гусли:

«А и рви ты свои струны золоты,
И бросай ты гусли звончаты,
Расплясался у тебя Царь Морской,
А сине море всколебалося,
А и быстры реки разливалися,
Топят много бусы-корабли,

Топят души напрасные
Того народа православного».

Садко послушался, порвал свои струны золотые, и святитель Николай перекинул его на Волхов реку, под самый под Новгород. Проснулся Садко, увидал свой родной город — и вдруг видит: по Волхове-реке возвращаются домой его тридцать кораблей. Возблагодарил Бога Садко и на месте своего пробуждения поставил церковь святому Миколе Можайскому в благодарность за свое спасение.

13.

Василий Буслаев.

Второй новгородский богатырь — Василий Буслаев. Он известен только своей силой, буйством и разгулом. Это — несимпатичный богатырь. В детстве мать отдала его учиться грамоте; он легко научился "пером писать", читать и петь в церкви. Но наука не пошла ему на пользу, т. к., он еще смолоду стал проявлять свой буйный, неистовый нрав и сдружился с дурными людьми,

«Допьяна уж стал напиваться;
А и ходит в городе и уродует;
Которого возьмет он за руку,
Из плеча тому руку выдернет».

Делает это он не со злобы, а из озорства, из желания драться.

Потом Василий, или Васька, как его часто называют в былинах, набирает себе дружину, заманивая к себе на службу обещанием всегда сладко есть и пить, без особого труда и работы, — другими словами: есть и пить награбленное. Набор дружины происходит следующим оригинальным образом. Васька принимает желающих поступить к себе на службу на дворе, где он поит их вином и испытывает силу приходящих к нему, нанося каждому страшный удар по голове "червленым вязом", налитым до половины свинцом. Кто выдерживает это испытание, тот достоин быть дружинником Васьки Буслаева. Первый его дружинник и сподвижник — Костя Новоторженин, удалой молодец, у которого от страшного удара по голове даже "кудри не шелохнулись". Таким образом набирает Васька Буслаев себе в дружину двадцать девять буйных молодцев, сам он — тридцатый. С этой дружиной Василий Буслаев предлагает Новгороду "биться о великий заклад", но заклад — другого рода, чем Садко. Васька Буслаев предлагает всем мужикам новгородским драться с ним и его дружиной, кто кого одолеет? Начинается страшное побоище; Васька "уродует" и буйствует:

«Началась у них драка-бой великая...
Пошел Василий по Волх-реке.
И идет Василий по Волх-реке,
По той Волховой по улице.
С теми мужиками новгородскими
Он дерется, бьется день до вечера.
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
А уж мужики покорилися,
Покорилися, помирилися».

Они просят крестного отца Васьки, "Старчище-Пилигримище", унять своего расходившегося крестника. Но когда Старчище-Пилигримище с церковным колоколом на голове является на место побоища, Васька и его убивает.

В описании этого страшного боя видно несомненное отражение знаменитых новгородских драк, происходивших часто после вечевых сходок, а вмешательство Старчища-Пилигримища с церковным колоколом на голове напоминает вмешательство церковных властей, епископов и митрополитов новгородских, нередко приходивших разнимать и мирить воюющих.

Наконец мужики новгородские взмолились к матери Василия Буслаева, чтобы она "уняла свое чадо милое". Матери удалось остановить Ваську: она зашла сзади и положила ему руки на плечи. Он оглянулся, остановился и похвалил мать за догадливость: "а то", говорит, "если бы ты спереди зашла, я б и тебя убил". Этим Васька показывает, что в пылу сражения он совершенно забывается, увлекается: способен не разбирая, и мать убить.

Другая былина рассказывает о путешествии Василия Буслаева с дружиной в Святую землю, в Иерусалим.

«С молоду много бито, граблено,
Под старость надо душу спасать».

Но и в Святой земле Васька не оставляет своего "буйного обычая". Приближаясь к Иерусалиму видит он на дороге человеческий череп, "пустую голову" и рядом — камень. Он толкает ногой без всякого уважения "пустую голову" и прыгает через камень, не обращая внимания на слова мертвой головы, которая предсказывает, что тот, кто будет через этот камень скакать, сломит себе "буйную голову".

Подойдя к Иордану, несмотря на общее уважение к святому месту, к реке, в которую благочестивые люди раз в год, в день Крещения, погружаются в одежде и с молитвою, — Васька без всякого благоговения со своей дружиной нагишом в Иордане купается.

Но наступает предел его разгульному буйству. Возвращаясь в Иерусалим, Васьма видит опять на дороге череп человеческий и рядом — роковой камень. Васька предлагает

своей дружине скакать через камень, говоря, что он сам будет скакать задом. Разбежался Васька задом, споткнулся, пал на камень и убился на-смерть, "сломил себе буйную голову". Дружина похоронила его подле мертвой головы.

14.

Исторические песни "О Щелкане Дудентьевиче", "О Михайле Козаринове", "О взятии Казани" и пр.

Исторические песни и былины. Исторические песни немного отличаются от былин. Правда, некоторые богатыри напоминают разных исторических героев, но в былинах все фантастично-сверхъестественно. В исторических же песнях воспеваются исторические события и лица, часто преувеличенные народной фантазией; но сказочного, сверхъестественного в исторических песнях нет.

Когда складывались исторические песни? Большая часть исторических песен относится к эпохе татарского ига, к эпохе Иоанна Грозного и к Смутному времени. Но и в позднейшие времена складывались в народе исторические песни, складываются и в наши дни. Самые известные песни из эпохи татарского ига, это — песни о Щелкане Дудентьевиче и о Михаиле Козаринове.

Песня о Щелкане Дудентьевиче. Щелкан Дудентьевич — любимый шурин татарского царя Азвяка. Ездит Щелкан по покоренной русской земле и берет жестокую дань с русских людей:

«С князей брал по сту рублев,
С бояр — по пятидесяти,
С крестьян — по пяти рублев;
У которого денег нет,
У того — дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того жену возьмет;
У которого жены нет,
Того самого с головой возьмет».

В песне рисуется тяжелая картина сбора дани. Пока Щелкан таким образом собирает дань, в "Большой Орде" (Золотой Орде) царь Азвяк делит между татарами русские города: кому он дарит Вологду, кому — Кострому, одному любимому шурину, Щелкану Дудентьевичу, ничего не подарил. Щелкан между тем возвращается в Орду и просит Азвяка подарить ему "Тверь старую, Тверь богатую". Получивши Тверь, Щелкан едет в свое новое владенье и начинает так круто расправляться с тверичанами, что они, доведенные до отчаяния, идут жаловаться на него своим русским князьям, Борисовичам. Князья хотят заступиться за своих мужиков и отправляются к Щел-

кану с подарками. Щелкан подарки принимает, но князьям "чести не воздает". Тогда, потерявши терпенье, они расправляются с злым татарином: один берет его за волосы, другой — за ноги и разрывают его пополам. "И ни на ком не сыскалося"... В этихъ словах, которыми заканчивается песня, народ выражает свою заветную мечту. Вряд ли такой поступок на самом деле остался бы безнаказанным!

О Михайле Козаринове. Другая песня из татарской эпохи рассказывает о том, как Михайло Козаринов освобождает из татарского плена русскую девушку "полоняночку". Сам Михайло Козаринов своей силой и удалью напоминает знакомых нам богатырей. В песне рассказывается, как он увидал с горы "в поле три бела шатра"; увидал:

«Сидят три татарина,
Три собаки наездники,
Перед ними ходит красна девица,
Русска девица полоняночка».

Три татарина взяли ее в плен, а она перед ними плачет, "во слезах не может слова молвити". Очевидно, часто татары брали таким образом в плен русских девушек и увозили их.

«Как ясен сокол напущается
На синем море на гуси и лебеди,
Во чистом поле напущается
Молодой Михайла Козарянин»

на трех злодеев татар.

«Первого татарина копьем сколол,
Другого, собаку, конем стоптал,
Третьего — о сыру землю».

Освободив русскую девушку, он узнает в ней родную сестру. Жалобно она рассказывает брату:

«Я вечор гуляла в зеленом саду
Со своей сударыней матушкой,
Как издалеча из чиста поля,
Как черны вороны налетывали,
Набегали тут три татарина наездника,
Полоняли меня, красну девицу,
Повезли меня во чисто поле;
А я так татарам досталася,
Трем собакам наездникам».

Песня о взятии Казани. Из эпохи царствования Иоанна Грозного известны песни, в которых отражается характер Горзного царя, порывы его страшной жестокости, переходящей иногда вдруг в покаяние и щедрую милость. Известна песнь о взятии Казани. Рассказывается, как пушкари подвели подкопы под стены казанские, подкатили бочки с порохом, провели к бочкам фитиль и прикрепили его к зажженной "свече воску ярого". Такую же свечу зажег у себя в палатке царь Иван Васильевич и следит, как она догорит, зная,

что когда догорит эта свеча, догорит и та, которая в подземельи, и должен раздаться взрыв, стены казанские должны взлететь. Однако, свеча догорает, а взрыва нет.

«Воспалился тут великий князь Московский,
Князь Иван, сударь, Васильевич, прозритель,
И начал канонеров (пушкарей) тут казнити,
Что началася от канонеров измена».

Едва упросили пушкари царя выслушать их, объяснили ему,

«Что на ветре свеча горит скорее,
А в земле то свеча идет тише».

Призадумался грозный царь, слушая объяснение пушкарей, а в это время свеча под землей догорела, раздался взрыв, и стены казанские взлетели на воздух.

Есть песни о покорении Сибири, о казаке Ермаке.

Песни эпохи Смутного времени и др. Несколько песен относятся к эпохе Смутного времени. В этих песнях мы видим отрицательное отношение к Лжедмитрию, Гришке Отрепьеву, которого народ называет "еретиком", "воромсобакою", а Марине Мнишек даже приписывается колдовство, чародейство: когда Лжедмитрия убили, Марина вылетела из окна, обернувшись сорокой.

Есть песня о царевне Ксении Годуновой, к которой народ, наоборот, относится с большим сочувствием, жалеет ее, оставшуюся сиротой после смерти царя Бориса Годунова, во власти Гришки Отрепьева.

Есть несколько песен о Петре Великом. Складывались народные и солдатские песни и позднее, во время разных войн. Складываются песни в народе и в наши дни.

15.

Апокрифы и духовные стихи.

Былины слагались и пелись чаще всего дружинниками князей, они относятся главным образом к периоду Киевской Руси.

Исторические песни слагались в народе на протяжении всей исторической жизни России.

Апокрифы и духовные стихи складывались и пелись в очень определенной среде, близкой к духовной жизни, странниками, часто слепцами, ходившими по святым местам. Сранничество было очень развито на Руси и почиталось, как святой подвиг. В старину странников-слепцов звали "каликами перехожими". Слово "калика" объясняют двояко: или оно происходит от русского слова "калека", или — от латинского "калига", обозначавшего особую обувь, которую носили странники. Вот в этой среде странников-калик и складывались апокрифы и духовные стихи.

Что такое апокрифы? Апокрифами называются рассказы,

большею частью — в стихах, сочиненные на какую-нибудь тему, взятую из Священного Писания, но приукрашенную народной фантазией. Некоторые апокрифы-легенды очень красивы и поэтичны, некоторые искажают Священное Писание и противны церковному учению.

Что такое духовные стихи? Духовные стихи, это — песни, сочиненные на духовную, религиозную тему. Слагались апокрифы и духовные стихи и в древние времена, но самый расцвет их относится к XVII-му веку, к царствованию царя Алексея Михайловича, который очень их ценил и поощрял слепых певцов.

Можно разделить апокрифы и духовные стихи на: ветхозаветные, новозаветные и житийные.

Об Адаме и Еве. Самый известный ветхозаветный апокриф — об Адаме и Еве. В нем рассказывается, как Адам, дожив до 930-ти лет, почувствовал приближение смерти и попросил Сифа принести ему из рая масличную ветвь. Затем рассказывается подробно об изгнании из рая Адама и Евы. Очень красиво изображен плач Адама перед затворившимся для него раем. Адам обращается к раю, как к одушевленному существу: "о, раю мой, раю! пресветлый мой раю! Ради мене сотворенный и ради Евы затворенный, милостиво помилуй мя, падшего!" Это место напоминает стихиру, поющуюся в церкви на вечерне последнего Воскресения перед Великим Постом.

Сиф и Ева идут по просьбе Адама за райской ветвью и плачут перед входом в рай. Ангел, увидав их слезы и сжалившись, дает им ветвь с того самого дерева, плоды которого в раю они не должны были вкушать. Адам делает себе из этой ветви венок и надевает на голову (символ тернового венца Спасителя); затем Адам слышит голос Божий: "земля еси и в землю отыдеши" и умирает. Вскоре умирает и Ева; Сиф хоронит своих родителей там же, где был погребен Авель.

Хождение Богородицы по мукам. В другом новозаветном апокрифе, который называется "Хождение Богородицы по мукам", рассказывается о том, что Божия Матерь захотела видеть мучения грешников в аду. Бог послал архангела Михаила с 400-ми ангелов, по сто ангелов на каждую сторону света, чтобы открыть перед Богородицей разные части ада. Ангелы поочередно раскрывают север, юг, восток и запад ада, и Божия Матерь видит страшные мучения грешников. Ад изображен очень материалистически, яркими и страшными красками. Божия Матерь видит разные мучения; видит грешников, мучающихся в огне: это люди, по лени не ходившие на Пасху к заутрени; видит грешников, повешанных за язык на ветвях железного дерева; это — люди, говорившие неправду, клеветавшие на ближних; видит евреев, убивших Христа, кипящих в смоляном озере.

Божия Матерь сжалилась над грешниками и захотела сама

с ними мучиться; но архангел Михаил сказал Ей, что Она, безгрешная, не может быть с грешниками, Ее место — в раю. Тогда, по просьбе Божией Матери, ангелы несут Ее к престолу Божию, и Она умоляет Сына Своего помиловать грешников. Господь услышал молитву Своей Пречистой Матери и даровал грешникам милость: они будут отдыхать ежегодно от Великого Четверга до Пятидесятницы.

Стих о Вознесении. Замечательно красив и поэтичен стих о Вознесении. Накануне Вознесения вся нищая братия расплакалась перед Господом Иисусом Христом:

«Уж Ты истинный Христос, Царь Небесный,
Чем мы будем, бедные, одеваться, обуваться?
Чем мы будем, бедные, питаться?
На кого Ты нас оставляешь?
На кого Ты нас покидаешь?»

Господь утешает нищих и обещает оставить им золотую гору. Но Иоанн Златоуст возражает, что богатые и сильные люди отнимут у нищих золотую гору. "Дай им лучше, — говорит он Господу — Имя Твое святое" — оно их накормит и оденет. С тех пор нищие по всей земле кормятся именем Христовым. А Иоанна Господь похвалил за мудрый совет и сказал:

«Ты Иван да богословец,
Ты Иван да златоустый!
Ты умел слово сказати,
Пусть твои уста то золотые,
Пусть тебе в году праздники частые».

Здесь очевидно смешан Апостол Иоанн Богослов с святителем Иоанном Златоустом.

16.

Духовные стихи.

Стих о Лазаре. Один из любимых стихов нищих-странников это — стих о Лазаре, или о двух Лазарях. В этом стихе с разными вариантами рассказывается евангельская притча о богатом и Лазаре; в одном варианте говорится, что богач и нищий были братья, и обоих называют Лазарями. Понятно, что нищие-странники особенно любят притчу, в которой говорится о таком же, как они, нищем, попавшем в Царство Небесное. Нищие в России так часто пели этот стих о Лазаре, пели его на заунывный, жалобный напев, что в русском языке появилось выражение "петь Лазаря", что обозначает: постоянно жаловаться на свою судьбу.

Из житийных стихов особенно известны два: стих о Егории Храбром и об Алексее, человеке Божием. Стих о Егории Храбром полон сказочной фантазии. Егорий родился в Иерусалиме, он — сын царя Федора и царицы Со-

фии премудрой. Стих описывает Егория фантастическими чертами: у Егория

«По колена ноги в чистом серебре,
По локоть руки в красном золоте,
Голова у Егория вся жемчужная,
По всем Егории часты звезды».

Иерусалим попал в руки

«Царища Демьянища,
Безбожного пса бусурманища»,

который предает Егория различным мучениям для того, чтобы заставить его отречься от веры христианской. Подробно описываются ужасные мучения Егория, от которых его избавляет сила Божия, и удивительно красив и ясен ответ Егория царю:

«Ты — злодей, царище-бусурманище!
Я не верую веры твоея неверныя,
Ни твоим богам, да идолам,
Ни тебе, царищу-бусурманищу!
Верую в веру крещеную,
Во крещеную, богомольную,
Самому Христу, Царю Небесному!
Во мать Пресвятую Богородицу,
Еще в Троицу нераздельную!»

Три сестры Егория не выдержали испытания и отступились от правой веры. "Царище Демьянище", увидав, что Егорий непоколебим, велел посадить его в глубокий погреб,

«Закрыть досками железными,
Засыпать песками рудожелтыми;
Не бывать Егорью на святой Руси,
Не видать Егорью света белого».

Тридцать лет сидел Егорий в заточении. Наконец, сама Матерь Божия явилась ему. По Божию повелению налетели ветры буйные, разнесли пески рудожелтые, разметали доски железные, — "выходил Егорий на святую Русь". — Иерусалим оказывается недалеко от России.

«И пошел Егорий по святой Руси,
По святой Руси, по сырой земле,
Ко тому граду Иерусалиму».

Во время своего прохождения по святой Руси Егорий водворяет стройный порядок в каком-то безобразном хаосе дремучих лесов, рек, гор, стад звериных, серых волков и змей. Вся эта дикая природа подчиняется святому. Егорий побывал и в Киеве; в конце концов,

. . . «проезжаючи,
Святую веру насаждаючи,
Наехал Егорий на палаты белокаменные»,

где пребывает царище Демьянище, который, завидев Егория, "кричит по-звериному, визжит по-змеиному", как Соловей-разбойник. Егорий побеждает безбожного царя и окончательно

утверждает "веру Самому Христу, Царю Небесному". Потом он находит своих трех сестер, которые за свое отступничество обросли "камышем-травой", покрылись еловой корой. Он их ведет к Иордану, говорит им, чтобы они умылись-окрестились, ко гробу Христову приложились". Сестры слушаются Егория и очищаются от своей еловой коры и "камыша-травы". Егорий возвращает их матери, Софии премудрой. На этом стих кончается и поется слава "Святу Егорию".

В стихе об Алексие, человеке Божием нет ничего фантастического. Он трогателен своей простотой и реализмом. Житие этого святого близко сердцу всякому страннику-нищему. Алексей был единственным любимым сыном богатых родителей. В детстве он прекрасно учился и постиг все Божественное Писание. Когда он вырос, родители решили его женить, но он просил отца:

«Не неволь меня, батюшка, жениться,
Пусти меня Богу молиться,
Со младости лет Богу потрудиться».

Отец не внял его просьбам, выбрал сыну невесту и устроил свадьбу. Во время свадьбы Алексей был очень грустен, а после свадьбы, оставшись наедине со своей молодой женой, он спросил ее, согласна ли она вместе с ним молиться, вести, как он, монашескую жизнь. Жена ничего не ответила на этот вопрос. Тогда, трогательно простившись с ней, Алексей тут же ночью тайно удалился из дома, роздал свои деньги нищим, и сам обратился в нищего странника. Господь изменил черты его лица, он стал плохо видеть, стал похож на убогого. Так он странствовал, питаясь милостыней, укрепляясь молитвой. Через некоторое время Божия Матерь явилась Алексею и велела ему идти к родительскому дому. Когда он пришел к дому, никто не узнал его, а приняли его, как нищего-странника. Отец его, человек благочестивый, часто благотворивший бедным, велел построить у ворот келью этому убогому нищему. В ней и жил, неузнанный никем, Алексей, человек Божий, до самой своей смерти. Слуги, — его же собственные слуги, часто обижали его, выливали на него помои, плевали на него. Он терпел молча. Перед смертью он написал историю всей своей жизни и умер с этим рукописанием в руках. Сам патриарх всенародно прочел это глубокотрогательное житие. Родители и жена плакали над телом святого; от мощей его начали совершаться чудеса.

17.

Стих о Голубиной книге.

Есть несколько духовных стихов о Страшном Суде. Вопросы будущего и прошедшего земли, т. е. — сотворения и

конца мира, всегда интересовали русский народ. Особенно сказывается этот интерес, эта народная философия, в замечательном стихе о Голубиной книге; надо отметить, что философия русского народа всегда отличается мистическим, религиозным характером.

Вот содержание стиха о Голубиной книге. Из грозовой тучи с неба упала на землю книга необыкновенной величины,

«Долины книга сороку сажень,
Поперечины — двадцать сажень».

Слово “голубиная” можно объяснить двояко: или тут подразумевается то, что книга эта продиктована Святым Духом — Голубем, или подразумевается глубина мудрости этой книги — “голубиная — глубинная”.

«Писал эту книгу святой Исай пророк,
Читал эту книгу Иван Богослов.
Он читал эту книгу ровно три года,
Прочитал в книге только три листа».

Со всех сторон света белого съезжались к этой книге

«Сорок царей со царевичем,
Сорок князей со княжевичем».
Много народу, людей мелких,
Христиан православных».

Среди них является царь Давид, которого в стихе называют “Давыдом Ессеевичем” и князь “Володимер Володимерович” (по некоторым вариантам — Володумир или Малодумер). Какой князь Владимир тут подразумевается — неизвестно, ясно, что это — русский, вероятно — киевский князь. Князь Владимир начинает задавать царю Давиду целый ряд вопросов о происхождении вещей на земле.

«Ой ты гой еси, премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Ессеевич!
Прочти, сударь, книгу Божию,
Объяви, сударь, дела Божии,
Про наше житье свято-русское,
Про наше житье свету вольного!
От чего у нас начался белый вольный свет?
От чего у нас солнце красное?
От чего у нас млад светел месяц?
От чего у нас звезды частые?
От чего у нас ночи темные?
От чего у нас зори утренние?
От чего у нас ветры буйные?
От чего у нас дробен дождик?
От чего у нас ум-разум?
От чего наши помыслы?
От чего у нас мир-народ?
От чего у нас кости крепкие?

От чего телеса наши?
От чего кровь-руда наша?»

Царь Давид отвечает, что сам он прочесть книгу не может, но что по "старой своей памяти" расскажет, "как по грамоте", даст ответ на все эти вопросы:

«У нас белый вольный свет зачался от суда Божия,
Солнце красное — от лица Божьего,
Самого Христа, Царя Небесного,
Млад светел месяц — от грудей его,
Звезды частые — от риз Божиих;
Ночи темные — от дум Господних,
Зори утренние — от очей Господних,
Ветры буйны — от Святого Духа;
У нас ум-разум Самого Христа,
Самого Христа, Царя Небесного;
Наши помыслы от облац небесных;
У нас мир-народ от Адамия;
Кости крепкие — от камени;
Телеса наши — от сырой земли;
Кровь-руда наша — от черна-моря».

Удивительно поэтично, трогательно и глубоко по мысли это толкование происхождения вещей. Князь Владимир задает царю Давиду вторую серию вопросов о первенстве вещей:

«Который царь над царями царь?
Который город городам отец?
Кая река всем рекам мать?
Кая гора всем горам мать?
Кое древо всем древам мать?
Кая трава всем травам мать?» и т. д.

И Царь Давид отвечает, давая каждому ответу религиозное толкование:

«У нас белый царь над царями царь,
Он держит веру крещеную,
Веру крещеную, богомольную,
Стоит за веру христианскую,
За дом пресвятыя Богородицы.
Все орды ему поклонилися,
Все языки ему покорилися,
Потому белый царь над царями царь».

Иерусалим-город — городам отец, потому что в нем находится Гроб Господен. Иордан-река — всем рекам мать, потому что в ней крестился Иисус Христос. Фавор-гора — горам мать, потому что на ней Господь преобразился. Кипарис-древо — всем древам мати, потому что из кипариса сделан был Животворящий Крест, на котором был распят Господь.

«Плакун-трава — всем травам мати.
Когда жидовья Христа распяли,
Святую кровь Его пролили,

Мать Пречистая Богородица
По Иисусу Христу сильно плакала,
По Своем Сыну по возлюбленном;
Ронила слезы пречистые
На матушку сыру-землю.
От тех от слез от пречистыих
Зарождалася плакун-трава,
Потому плакун-трава — травам мати».

После этих объяснений князь Владимир рассказывает царю Давиду свой сон и просит растолковать его.

«Мне ночесь, сударь, мало спалось,

говорит князь

Мне во сне много виделось».

Видел он во сне борьбу двух лютых зверей, сбежавшихся с двух противуположных концов земли. Давид объясняет сон; борьру двух зверей он объясняет борьбой добра и зла, — Правды и Кривды.

«Это не два зверя собиралися», говорит Давид,
Не два лютые сбегалися:
Это кривда с правдою сходилися,
Промежду собой бились, дралися.
Кривда правду одолеть хочет;
Правда кривду переспорила.
Правда пошла на небеса,
К Самому Христу, Царю Небесному,
А кривда пошла у нас по всей земле,
По всей земле, по свет-русской,
По всему народу христианскому.
От кривды земля всколебалася,
От кривды стал народ неправильный,
Неправильный стал, злопамятный;
Кто будет кривдой жить,
Тот отчаянный от Господа,
Та душа не наследует
Себе Царства Небесного.
А кто будет правдой жить,
Тот причаянный ко Господу,
Та душа наследует себе Царство Небесное.
. . . .
Старым людям на послушанье,
А молодым людям для памяти.
Славу поем Давыду Ессеевичу,
Во век его слава не минуется».

Так заканчивается стих о Голубиной книге.

18.

Начало письменности. Св. братья Кирилл и Мефодий. Переводная письменность: Златоусты, Златоструи. Остромирово Евангелие. Изборники Святослава.

Письменность на Руси появилась вместе с христианством, в самом конце X-го века. Когда при св. кн. Владимире Русь приняла крещение (988 г.), греческое духовенство привезло в Киев книги Священного Писания (Евангелие, Апостол, Псалтирь и другие) и богослужебные книги на славянском языке. Переведены они были на славянский с греческого в половине IX-го века святыми братьями Кириллом и Мефодием, которых поэтому и зовут первоучителями славянскими.

Кирилл и Мефодий были греки; отец их, Лев, был знатный вельможа и занимал важное место в Солуни (Фессалоники — Салоники), главном городе Македонии. В Македонии жило много славян, и Кирилл и Мефодий с детства знали славянский язык. В то время все славянские племена — болгары, сербы и наши предки, русские, говорили на общем славянском языке, мало чем отличавшемся у этих разных народов.

Кирилл и Мефодий получили блестящее образование, — Кирилл воспитывался при Константинопольском дворе вместе с молодым императором Михаилом; обоих братьев ожидала блестящая светская будущность, но оба они предпочли посвятить свою жизнь Богу и миссионерскому служению людям. Оба брата приняли монашество. Предполагают, что на горе Олимпе, в уединении, вдали от мира, святые братья составили славянскую азбуку и занялись переводами Священного Писания на славянский язык.

Самая древняя азбука, известная нам, называлась «глаголицей»; она отличалась вычурностью своих букв. Позднее появилась другая азбука, называемая «кириллицей», которая легла в основу нашего церковно-славянского языка. В ней было 36 букв, из которых некоторые взяты из греческой азбуки, некоторые из еврейской, коптской, армянской и латинской.

Долгое время считалось, что «кириллица» была составлена св. Кириллом; уже в XX веке некоторые ученые стали доказывать, что «кириллица» появилась позднее славянских переводов Кирилла и Мефодия; было высказано предположение, что св. братья составили «глаголицу». Это предположение в настоящее время является господствующей теорией, но все же это еще спорный вопрос, и окончательно он до сих пор не разрешен.

Переведя Св. Писание на славянский язык, св. Кирилл и Мефодий много потрудились, проповедуя христианство в славянских странах. Были они в Моравии, нынешней Венгрии и Чехии, где установили богослужение на славянском языке, учредили школы. Были они и в пределах нынешней России, в царстве Хозарском, и там крестили многих славян. Во время

своей проповеднической деятельности Кирилл и Мефодий претерпели много несправедливых обвинений, гонений, но до конца жизни продолжали свое великое дело.

Итак, первая письменность, появившаяся на Руси в Х-м и XI-м веке, была духовно-религиозного характера. Книги приходили к нам из Греции, Болгарии и Сербии. Русские священники и монахи начали их переписывать. Кроме Св. Писания и богослужебных книг, стали распространяться славянские переводы поучений св. Отцов, Василия Великого, Иоанна Златоуста и других. Составились сборники таких поучений под названием "Златоусты", "Златоструи", "Маргариты", или сборники изречений — "Пчелы".

В XI-ом веке (1056-1057) новгородский посадник, Остромир, заказал одному дьякону, Григорию, переписать для себя все воскресные евангельские чтения, начиная со дня Пасхи. Рукопись эта, называемая "Остромирово Евангелие", написана в два столбца, необыкновенно изящно и красиво. Заглавные буквы разукрашены золотом и краскою с большим искусством. Остромирово Евангелие считается одним из древнейших памятников церковно-славянского письма.

Ко второй половине XI-го века относятся два "Изборника (сборника) Святослава". В первый Изборник входят разные статьи, выборные места из святых отцов и краткий летописец (историческая хроника) от Августа до Константина; все эти статьи были переведены с греческого и переписаны для русского великого князя черниговского, Святослава Ярославича. К сборнику приложено изображение самого великого князя, его жены и детей, памятник старинной русской живописи. Второй Изборник состоит исключительно из религиозных статей и поучений ("Поучение детям" Ксенофонта и Феодоры).

В те времена книги представляли из себя большую ценность, так как были переписаны от руки. Мы видим, что посадник Остромир, великий князь Святослав позволяли себе роскошь заказывать для себя книги. Большая же часть книг находилась при церквах и монастырях, так как переписывали книги главным образом монахи, считая это дело — святым. Переписывали книги за послушание, для спасения души. Иногда и светские люди этим занимались; мы знаем, что святая Ефросинья, княжна Полоцкая, переписывала книги. Писали на пергаменте, который выделывался из телячьей кожи ("грамота на телятине"). Писали гусиными перьями; заглавные буквы украшали золотом и красками; тщательно переплетали в кожаные переплеты, украшенные часто серебром, золотом, иногда и драгоценными камнями. При монастырях возникли библиотеки. Известны были библиотеки в Киеве при соборе св. Софии, в Новгороде, позднее в Троице-Сергиевском монастыре, и другие.

19.

Жития: Преподобного Феодосия Печерского и Св. Князей Бориса и Глеба.

Вскоре после появления на Руси письменности началась и самостоятельная наша литература, сперва — чисто духовная, церковная, потом и светская. Первыми произведениями русской литературы были поучения, проповеди, жития и летописи.

Из наших древних проповедников самыми известными были Лука Жидята (или Жирята), преп. Феодосий Печерский, митрополит Илларион и св. Кирилл Туровский. Из них первые три относятся к XI-му веку; св. Кирилл Туровский был известнейшим проповедником XII-го века.

К XI-му веку относятся два замечательных жития: житие преп. Феодосия Печерского, написанное преподобным Нестором, которому приписывают составление первой летописи, и житие св. князей Бориса и Глеба, написанное Иаковом Мнихом (монахом). Оба жития написаны иноками Киево-Печерского монастыря, который в первое время христианства на Руси являлся центром духовной и культурной жизни. В XIV-м веке вторым таким центром сделалась Троице-Сергиевская лавра.

Житие преп. Феодосия Печерского. Преподобный Феодосий, вместе с преп. Антонием Печерским, были основателями Киево-Печерского монастыря. Вот, что рассказывает о нем преп. Нестор. Преп. Феодосий родился недалеко от Киева, но детство и юность его прошли в городе Курске. Отец Феодосия умер, когда мальчику было всего 12 лет, и он остался на попечении матери, женщины властной, энергичной, по своему страстно любившей сына. Не нравилось матери настроение сына, проявлявшееся в нем еще с раннего детства: Феодосий любил больше всего молитву, церковные службы, любил нищих, избегал детских игр, товарищей, нарочно носил плохую заплатанную одежду. Мать бранила и укоряла его: "тако ходя, укоризну себе и роду своему твориши". Много раз она, вспылив, била своего кроткого сына за его любовь к духовной жизни. Тогда Феодосий решил бежать из дома, ночью он тайно ушел со странниками, ходившими по святым местам. За Феодосием была послана погоня, которая схватила и вернула его домой; мать избила его и велела заковать его ноги в железные цепи, чтобы он не убежал вторично. Молча, смиренно и кротко терпел Феодосий, а мать сама плакала, видя страдания сына; наконец, сняла с него оковы, взяв обещание, что он не уйдет из дому. Тогда Феодосий стал печь просфоры для церкви и полученные за это деньги раздавал нищим. Сверстники его насмехались над ним, но он не обращал на это внимания. Мать тоже возмущалась неподходящим, по ее мнению,

занятием сына. Однажды она увидала на его рубашке кровь и обнаружила, что он носил под рубашкой вериги, резавшие его тело. Она не только отняла у него вериги, но еще жестоко его избила. Так все детство и отрочество Феодосий неудержимо стремился жить только для Бога и кротко терпел упреки и побои матери, зная, что он на правом пути. И вот уже юношей он решил оставить мать и принять постриг. Феодосий ушел из дому и обошел несколько монастырей, но нигде его не принимали, видя его молодость. Тогда, узнав, что недалеко от Киева в пещере над Днепром, живет святой старец Антоний, Феодосий отправился к нему. Антоний тоже сперва не хотел принимать его, находя, что он молод, говорил о том, как трудна и сурова монашеская жизнь. Наконец, убедившись в искреннем и глубоком желании Феодосия стать монахом, Антоний принял его. Через несколько лет мать и здесь разыскала сына и, явившись в пещеру Антония, требовала, чтобы Феодосий вышел к ней. Но Феодосий, тогда уже несколько лет проведший в монашестве, не хотел выйти к матери. Только уговоры преподобного Антония и угрозы матери тут же покончить с собой заставили его выйти. Свидание и разговоры матери с сыном оказали огромное влияние на всю дальнейшую судьбу матери; чтобы быть ближе к любимому сыну, она сама решила оставить мир и постриглась в ближайшем женском монастыре.

Вокруг преп. Антония в то время уже начала собираться монашествующая братия. После смерти Антония, Феодосий был поставлен игуменом над этой братией и первый установил монашеский общежительный устав, так называемый студийский (по образцу устава монастыря, основанного в Константинополе преп. Феодором Студитом). По этому уставу монахи не должны были иметь никакой собственности, все было общее; даже в разговоре не должны были употреблять слова: "мое, твое, свое", а только — "наше". Сам преподобный Феодосий показывал братии пример непрестанного труда. В свободное от молитвы время он исполнял самые тяжелые работы со смирением и кротостью. В своей келье он ухаживал за больным расслабленным старцем. Ходил за водой, колол дрова. В его келье переписывали церковные книги, а он сам плел веревки для переплета этих книг.

Монастырь сперва был очень беден. Службы совершались в деревянной церкви, выстроенной самими монахами, но постепенно монастырь разросся, появились каменные храмы, выросла величественная, прекрасная Киево-Печерская лавра.

Преп. Феодосий всегда был особенно смиренен, но бесстрашно и твердо стоял за правду и обличал князя Киевского (Святослава), когда тот поступал не по правде Божией. И князья Киевские уважали смиренного игумена Феодосия.

Другое замечательное житие, относящееся к XI-му веку, это житие святых князей Бориса и Глеба, написан-

ное Иаковом Мнихом (монахом). Это житие отличается художественными, красочными описаниями. Живо обрисован страстный, порочный характер князя Святополка, прозванного Окаянным. Это — человек, готовый совершить всякое зло, не дорожащий душевным спасением. "Приложу к беззаконию убо беззаконие,... с праведными не напишуся"... говорит он. Напротив, Борис и Глеб изображены в каком-то свете юности, чистоты и красоты духовной. Особенно трогательны и красивы их плач и молитвы перед мученической кончиной. Глеб изображен наивным ребенком. Даже убийцы "омрачились" видя, как он доверчиво встречает их, ждет от них "целования". Когда же он понял, что они пришли убить его, он "весь слезами заливаяся, жалобно вопил: не губите меня, братия мои милые. Не пожинайте колоса, еще не зрелого, не режьте лозы, еще не выросшей". Это произведение Иакова Мниха написано очень талантливо. В нем чувствуется отпечаток народной поэзии.

20.

Хождение игумена Даниила в Святую Землю.

К XII-му веку относится замечательное произведение нашей древней литературы — "Хождение игумена Даниила в Святую землю". Странничество по святым местам в те времена было сильно развито, предки наши очень любили рассказы странников, описания их путешествий. "Хождение" игумена Даниила, т. е. описание его путешествия в Иерусалим, было, повидимому, очень популярно, так как дошло до нас в большом количестве списков. В некоторых списках оно называется "Паломником Даниила мниха"; паломниками называли странников, ходивших в Святую землю и приносивших с собой на память пальмовые ветки, с которыми они стояли в церкви в день праздника Входа Господня в Иерусалим. Отсюда слово "паломник" (пальма — паломник). В других списках "Хождение" называется "Житием" игумена Даниила, которого некоторые люди считали святым.

Даниил пишет, что совершил свое путешествие в княжение великого князя Святополка Изяславича, внука Ярослава Мудрого. Неизвестно, какого монастыря он был игуменом, можно предполагать, что он был из Черниговской области, так как описывая Иордан, он сравнивает его с рекой Сновью, протекающей недалеко от Чернигова. Даниил попал в Палестину во время крестовых походов. Иерусалим находился в руках крестоносцев, и управлял Иерусалимом король Балдуин, которого игумен Даниил называет "князем Балдвином".

Все произведение Даниила проникнуто глубоким религиозным духом, его захватывает мысль, что он видит те места, где происходили Евангельские события, и от этой мысли, от этого религиозного чувства ничто мирское его не отвлекает. Почти ничего не рассказывает он о самом путешест-

вии; упоминает только о том, что имеет какое-нибудь отношение к религии; так, например, он рассказывает, что на острове Кипре, мимо которого он плыл, собирают с деревьев особенно душистый ладан; Даниил высказывает мнение, что это должно быть — "роса ангельская". Он не интересуется успехом борьбы крестоносцев за святые места, хотя и упоминает, что путь к Тивериадскому морю и к горе Фавор он прошел, с разрешения князя Балдвина, с крестоносным войском, так как путь этот для странников опасен. Ничто не отвлекает "игумена русской земли", как он себя называет, от главной цели его труда, состоящей в том, чтобы описать свое паломничество для тех людей, которые не имеют возможности, как он, на самом деле побывать у Гроба Господня в святой земле. "Буди же всем, говорит он, почитающим писание се с верою и любовью, благословение от Бога и от Святого Гроба Господня и от всех мест сих святых; примет бо мзду (награду) равну с ходившими до святого града Иерусалима и видевшими места си святые вся. Блаженни бо видевшие и веровавшие; треблаженни не видевше — вероваша".

Действительно, игумен Даниил пишет так искренно, просто, что и теперь, на расстоянии восьми веков, его рассказ жив, интересен и как бы переносит нас в Святую Землю.

Игумен Даниил совершил свое паломничество, как он говорит, с целой "дружиной"; своих спутников он поименно перечисляет, говоря, что они все свидетели тому, что он рассказывает. С волнением описывает Даниил приближение к Иерусалиму: город долго скрыт от глаз горами, и вдруг с одного холма открывается вид на весь Иерусалим: "ту же есть гора равна у пути Иерусалима, яко версты одной вдале, и на той горе сседают люди с коней, и пеши ходят вси люди и покланяются христиане святому Воскресению, и бывает радость велика всякому христианину, увидевшему святый град Иерусалим; никто бо может не прослезитися, видевше землю желанную и места святая, идеже Христос Бог наш нашего ради спасения походи; и идут вси пеши с радостию великою ко граду Иерусалиму".

Даниил пробыл в Святой Земле два года, обошел ее всю и подробно описывает, что он видел. Описывая Иордан, он говорит, что вода его мутна и желта, но на вкус так приятна, что никак не напьешься. Он был на Иордане в самый день праздника Крещения Господня, описывает, как множество народа со свечами стоят на берегу и как, когда священники погрузят крест в воду и пропоют "Во Иордане крещающуся Тебе, Господи", люди начинают бросаться в воду, в которой Сам Христос крестился от Иоанна Крестителя, и в сердце всякого человека бывает радость.

Описывая Голгофу, Даниил говорит, что на месте, где стоял Крест Господень, в земле образовалась трещина, сквозь

которую Кровь Христова проникла и пролилась на главу Адама, похороненного на этом самом месте. Здесь Даниил в буквальном смысле понимает символическое учение о том, что Кровь Христова омывает первый грех Адама.

Самое интересное в "Хождении" это — рассказ о "Свете святом", — о чуде, которое ежегодно происходит перед праздником Пасхи у Гроба Господня. Каждый год во время службы в Великую Субботу бесчисленное множество людей собираются к храму Воскресения Христова. В этом храме над Гробом Господним и во всех храмах города бывают потушены огни лампад и свечей. Вход в Гроб Господень не только закрыт, но и запечатан. У дверей Гроба Господня ставят даже стражу, чтобы никто не мог туда проникнуть. Во время богослужения невидимо и чудесно сходит Свет Святой и зажигаются лампады над Гробом Господним. Тогда раскрывают дверь Гроба; первым обычно входит туда патриарх, зажигает свою свечу от Святого Света и выходит с нею ко всем людям, которые ждут с незажженными свечами и с радостью уносят этот чудесный огонь в свои церкви.

Игумен Даниил был свидетелем этого чуда и так его описывает. В Великую Пятницу он пошел к князю Балдвину и попросил у него разрешения поставить свою лампаду ("кандило") у Гроба Господня. Балдуин принял Даниила ласково, "бяше (Балдуин) муж благ и смирен и не гордит ни мало", и дал ему разрешение. Купив на торгу большую стеклянную лампаду и наполнив ее чистым деревянным маслом, игумен Даниил пришел в храм Воскресения Христова и с разрешения эконома и ключаря, сказавших ему, чтобы он снял обувь из уважения к святому месту, вошел в самый Гроб Господен и поставил свое "кандило" со страхом и трепетом в ногах Гроба, т. е. на том месте, "идеже лежаста пречистеи нозе Господа нашего Иисуса Христа". Ставил он эту лампаду с чувством, что приносит ее за всю землю русскую, как представитель всех русских людей.

В Иерусалиме игумен Даниил остановился в православном монастыре (подворье) Святого Саввы. И вот, в Великую Субботу он вместе с игуменом монастыря св. Саввы пошел к князю Балдвину и вместе с ним направился к храму Воскресения Христова. Видно, с каким почтением принял Балдуин русского игумена: он, Балдуин, шел с игуменом св. Саввы и игуменом Даниилом, а "дружине" своей велел идти сзади. К службе собралось такое великое множество народу, что все поместиться в храме не могли, а стояли в бесчисленном множестве кругом храма. Очень ярко передает Даниил настроение этих толп народа, ожидавших с трепетом и благоговением появления Света Святого и молившихся со слезами: "неужели ради моих грехов не сойдет Свет Святой?" Началась вечерня Великой Субботы. Во время чтения паремий дважды епископ с дьяконами

4

подходили к дверям Гроба Господня, надеясь сквозь щели дверей увидеть свет, но света не было. Храм Воскресения, как многие храмы на востоке, был только на половину покрыт крышею. Во время пения "Господеви поем" набежала тучка, пошел дождь и смочил слегка людей, стоявших в церкви. И вот в это самое время, внезапно засиял святой Свет в Гробе Господнем. И тогда епископ с четырьмя дьяконами вошел в Гроб Господен, зажег свою свечу о чудесно загоревшиеся лампады и вынес народу святой Свет.

Даниил подчеркивает, что неверно говорят те люди, которые рассказывают, что Свет сходит в виде молнии, — или, что голубем спускается Дух Святой; "то есть лжа", говорит игумен Даниил, "ничтоже бо есть тогда видети, ни голубя, ни молнии, но тако невидимо сходит благодать Божия". — "Свет же Святый не тако, яко огнь земленый, но чудно инако светится, — несказанно". И нельзя передать той радости, которую испытывают люди, видевшие это чудо.

"Кандило" игумена Даниила вместе с другими лампадами — греческими и монастыря св. Саввы — загорелись. А "фряжские" — латинские лампады, висевшие над Гробом, не загорелись. Упоминает об этом Даниил просто, как о факте, без всякой вражды к латинской, т. е. католической вере. Наоборот, в другом месте своего "Хождения" он описывает посещение горы Фавор, на которой стоит католический монастырь; у игумена этого монастыря Даниил принял благословенье.

Пробыв в Святой земле около двух лет, Даниил отслужил 90 литургий, — 40 за умерших и 50 за живых. Молился он за князей русских, за княгинь, за их детей, за епископов, игуменов, бояр, детей своих духовных и за всех христиан. Радостно говорит, что имена русских князей он записал на поминовенье в монастыре св. Саввы, так что и после его ухода на ектениях имена их будут поминаться. Любовь к своей земле, России, глубокое национальное чувство единства русской земли чувствуется во всем повествовании игумена Даниила.

Скромно говорит он, называя себя "недостойным игуменом русской земли", что совершил он свое паломничество "во всякой слабости и лености, пья и едя", — побуждаемый одной мыслью, одним желанием — увидать святые места. Скромность его и простота придают еще большую ценность этому замечательному произведению.

21.

Летописи. Повесть временных лет.

Почти с самого начала письменности на Руси появились летописи, т. е. исторические своды, хроники. В монастырях монахи вели пасхалии, таблицы, на которых вычисляли, какого числа будет Пасха, все праздники и посты, передвигающиеся

вместе с днем Пасхи. В свободных клетках этих таблиц, или на широких полях монахи часто записывали какое-нибудь краткое историческое сведение, отмечавшее этот год, — или замечание о погоде этого года, или какое-нибудь необыкновенное явление. Например: "князь Василий Костромской умре", или "талая зима", "погиблое (дождливое) лето"; иногда, если ничего особенного в этом году не случилось, было написано: "тишина бысть", т. е. не было войны, ни пожара, ни других бедствий, — или: "ничесоже не бысть". Иногда вместо таких кратких заметок были вставлены целые рассказы, особенно интересные потому, что были написаны современниками или даже очевидцами события. Так, мало-помалу, составлялись исторические хроники, — летописи, — сначала в виде заметок на пасхальных таблицах, позднее — в виде самостоятельных летописных сводов.

В начале XII-го века в Киево-Печерской лавре было написано замечательное историческое и литературное произведение, называемое "Повесть временных лет". Вот его полное заглавие: "Се повесть временных (прошлых) лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Русская земля стала есть".

Кто автор этого произведения, — точно неизвестно. Сперва думали, что написал Повесть тот же преп. Нестор, который написал житие преп. Феодосия. Преп. Нестор несомненно вел летопись, — в Киево-Печерском монастыре имеются мощи двух Несторов: "летописателя" и другого, Нестора "некнижного", названного так в отличие от первого. Несомненно, некоторые труды преп. Нестора вошли в состав Повести, так вошло, например, целиком его житие преп. Феодосия. Но в конце Повести есть приписка: "Игумен Сильвестр Святого Михаила (монастыря около Киева) написах книги си летописец". Некоторые ученые предполагают, что игумен Сильвестр был только переписчиком Повести, а не автором, может быть пополнил ее. В те времена переписчики часто ставили свое имя в конце рукописи, которую переписывали.

Итак, имя автора точно не установлено. Во всяком случае это был человек духовный, глубоко религиозный и очень начитанный, образованный. Видно, что для составления Повести он пользовался многими летописными сводами*), житиями, сказаниями, поучениями и греческими хрониками, откуда, например, взяты торговые договоры наших первых князей с Византией.

Начинается рассказ Повести со всемирного потопа. Говорится о столпотворении Вавилонском, о разделении языков. Одним из этих "языков", из "племени Афетова", был "язык словенск", т. е. народ славянский. Автор потом рассказывает

*) Новгородским и начальными Киевскими сводами.

о поселении славян на Дунае, о расселении их оттуда в разные стороны. Славяне, пошедшие вверх по течению Днепра и на север, — были нашими предками. Все, что мы знаем о древних славянских племенах, о древлянах, полянах, северянах, — о их обычаях, нравах, о начале русского государства и о первых наших князьях, — все это мы знаем из Повести временных лет и должны быть особенно благодарны автору ее, положившему начало русской истории.

Как сказано выше, в состав Повести вошло множество древних сказаний, преданий и легенд. Например, рассказывается предание о проповеди апостола Андрея на берегах Черного моря (которое автор называет "Русским" морем), о том, что апостол Андрей поднялся по Днепру до того места, где впоследствии был основан Киев, водрузил крест на горах киевских и предсказал, что на этом месте "воссияет благодать Божия". В рассказе об основании Киева говорится о легендарных князьях Кие, Щеке и Хориве и сестре их Лыбеди, — но автор не выдает их существование за исторический факт, а рассказывает, как предание. Дальше события передаются с большей достоверностью. Даются яркие, красочные характеристики древних князей: князя Олега, княгини Ольги, про которую автор говорит, что она была "мудрейшей всех человек", про сына ее, князя Святослава. Несмотря на то, что он был язычником и не хотел по примеру своей матери принять христианство, автор довольно сочувственно говорит о его прямоте, известном благородстве, знаменитых словах — "иду на вы", которыми он предупреждал своих врагов о нападении. Но главным важнейшим событием русской жизни автор считает крещение Руси и останавливается на нем особенно подробно. Рассказывая о св. князе Владимире, он говорит о той огромной перемене, которая произошла в его характере с принятием христианства.

В Повесть вошло и житие св. князей Бориса и Глеба, написанное Иаковом Мнихом (гл. 10-я). С большим сочувствием и уважением говорит автор о князе Ярославе Мудром. Доведен рассказ Повести до 1110-го года.

Существуют продолжения этого летописного свода, которые велись в разных монастырях и носили поэтому названия разных городов: Киевская, Волынская, Суздальская летописи. Одну из Новгородских летописей, Иоакимовскую, не дошедшую до нас, считают даже древнее Повести временных лет. Но в Повести есть одно качество, принадлежащее только ей: она написана до разделения Руси на уделы, автор смотрит на славян, как на один целый народ, не придает никакого местного отпечатка своему рассказу. Вот почему Повесть временных лет можно справедливо назвать общерусской, всероссийской летописью.

22.

Поучение Владимира Мономаха*)

"Повесть временных лет" можно считать произведением переходным от духовной литературы к светской. Первым нашим светским писателем является князь Владимир Мономах, написавший замечательное "Поучение" своим детям.

В лице Владимира Мономаха перед нами встает идеальный образ древне-русского князя-христианина. Мы знаем, какую роль миротворца Владимир Мономах играл среди своих родственников — князей; ему принадлежит инициатива Любечского съезда, на котором князья целовали крест, обещая прекратить раздоры ("которы"). Но немногие из князей сдержали свое слово, мы знаем, что некоторые из "братьи" послали послов к Владимиру, уговаривая его, вместе с ними, восстать на смоленских князей (Ростиславичей), чтобы выгнать их из их волости. Именно после этого посещения послов, которым Владимир ответил, что не может он "креста преступити", т. е. нарушить крестного целования, огорченный вероломством "братии" своей, Мономах берет Псалтирь, ища утешения в чтении псалмов, и, раскрыв книгу наугад, читает стих из псалма 42-го — "Вскуе печалуеши, душе? вскуе смущаещи мя?" Чтение этого псалма и навело Владимира Мономаха на мысль написать свое "Поучение".

Владимир говорит, что пишет свое поучение "седя на санех", — "на далече пути". Эти слова можно объяснить двояко. В те времена был обычай хоронить, т. е. везти тело покойника на кладбище, — на санях во все времена года, так что "седя на санех" можно понять, как выражение — у дверей гроба, т. е. — перед самой смертью. Но можно также думать, что Мономах действительно находится в пути, куда-то ехал, когда писал свое "Поучение".

Все поучение проникнуто религиозным духом. Глубоко и серьезно смотрит Владимир на религиозные обязанности человека. Сам он — светский человек, князь, а по взглядам своим приближается к монашествующим подвижникам. Он говорит своим детям о ежедневном посещении церковных служб, о молитве, — беспрестанной молитве. Молитву Мономах считает самым важным делом в жизни; он говорит своим сыновьям, что даже в походе, сидя на конях, нужно молиться; если не знаешь наизусть никаких молитв, то хотя бы повторяй про себя: "Господи помилуй!" Эту молитву знает всякий: "аще и на кони ездячи", и — "иных молитв не умеете молвити, а "Господи помилуй" зовете беспрестани втайне, та бо есть молитва всех лепши, нежели мыслити безлепицу ездя".

*) Владимир Мономах, внук Ярослава Мудрого, был великим князем в Киеве от 1113-го до 1125-го года.

Дальше он говорит, что есть три добродетели, которыми можно победить дьявола: покаянием, слезами и милостынею. — "То, дети мои, не тяжка заповедь Божья, може теми делы тремя избыти грехов своих и царствия не лишитися. А Бога деля (ради) не ленитися, молю вы ся, не забывайте трех дел тех".

Говоря об обязанностях правителя, Мономах рисует своим детям идеальный образ князя-христианина, каким он сам и был. Князь должен постоянно и самоотверженно заботиться о вверенном ему народе, или о своих подчиненных, со справедливостью и милосердием относиться ко всем равно, не взирая на различие состояния. Как в мирное время, так и во время войны, на походе, князь должен во все вникать сам, не полагаясь ни на кого из дружины, сам за всем смотреть. Таким образом, обязанность князя — быть как бы первым слугой своей страны, своего народа. — "На войну вышед, не ленитеся, не зрите (т. е. — не надейтесь) на воеводы". — "И стороже сами наряживайте, и ночь отвсюду нарадивше около вой тоже лязите, а рано встанете, а оружья не снимайте с себе".

Мономах безусловно отрицательно относится к смертной казни: "ни права, ни крива не убивайте, ни повелевайте убить его; аще будет повинен смерти, а душа не погубляйте никакоя же хрестьяны".

Иностранцев он советует принимать ласково и приветливо: они в чужие страны добрую молву разнесут. Русские люди всегда хорошо относились к иностранцам.

Описывая распределение дня князя, Мономах говорит, что вставать надо при восходе солнца, молиться, посещать заутреню; потом надо "думать с дружиною", или судить приходящих к нему с жалобою людей. После обеда в полдень нужно отдохнуть: "спанье есть от Бога присужено полудне", — "почивает и зверь, и птицы, и человецы".

Охота ("лов") также входит в число обычных занятий князя. В то время в лесах и степях было еще так много диких зверей, что охота была делом защиты от их нападений. Мономах говорит о своих приключениях на охоте: рассказывает, как два тура его на рога подымали, олень — один ногами топтал, другой бодал, кабан меч с его бедра сорвал, медведь набросился на него и вместе с конем повалил, — но Божией милостью остался он невредим. Все это он рассказывает не из хвастовства, а просто повествует своим детям о своей мужественной воинственной жизни. Эта вторая часть "Поучения" носит автобиографический характер.

Главным делом защиты страны в то время были частые походы против половцев, кочевавших в степях. Одних больших походов против половцев Мономах совершил 83, а малых он и не считает.

Удивительно то, как такую воинственную, мужественную

жизнь, полную опасностей и трудностей, Владимир Мономах соединял с жизнью истинно христианской. Все Поучение проникнуто духом простой, ясной и глубокой христианской мудрости.

23.

"Слово о полку Игореве".

"Слово о полку Игореве" — бесспорно самое замечательное произведение не только XII-го века, но и всей нашей древней литературы. Написано оно, повидимому, дружинником, описывающим несчастный поход Игоря Святославича, князя Новгород-Северского, против половцев. О походе этом говорят и летописи, особенно подробно и красочно описан он в Киевской (Ипатьевской) летописи под 1185-м годом.

По содержанию "Слово о полку Игореве" можно разделить на четыре части. Начинается оно со вступления — "Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстей о пълку Игоревѣ, Игоря Святославича?" — говорит автор. ("Не лучше ли было бы нам, братия, начать печальный рассказ о походе Игоря, Игоря Святославича, на старинный лад?) — "Но мы будем вести рассказ по былям (действительным фактам) сего времени, а не по вымыслам Бояна". Боян был, повидимому, знаменитым певцом эпохи дружинной поэзии. Он несколько раз упоминается в "Слове", автор которого называет его "вещим", — "соловьем старого времени". Когда Боян пел, говорит автор, то он напускал свои десять пальцев на струны, как десять соколов на стадо лебедей, и струны под его пальцами "рокотали" князю славу.

1-ая часть. После этого вступления начинается рассказ. Игорь Святославич, князь Новгород-Северский, собирается в поход против половцев с сыном своим Владимиром, князем Путивльским, братом Всеволодом, князем Курским, и племянником Святославом, князем Рыльским. О походе этом князь Игорь не известил Святослава, великого князя Киевского, надеясь на собственные силы. Поход начинается дурным предзнаменованием, затмением солнца. Но Игорь не обращает на это внимания и говорит своей дружине, что хочется ему до "синего Дона" дойти, что готов он скорее погибнуть, чем в плен попасть. "Игорь ждет мила брата Всеволода". Всеволод присоединяется к войску Игоря со своими "курянами" (дружиной города Курска) и говорит: "Один брат, один свет, светлый ты, Игорю". Между братьями полное единодушие. Всех князей, участвующих в походе, автор называет "Ольговичами", так как они — потомки князя Олега Святославича Черниговского, — "Ольгово гнездо".

Дурные, зловещие предзнаменования продолжаются во все

время похода. Солнце затмевается, ночью гроза птиц вспугнула, — "свист звѣринъ въста". Таинственный "Див", предвещающий беду, кличет с верхушки дерева. Волки воют по оврагам. Орлы сзывают зверей на кости. Лисицы лают на красные щиты.

Но дальше и дальше по пути к Дону ведет Игорь свою храбрую дружину, которая надеется в половецких степях добыть себе чести, а князю своему — славы. "О, Русская земля, уже за шеломенем еси!" ("О, Русская земля, уже ты за холмом!") восклицает автор. В пятницу русские встречаются с половцами. Первая битва оканчивается большой победой Игорева полка, русские забрали огромную добычу у половцев. Ночью войско отдыхает. — "Дремлетъ во полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло".

На другой день два половецких хана, Гза и Кончак, один за другим, ведут свои полчища против русских. Начинается битва на реке Каяле, "у Дона великого", — битва, которая длится два дня. Яркими и поэтическими красками описывает автор страшную битву. Стрелы дождем сыплются с Дону "великого", копья ломаются, мечи притупляются о шлемы половецкие. — "О, Русская земля, уже за шеломенем еси!"

Особенно ярко и героически описан князь Всеволод, которого автор называет "туром" (буйволом). — "Яръ-туре, Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами. Гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, туръ, поскочаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы половецкыя",

Черная земля под копытами "посѣяна костьми, кровью полита". "Бишася день, бишася другой, третьяго дня къ полуднию" — пали знамена Игоря.

Поэтически сравнивает автор битву со свадебным пиром: "кроваваго вина не доста (не хватило); ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую".

Игорь с сыном Владимиром попали в плен к половцам. Трава от жалости поникла, дерево от скорби к земле преклонилось. Горе и несчастье разлилось по всей земле русской.

2-ая часть. Великий князь Святослав в Киеве видел смутный сон. Видел, будто его, лежащего на кровати, покрывали черным покрывалом, поили его синим вином, смешанным с "трудом" *), сыпали на него крупный жемчуг; видел он, что терем его злотоверхий стоит без своих резных украшений. Князья и бояре говорят Святославу, что его сон предвещает погибель войска Игоря. Тогда Святослав со слезами воскли-

*) Некоторые ученые переводят здесь «труд» словом «отрава» (вино, смешанное с отравой).

цает: О, мои сыновья, Игорь и Всеволод! Что вы сделали моей серебряной седине!

После этого автор "Слова" обращается с воззванием ко всем князьям русским, призывая их отмстить за поражение Игоря, отомстить "за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславича".

Автор взывает к князю Всеволоду Суздальскому, к знаменитому Ярославу Осмомыслу Галицкому, и ко многим другим удельным князьям *). Удивительное сознание национального единства и глубокий патриотизм чувствуется в произведении этого неизвестного дружинника, автора "Слова"; несмотря на разделение Руси на уделы и постоянные княжеские междоусобия, он чувствует Русь, как единое целое, и зовет всех князей отомстить половцам за обиду, нанесенную русской земле.

3-ья часть. Княгиня Евфросиния Ярославна, жена Игоря, сидит на стене города Путивля и плачет, обращаясь с мольбой к силам природы. Она хотела бы стать кукушкой (зегзицей), полететь к Дунаю, зачерпнуть рукавом воды и омыть раны на теле князя Игоря. Обращаясь к ветру, княгиня упрекает его, зачем он несет на своих крыльях стрелы ханские — половецкие? Неужели ему недостаточно веять в облаках по небу, лелеять корабли на синем море? — Ярославна просит Днепр, чтобы он, пробивший каменные горы в земле Половецкой, принес бы ей на своих волнах лодки ее милого. Затем Ярославна призывает светлое, "тресветлое" солнце, которое всем одинаково посылает свои лучи, — его упрекает княгиня, что оно в безводном поле иссушило луки войска ее милого, замкнуло их колчаны. Существует много переводов "плача Ярославны", многие поэты положили его на стихи, но поэтическая красота его чувствуется больше всего в подлиннике.

ПЛАЧЪ ЯРОСЛАВНЫ.

Ярославнынъ гласъ ся слышитъ;
зегзицею незнаема рано кычетъ:
«Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви,
омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ,
утру князю кровавыя его раны
на жестоцѣмъ его тѣлѣ!»
Ярославна рано плачетъ
въ Путивлѣ на забралѣ аркучи:
«О, вѣтрѣ, вѣтрило!
Чему мычеще хиновьскыя стрѣлкы
на своею нетрудною крилцю

*) Рюрику и Давыду Смоленским, Роману и Мстиславу Волынским, Ингварю и Всеволоду и к «трем Мстиславичам».

на моя лады вои?
Мало ли ти бяшетъ горѣ подъ облакы вѣяти,
лелѣючи корабли на синѣ морѣ
Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя?
Ярославна рано плачетъ
Путивлю городу на забородѣ, аркучи;
«О, Днепре словутицю!
Ты пробил еси каменныя горы
сквозѣ землю Половецкую:
ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады
до плъку Кобякова*);
възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ,
а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано».
Ярославна рано плачет
въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи:
«Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!
Всѣмъ тепло и красно еси.
Чему, господине, простре горячюю свою лучю
на лады вои,
въ поле безводнѣ жаждею имъ лучи спряже,
тугою имъ тули затче?»

4-ая часть "Слова" написана совсем в другом стиле, короткими отрывистыми фразами, радостным тоном, — написана она, вероятно, позднее. В этой части рассказывается, как Игорь, с помощью половца Овлура, бежит из плена половецкого и возвращается на Русь. Поэтически и сказочно описывается бегство Игоря, который то горностаем бежит по тростнику, то белым гоголем плывет по воде, то взлетает соколом под облака, убивая гусей и лебедей себе на завтрак, обед и ужин. Вся природа сочувствует бегству Игоря и помогает ему. Донец стелет ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевает его теплыми мглами, соловьи поют радостные песни, дятлы стуком указывают ему дорогу.

Половецкие ханы Гза и Кончак пускаются в погоню за Игорем и совещаются, что им делать с молодым князем Владимиром Игоревичем, который остался у них в плену и полюбил "красную девицу" (дочь Кончака)? Но Гза и Кончак не настигают Игоря, который благополучно возвращается на родину и едет в храм Божией Матери (едет "по Боричеву къ Святѣй Богородици Пирогощей"), вероятно для того, чтобы помолиться и благодарить Бога за свое возвращение из плена. "Страны ради, грады весели".

В "Слове о полку Игореве" мы встречаем смешение языческих и христианских верований. Написано оно было около 200 лет после крещения Руси. Но христианская культура дол-

*) «Ты нес на своих волнах войска Святослава (намек на прежде бывший удачный поход на половцев князя Святослава) до полка Кобяка (хана половецкого).

го не могла победить и искоренить языческих верований, крепко державшихся в народе. Мы встречаем в “Слове” упоминание языческих божеств — Даждь-бога, Велеса, Стрибога. Автор называет русских — “даждь-божьими внуками”. Перед битвой появляется странное мифическое существо “Див”, предупреждающее половцев о приближении русских. Ярославна обращается к солнцу, к ветру, как к одушевленным могущественным силам. Днепр для нее — живое существо, она даже называет его по отчеству: “Днепре Словутицю”, т. е. Днепр Славянович.

В то же время мы видим, что все происходит в христианской Руси: упоминается колокольный звон церкви св. Софии в Киеве. Когда Игорь бежит из плена, ему “Бог путь кажет” (указывает). Вернувшись, Игорь первым делом едет помолиться в храм Пресвятой Богородицы.

Черты язычества видны также в той роли, которую играет в “Слове” природа. Она, как одушевленное существо, принимает участие во всех перепетиях похода Игорева. Природа предвещает Игорю неудачу, — затмением солнца, тревогой, — старается как бы остановить его. После поражения Игоря — трава никнет от жалости, деревья преклоняются. К природе обращается Ярославна в своем поэтическом плаче. Когда же Игорь бежит из плена половецкого, природа ликует и старается всячески помочь князю: Донец лелеет его на своих волнах, соловьи радостно поют, дятлы стуком указывают ему дорогу в лесу.

Как уже было сказано, имя автора “Слова о полку Игореве” — неизвестно. Рукопись “Слова” была найдена с несколькими другими рукописями в 1795 году графом А. И. Мусиным-Пушкиным, любителем старины, в одном из Псковских монастырей. Императрица Екатерина очень заинтересовалась этой рукописью, с которой для нее была снята копия. Граф Мусин-Пушкин, с помощью других ученых, разобрал, перевел и издал “Слово о полку Игореве”. Но оригинальная рукопись “Слова”, вместе с другими, еще неизданными рукописями, сгорела в Москве, в пожаре 1812-го года. Возможно, что среди погибших рукописей были и другие подобные сокровища древне-русской поэзии.

Примечание: В цитатах 23-ьей главы соблюдается оригинальная орфография подлинника «Слова о полку Игореве».

24.

Моление Даниила Заточника.

“Моление Даниила Заточника” можно отнести к тому же периоду литературы (до-монгольской); написано оно, вероятно, в начале XIII-го века. Кто был этот Даниил — не установ-

лено. Был ли он действительно "заточником", т. е. сидел ли в тюрьме, и за что, — точно неизвестно. Сочинение его дошло до нас во множестве списков и со многими видоизменениями; было оно, очевидно, популярно, как первое произведение русской светской литературы, написанное в юмористическом духе.

Даниил обращается с молением к князю, называя его в некоторых списках "сыном Великого Владимира", в других — князем Ярославом Всеволодовичем. Ярослав Всеволодович, князь Новгородский и Переяславский, был правнуком Владимира Мономаха. В последнем случае выражение "сын Великого Владимира" может быть истолковано, как "потомок".

Ясно, что Даниил хочет войти в милость князя, чего-то от него добиться. Если он сидел в заточении, то, вероятно, хотел получить свободу, вернее же всего — хотел поступить к князю на службу. Видно, что это — человек начитанный, так как он часто пользуется цитатами из Священного Писания; он — ловкий, высокого мнения о своих умственных способностях, хвастливый. — "Аз бо, аще одеянием скуден, но разумом обилен, юн возраст имею, но стар смысл, и был, паря мыслию своею, аки орел по воздуху".

Далее он признается, что он не храбр на войне, но "на словах крепок", и поэтому предпочитает упражняться в словесном искусстве. Он всячески восхваляет князя, льстит ему. Говорит, что предпочитает ходить в лаптях и бедной одежде в доме у князя, чем в сафьяновых сапогах и пурпуре в доме боярском. — "Луче бы ми вода пити в дому твоем, нежели пити мед в боярском дворе; луче бы ми воробей испечен примати от руки твоея, нежели плеча баранья от руки злых государь".

Дальше он старается разжалобить князя к своей судьбе, а вместе — и рассмешить его игрою слов. Пишет он, находясь на озере Лач, недалеко от Переяславля. "Кому Лач-озеро", говорит он, — "а мне — плач-озеро; кому — Переяславль, а мне — Гореславль". Даниил просит князя, когда он будет насыщаться разнообразными кушаниями и "веселиться" сладким питьем, вспомнить, что он ест сухой хлеб и пьет теплую воду; лежа на мягкой постели, вспомнить, что он спит, едва покрытый, в сырости и на холоде.

Затем он дает князю совет не доверяться слугам, — возможно, что от слуг княжеских и пострадал сам автор. "Тиун", т. е. доверенный князя, каким, вероятно, мечтает стать Даниил, — "подобен огню", говорит он, — "слуги подобны искрам, падающим от огня; огонь бо светит и греет, а искры ни светят, ни греют, а только могут обжечь и другую беду натворить". Хуже же всего — глупые слуги. "Что воду в дырявый сосуд лить, — то глупого слугу учить".

Далее Даниил отвергает предполагаемые предложения князя — жениться на богатой жене или постричься в монахи,

чтобы изменить и улучшить свою жизнь. Возражая против первого предложения, Даниил разражается резкими нападками против "злых жен", — возможно, что какая-нибудь женщина причинила ему зло, возможно также, что Даниил читал переводы византийских сочинений "о злых женах" (один из таких переводов помещен в Изборнике Святослава) и, вероятно, находился под влиянием этих произведений.

"Не скот в скотех коза", пишет он, — "не зверь в зверех еж, не рыба в рыбах рак, не муж в мужех, который жены слушает". Лучше лихорадкой болеть, чем с "нелюбою" женою жить: лихорадка пройдет, "а злая жена до смерти сушит". Через жену и Адам лишился рая. Лучше железо варить, чем злую жену учить: железо уваришь, а злую жену все равно не научишь. Несчастен тот, кто ради богатства женится на "злообразной" (некрасивой) жене. "Жена бо злообразна", говорит он, "подобна перечесу (перцу), сюде свербит, а сюде болит. Паки видех стару жену злообразну, криву, зорооку, ртасту, челюстасту, злоязычну". Такой женщине лучше не смотреться в зеркало, "да не в большую печаль впадет, прозревши на нелепотство образа своего".

Второе предполагаемое предложение князя — постричься в монахи, Даниил отвергает, говоря искренно, что он к монашеству неспособен, и что, если бы он принял постриг, то этим обманул бы самого Бога. — "Луче ми есть тако скончати живот свой, нежели, восприимши ангельский образ, Богу солгати". Среди всего произведения, мало симпатичного по своему духу, это — единственная фраза, которая звучит серьезно, при всей своей наивности: миру можно лгать, но Богу лгать — нельзя.

Заканчивается "Моление Даниила Заточника" анекдотом, который, возможно, прибавлен был позднейшими переписчиками. Как "Моление" попало или попадет в руки князя? Даниил скатает его в шарик, закатает в воск и бросит в озеро; рыба проглотит восковой шарик; рыбак поймает рыбу и продаст ее на княжеский двор; повар разрежет рыбу, найдет шарик, раскроет его и передаст князю "Моление".

25.

Литература монгольского периода. Поучения Серапиона, епископа Владимирского.

Широко и разнообразно развивалась наша родная литература в XI-м и XII-м веке, до нашествия татар. Она выливалась в самые различные формы — проповедей, поучений, повествований: духовных, исторических и светских. Вспомним проповеди преп. Феодосия Печерского, св. Кирилла Туровского; поучение Владимира Мономаха; описание путешествия — "Хож-

дение игумена Даниила"; летописи, "Повесть временных лет"; высоко поэтическую дружинную поэму "Слово о полку Игореве"; — полуюмористическое "Моление Даниила Заточника"... Сколько разнообразных литературных форм! При этом можно наверняка утверждать, что множество древних рукописей не дошло до нас, погибло по тем или иным причинам, хотя бы те рукописи, найденные гр. Мусиным-Пушкиным вместе с "Словом о полку Игореве", которые погибли в московском пожаре.

И вот в XIII-м веке наступает страшная эпоха татарского ига, принесшая с собой столько горя, крови, страданий, столько безысходной нужды. Нарушается и как бы замирает жизнь государственная, торговая, останавливается развитие культуры. Надо помнить, что два с половиной века Россия страдала от татар. В первый, самый тяжелый период татарского ига, в XIII-м веке, не заглохла лишь духовно-религиозная жизнь, которая, наоборот, всегда крепнет под внешними ударами судьбы. Только голос Церкви раздавался среди ужасов и бедствий татарщины. Из немногих литературных произведений XIII-го века, дошедших до нас, остановимся на замечательных поучениях Серапиона, епископа Владимирского.

Серапион был монахом Киево-Печерского монастыря; в 1274 году он был поставлен епископом во Владимире; в 1275 он скончался. Вот — все, что мы знаем о его жизни.

Сохранилось пять поучений епископа Серапиона. В трех первых ярко отразилась эпоха татарского ига со всеми его страданиями.

В первом поучении ("Слово о гневе Божием") Серапион рисует бедствия русской земли и необычайные явления природы: затмение солнца, луны, изменение звездного неба и, наконец, — землетрясения. "Земля, от начала утверждена и неподвижима повелением Божиим ныне движется, грехи нашими колеблется, беззакония нашего носити не может". Серапион говорит, что видно Господь хочет стряхнуть с земли беззакония и грехи людские. И вот, как худшее наказание за грехи людей, Господь послал на землю русскую народ жестокий (татар), который разорил нашу землю, сжег и разрушил святые церкви. Серапион, объясняя все эти беды наказанием за грехи, призывает людей к покаянию.

Во втором "Слове" ("О покаянии") Серапион с глубокой грустью говорит, что вот уже сорок лет, как продолжается тяжелая татарская неволя, посланная в наказание за грехи людей. — И что же? Он не видит, чтобы люди изменились к лучшему! "Не тако скорбит мати, видящая чада своя болящи", говорит Серапион, — "яко аз, грешный отец ваш, видя вы боляща делы беззаконными". И вновь он призывает паству к покаянию, единственному средству, чтобы избавиться от бед и напастей.

В третьем поучении ("Слово о казнях Божиих") Серапион яркими и живыми красками рисует ужасы татарской неволи, называя татар народом немилостивым, лютым, не щадящим ни старости, ни младости. "Разрушены божественные церкви; осквернены наши сосуды, потоптана святыня, святители убиты мечом; тела преподобных иноков брошены на съедение птицам; кровь отцов и братьев наших, как вода, напоила землю". — Развивая картину ужасных бедствий русской земли, Серапион повторяет все ту же основную мысль: только покаяние может отвратить страшное наказание Господне.

В четвертом слове Серапион восстает против страшного суеверия, появившегося в то время. Народ приписывал случившуюся в тот год засуху и голод волхвам (колдунам), будто бы привлекшим это бедствие на землю. Людей, которых подозревали в колдовстве, хватали и бросали в воду, чтобы испытать их: если человек потонет, — значит он — невиновен, если же выплывет, — это знак, что и вода его не принимает, — он виновен; в таком случае его хватали и сжигали. Серапион, глубоко возмущенный, называет убийцами не только тех, кто действительно сжигал мнимых колдунов, но и тех, кто, видя это, не заступился за них, и тем самым сделался соучастником убийства. Как князь Владимир Мономах, который в своем Поучении к детям строго восстает против смертной казни, епископ Серапион считает, что вопрос жизни и смерти человеческой зависит от одного Бога. Возмущается он жестокости своих "чад" духовных, возмущается и тому, что они так безусловно верят в волшебную силу волхвов. Обратим внимание на высокую духовную культуру нашего церковного пастыря XIII-го века, вспомнив, что в то же время и гораздо позднее в Западной Европе, считавшейся культурно выше России, по приговору церковного суда во множестве сжигали людей, заподозренных в колдовстве (вспомним Жанну д-Арк).

В пятом поучении говорится о другом суеверии: народ приписывал бедствия русской земли утопленникам и удавленникам, погребенным вместе с другими честными людьми; тела этих несчастных выкапывали и выбрасывали из могил. Серапион восстает против этой грубой веры в силу волшебства, а затем приводит своей пастве в пример татар: они, "поганые", не знающие закона Божьего, никогда не убивают, не грабят и не обижают своих единоплеменников. — "А мы, во Имя Божие крещены есмы и заповеди Его слышаще, всегда неправды есмы исполнены и зависти, немилосердия", — "О, безумье злое! О, маловерие!"

Поучения епископа Серапиона, кроме своих литературных достоинств, являются ценным историческим документом, ярко передающим быт, нравы и настроение русского народа той эпохи.

26.

Сказание о Мамаевом побоище. Задонщина. Епифаний премудрый и Пахомий серб.

К самому концу XIV-го и к началу XV-го века относятся два произведения, описывающие Куликовскую битву, самое большое и важное событие эпохи татарского ига, показавшее русским людям, что есть надежда и возможность освободиться от ненавистной татарщины. В летописи мы находим сухой исторический рассказ этого события, литературно же оно отразилось в "Сказании (или Поведании) о Мамаевом побоище" и в "Задонщине".

Оба эти произведения написаны определенно под влиянием "Слова о полку Игореве". Они напоминают его по своему плану, строению; в некоторых местах видно просто подражание, иногда даже — бессмысленное. Так, например, "Слово" начинается с обращения к "вещему Бояну", — в "Сказании о Мамаевом побоище" обращаются к какому-то Урану: "се поведай, Уране, како случися на Дону"... Кто был этот Уран — совершенно неизвестно.

Но, в противуположность "Слову", "Сказание" или "Поведание о Мамаевом побоище" проникнуто религиозным, христианским духом. Князь Дмитрий Иоаннович изображен прежде всего благочестивым, глубоко верующим человеком. Описывается посещение князем преп. Сергия Радонежского, который благословляет и воодушевляет его на битву. В параллель "плачу Ярославны" в "Поведании" есть плач княгини Евдокии, жены князя Дмитрия; только в "Слове" Ярославна обращается с мольбой к силам природы, а княгиня Евдокия молится Богу.

В "Поведании" есть анахронизмы, показывающие, что написано оно не современником Куликовской битвы. Так, например, говорится, что Дмитрий Донской молился перед выступлением из Москвы у образа Владимирской Божией Матери: на самом деле, образ этот был перенесен в Москву гораздо позднее.

Некоторые места "Поведания" очень красивы, встречаются поэтические описания. Лучше всего то место, когда, перед битвой, боярин Волынец вместе с князем выезжает в поле "брать приметы". Припав к земле, они слушают и слышут, что земля как бы плачет на два голоса: один голос — скорбный, другой — радостный; из этого они заключают, что русские победят, но с тяжелыми потерями.

"Поведание" передает много подробностей битвы, но язык повести тяжелый витиеватый, нет художественной сжатости и силы "Слова о полку Игореве".

Другая повесть о Куликовской битве — "Задонщина".

Возможно, что эти два произведения являются переработкой одно другого, возможно также, что написаны они самостоятельно. Автором "Задонщины" считают Софрония, родом рязанца, бывшего свидетелем битвы. Но и в Задонщине есть анахронизмы, исторические неточности; так, например, в Задонщине говорится, что союзником Мамая был литовский князь Ольгерд, который, на самом деле, умер за 3 года до Куликовской битвы.

В Задонщине еще больше, чем в Поведании, чувствуется подражание "Слову о полку Игореве". Вместо Бояна автор обращается к "вещему боярину", не разобрав, очевидно, того, кто такой был Боян. Известную фразу, дважды повторяющуюся в "Слове": "о, русская земля, уже ты за шеломенем еси!" (о, русская земля, ты уже за холмом) автор растолковал по своему: выражение "за шеломенем" он перевел — "за Соломоном": "земля еси русская, как еси была доселе за царем за Соломоном, так буди и нынеча за князем великим Дмитрием Ивановичем".

"Задонщина" короче "Поведания", в ней меньше подробностей, но язык ее лучше, проще Поведания. Чувствуется большое патриотическое воодушевление по поводу национальной победы русских над татарами.

Очень красива и торжественна картина прощания князя Дмитрия со своими убитыми воинами, усеявшими Куликово поле. После битвы князь и воевода "стали на костех". "Грозно и жалостно, братие, в то время смотрети, еже лежат трупы христианские у Дона великого на березе, аки сенные стоги, и Дон река три дни кровию текла". Прощаясь с падшими в бою, князь Дмитрий сказал: "братия, князи и бояре и дети боярские! То вам сужено место меж Доном и Днепром, на поле Куликовом, по речке Непрядве; и положили есте головы своя за святыя церкви, за землю Русскую, за веру христианскую. Простите мя, братия, и благословите!"

Исторически, между прочим, это место — неверно. Известно, что во время Куликовской битвы князь Дмитрий был серьезно ранен, его увезли в тяжелом состоянии и он, конечно, не мог держать эту речь убитым воинам. Но историческая неточность не умаляет красоты этой сцены.

К концу XIV-го и началу XV-го века относятся жития, написанные Епифанием Премудрым и Пахомием Сербом. Жития XI-го века преподобного Феодосия Печерского и св. князей Бориса и Глеба, написанные преп. Нестором и Иаковом Мнихом, отличаются простотой, — "просторечием" и безыскусственностью. В XIV-м и особенно — XV-м веке в литературном языке появляются витиеватые выражения, сложные, искусственные обороты речи ("плетение и извитие словес"), затемняющие иногда самый смысл. Это объясняется влиянием Византии и южно-славянских стран, Болгарии и Сербии, откуда,

после завоевания этих стран турками, многие жители переселялись в родственную им славянскую страну — Русь.

Таким витиеватым стилем написаны Епифанием Премудрым жития св. Стефана Пермского и преп. Сергия Радонежского. В житии святого Стефана Епифаний рассказывает, как этот святитель боролся с язычеством в пермском краю, боролся с волхвами, как победил народ своей глубокой верой и смелостью духовной; пермяки, уверовавшие во Христа и крестившиеся, любили св. Стефана и плакали, когда Москва отняла у них любимую их святыню, — мощи святителя ("плач пермских людей").

Епифаний Премудрый был человек талантливый и, несмотря на некоторую витиеватость слога, его жития имеют много литературных достоинств. Им же составлено житие преп. Сергия Радонежского, которое потом было переделано Пахомием Сербом.

Пахомий переселился из Сербии в Россию при великом князе Василии II-м. Он пользовался известностью искусного писателя. Архиепископ Новгородский пригласил Пахомия в Новгород, где он долго жил, написал и переделал множество житий, главным образом — святых подвижников Новгородской области.

27.

Возвышение Москвы. Литература XV-го века.

"Сказание о белом клобуке"; "Сказание о князьях Владимирских" Пахомия Серба; Послание старца Филофея. Путешествия: епископа Авраамия; инока Симеона.

Почти все произведения нашей древней литературы проникнуты идеей национального единства. Вспомним воззвание автора "Слова о полку Игореве" ко всем князьям русским, вспомним черниговского игумена Даниила, молившегося за всю Русь. Идея эта крепнет и переходит в чувство национальной гордости с возвышением Москвы, с объединением вокруг Москвы всех удельных княжеств. К этому еще прибавляется и становится главной идеей сознание того, что одна Россия сохранила православную веру в ее чистоте, в то время, как Византия подчинилась Риму.

Известно, что Россия не признала постановления Флорентийского Собора (1439 года), тогда как Византия заключила унию и признала главенство папы. Митрополит Исидор, назначенный Константинополем митрополитом Московским, подписавший без ведома русского духовенства и великого князя унию, был арестован князем Василием II-м, бежал и едва спасся в Литву. Через 14 лет после Флорентийской унии Констан-

тинополь был завоеван турками. Русские люди видели в этом наказание Божие за нехранение православной веры.

В 1480 году Русь сбросила с себя татарское иго. Московское государство росло и крепло. Брак Иоанна III-го с Софией Палеолог еще больше укрепил у русских людей мысль, что Москва является как бы преемницей Византии.

В конце XV-го века появляются несколько сказаний и легенд, подтверждающих эту мысль. Таково было новгородское сказание "о белом клобуке", который раньше находился в Риме; после разделения церквей он хранился в Константинополе, а затем был прислан константинопольским патриархом новгородскому архиепископу Василию; с тех пор белый клобук был отличием новогородских епископов.

В другом "сказании", написанном уже известным нам Пахомием Сербом, "о князьях Владимирских", говорится, что Рюрик происходит от "рода римска Августа царя" и рассказывается подробно о том, как князь Владимир Мономах получил от императора Константина царский венец (шапку Мономаха) и все царские отличия в знак того, что ему вверяется забота о хранении веры православной, о соблюдении церкви Божией в покое и безмятежии.

Но ярче всего идея о том, что Москва — преемница Византии, выразилась в послании старца Филофея к великому князю Василию Ивановичу III-му. Филофей был человеком мало известным. Сам он говорит, что он — "невежда в премудрости, не в Афинах родился, ни у мудрых философов учился: учился есмь книгам благодатного закона". Он говорит, что Рим потерял свое значение, "пал" при разделении церквей, первенство перешло к Византии, Константинополь стал вторым Римом; но и Константинополь, не сохранив верности православной вере (Флорентийская уния), пал и в наказание Бог предал его в руки турок, теперь третьим Римом стала Москва, одно Московское царство стоит "благодатию Христовой". "Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти".

Эта идея Третьего Рима была очень популярна среди русских людей в XV-м и XVI-м веке.

К XV-му веку относятся очень интересные описания путешествий. Из них "Исхождение на 8-й собор" епископа Авраамия (Суздальского) и повесть инока Симеона (иерея) описывают поездку этих двух авторов вместе с митрополитом Исидором на Флорентийский Собор в 1439 году.

Авраамий, епископ Суздальский, подробно описывает мистерию, изображавшую Благовещение, которую он видел в одном католическом монастыре во Флоренции. Представление очень понравилось ему: "Сие чудное видение и хитрое деяние", пишёт он, "видели мы во граде Флоренции".

Сцена была разделена на два этажа; наверху сидел че-

ловек, изображавший Бога-Отца, окруженного ангелами; внизу — "благообразный отрок", изображавший Богородицу; сверху спускался на веревках архангел Гавриил с крыльями за плечами, и между ним и Богородицей разыгрывалась сцена Благовещения.

Повесть инока Симеона подробно описывает все путешествие митрополита Исидора во Флоренцию и сам собор. Симеон живо и интересно рассказывает о всем, что поразило его в чужих странах: еще в Люнеберге его поразило устройство водопровода. Он описывает фонтаны, статуи ("бронзовых людей") у которых вода вытекает "у иного из уст, а у иного из ока, у иного из локтя, а у иного — из ноздрию". Он восхищается красотой Тирольских гор: "дивны горы те и толикой высоты суть, яко облаки в пол их ходят, и облаки от них ся взимают, снези же лежат на них от сотворения гор тех". Во Флоренции он видел зверинец ("двадцать два лютых зверя"), осматривал производство шелка, больницу, богадельню — все это ему понравилось.

Но совсем иначе говорит инок Симеон о самом Флорентийском Соборе. Глубоко убежденный в истине православия, Симеон еще в Юрьеве был неприятно поражен тем, что митрополит Исидор приложился сперва к католическому кресту, а потом — к православному. На соборе сразу же определились симпатии и антипатии Симеона. Он осуждает греков, которые из-за материальной выгоды признали главенство папы, осуждает своего митрополита Исидора, уклоняющегося от православия, и сочувствует только тем греческим митрополитам, которые твердо стоят за православную веру. Взяв благословение у одного из них, инок Симеон вместе с русским послом бежал из Италии и вернулся в Москву. Оканчивает он свою повесть восхвалением великого князя Василия II-го, который был защитником православной веры, не допустил на Руси унии и арестовал вернувшегося из Флоренции митрополита Исидора.

28.

"Хождение за три моря Афанасия Никитина".

Совсем отдельно среди произведений XV-го века стоит "Хождение за три моря Афанасия Никитина". Это — тоже описание путешествия, но совсем в другом роде, чем "Исхождение на 8-й собор епископа Авраамия" и сочинение инока Симеона.

Афанасий Никитин был тверским купцом. В 1466 году он присоединился к посольству Иоанна III-го, ехавшему в Шемаху. Никитин решил ехать в Шемаху с торговыми целями; по дороге он был ограблен татарами, которые отняли у него

все, даже Библию, с которой, как человек очень религиозный, он никогда не расставался. Тогда он решил попытать счастье и ехать дальше, торговать, так как не хотелось ему с пустыми руками возвращаться домой. Так он и совершил свое путешествие "за три моря" (Каспийское, Черное и Индийское), и попал сухим путем в Индию раньше известного мореплавателя Васко-де-Гама.

Афанасий Никитин был первым белым человеком, которого увидели индусы: — "аз хожу куда, ино за мною людей много, дивятся белому человеку", пишет он.

В городе Чунере, по дороге в Индию, Афанасий Никитин был арестован, как он говорит, — ханом, который, узнав, что он не магометанин, отнял у него его коня и грозился казнить его, если он не примет мусульманской веры. Никитин был тверд в своей вере; он говорит, что Господь смиловался над ним, не допустил погибнуть и совершил чудо: он был помилован и выпущен в самый день Преображения Господня; коня ему вернули. Трудно было оставаться христианином в "бесерменской" земле, но Никитин, видно, был глубоко верующим человеком. Не имея никаких священных книг, он по солнцу расчитывал дни года, праздники, соблюдал посты; Великим постом разрешал себе есть только хлеб и пить воду два раза в день. Он провел в Индии больше пяти лет. "Уже прошли четыре Великих дня (4 Пасхи) в Бесерменской земле", пишет он, — "а христианства я не оставил".

Подробно рассказывает Никитин о религии индусов. "Всех вер", говорит он, "в Индии — 84". Вероятно, он принял за разные "веры" — касты, которых в Индии много и которые живут очень обособлённо друг от друга; — "вера с верой ни ест, ни пьет, ни женятся между собою". Наивно говорит он, что "все веруют в Адама, а зовут его Бут (Будда)". В городе Первота видел он капище Будды "с пол-Твери" величиной. Описывая идола Будды, Никитин говорит: "Бут вырезан из камня, вельми велик, да хвост у него через него, да руку прабую поднял высоко, да простер, аки Устьян (Юстиниан), царь Цареградский, а в левой руце у него копие", — "а виденье (лицо) обезьянино". — "А перед Бутом стоит вол вельми велик, а вырезан из камени из черного, а весь позолочен, а целуют его в копыто, а сыплют на него цветы, и на Бута сыплют цветы". Наблюдая молитву индиан, Никитин заметил, что они молятся всегда на восток и кланяются, как наши монахи, касаясь руками земли: "они се кланяют по-чернешски, обе руки дотычут до земли". Никитин описывает похоронный обряд в Индии: тела умерших сжигают, а пепел сыплют в воду.

Очень поразила его природа Индии, но в рассказах его есть некоторые фантастические сведения: так, например, говорит он о птице Гугук, у которой, если кто-нибудь хочет ее убить, изо рта выходит огонь; если же Гугук сядет на крышу

дома, то в этом доме будет покойник. Никитин видел змей длиной в две сажени. Описывает, как индусы употребляют слонов на войне. Поразили его обезьяны — "мамоны". Он уверяет, что у них есть свой "обезьянский князь", у которого своя "рать" — "кто их (обезьян) занимает, они ся жалуют князю своему, и он посылает на того свою рать; и они пришедши на град и дворы разваляют и людей побьют. А рати их сказывают вельми много, и язык их есть свой".

Афанасий Никитин пробыл больше пяти лет в Индии, но никакого состояния себе не составил. "Меня залгали псы бесермены, а сказывали много всего нашего товара, ано нет ничего на нашу землю, все товар белый на Бесерменскую землю, перец да краска, — то и дешево; ино возят морем, и они пошлины не дают, а нам пошлины великие". В конце концов его взяла тоска по родине, и он решил ехать обратно. В его сочинении чувствуется глубокая любовь к России. "Да сохранит Бог землю Русскую", говорит он в одном месте: "Боже, сохрани! В сем мире нет подобной ей земли. Да устроится Русская земля! О, Боже, Боже!" Слово "Боже" он повторяет пять раз, на арабском, персидском, татарском и два раза на русском языках.

Бедный Афанасий Никитин не доехал до своей Твери: он умер по дороге (в 1472 году) в Смоленске. Его записки были доставлены купцами в Москву.

Афанасий Никитин был несомненно очень выдающейся личностью; это — глубоко верующий, умный, наблюдательный и предприимчивый человек, крепко любящий свою родину. Сочинение его, во-первых, очень интересно, во-вторых, — замечательно тем, что он рассказывает об Индии на четверть века раньше Васко-де-Гама, который совершил свое морское путешествие в Индию в 1498-м году. Имя Васко-де-Гама известно всей Европе, тогда как мало кто знает нашего Афанасия Никитина и его интересное "Хождение".

29.

Ересь жидовствующих. Архиепископ Геннадий. Его библия. Иосиф Волоцкий. Послание Заволжских старцев. Преп. Нил Сорский.

Во второй половине XV-го века сперва в Новгороде, а затем и в Москве появилась ересь, названная "ересью жидовствующих". Принес ее в Новгород из Киева еврей Схарий. По своему учению еретики приближались к еврейской вере. Они отрицали божественность Иисуса Христа, не признавали таинств, отвергали почитание святых, икон, не признавали постов, монашества. Жидовствующие пользовались разными книгами и сочинениями, переведенными с еврейского языка,

у них были некоторые книги Библии, которые еще не были переведены на славянский язык. Из Новгорода ересь проникла в Москву. На борьбу с ересью жидовствующих первый выступил новгородский архиепископ Геннадий. Видя, что еретики обладают обширной литературой, и сознавая, что наше духовенство недостаточно образовано, архиепископ Геннадий, во-первых, обратил внимание на развитие школ, а затем занялся составлением нового полного перевода Библии, называющейся по его имени "Геннадиевой Библией". Часть книг Библии была переведена с латинского (с Библии, называемой "Вульгатой"), часть — с еврейского языка. В переводе Геннадию помогали один славянин доминиканец Вениамин, и перевеводчик посольского приказа Дмитрий Герасимов, который хорошо знал латинский и немецкий языки.

Еретики ложно обвиняли православных в том, что они, будто бы, ожидают кончины мира в конце 7-го тысячелетия. В то время летоисчисление велось с сотворения мира и приближался конец 7-й тысячи. В опровержение этого обвинения Геннадий приложил к своей Библии Пасхалию, составленную им на 8-ую тысячу лет, и прибавил к ней объяснение, в котором он говорит, что никто не может знать срока кончины мира, кроме одного Бога.

Геннадий действовал против еретиков посланиями к разным влиятельным людям, сторонникам ереси. Дух этих посланий — суровый и непримиримый, — несвойственный кроткому духу православной веры. Геннадий даже требует казни еретиков, указывая на пример испанского короля Фердинанда-католика, который ввел инквизицию для борьбы с ересями. Вспомним кроткий дух посланий Серапиона Владимирского, его отрицательное отношение к смертной казни.

Но самым энергичным борцом против ереси жидовствующих был известный основатель и игумен Волоколамского монастыря, Иосиф Волоцкий (в миру — Санин). Он был богословски образованным человеком и отличался ревностным служением Церкви, строгой подвижнической жизнью, за что и причислен к лику святых. Он написал 16 слов против ереси; эти 16 слов были собраны в один сборник, под именем "Просветитель", к которому Иосиф приложил еще предисловие.

Из "Просветителя" Иосифа Волоцкого мы узнаем, в чем собственно состояла ересь жидовствующих. В предисловии и в первых 11-ти словах Иосиф излагает учение еретиков и опровергает его, опираясь на доказательства из Священного Писания. Иосиф кротко, с любовью говорит еретикам, что Господь терпеливо ждет их покаяния и обращения: Господь хотел погубить Ниневию, но когда от проповеди пророка Ионы Ниневия покаялась, Господь помиловал ее. Последние же 5 слов написаны в другом духе, напоминающем послания

архиепископа Геннадия. Иосиф убедился в том, что доводами и объяснениями не переубедить упорных еретиков, и предлагает бороться с ними другими способами. Он считает возможным и даже необходимым предавать смертной казни — не всех, а тех, которые стараются распространять свое учение и совращают православных; духовным лицам невозможно предавать на казнь никого, — говорит Иосиф Волоцкій, — это должна делать светская власть.

Надо сказать, что такая суровость и непримиримость несвойственны Иосифу Волоцкому. До нас дошло одно его замечательное "послание к вельможе", который, повидимому, плохо обращался со своими слугами, и которого Иосиф Волоцкий призывает к милосердию; он называет рабов "домашними своими сиротами", говорит, что их надо "как братию миловать, питать и одевать довольно, пещись о спасении душ их, наставлять на все благие дела".

В том же духе милосердия написаны первые 11 слов "Просветителя". Суровость последних 5-ти слов можно объяснить ожесточенной борьбой с еретиками, желанием до конца искоренить ересь.

Требование Иосифа Волоцкого расправляться с еретиками, предавая их казни, вызвало возражение со стороны так называемых заволжских старцев, т. е. старцев из монастырей, находившихся за Волгой, — Кирилло-Белозерского, Сорского монастыря и других; из этих старцев особенно известны преп. Нил Сорский и старец Вассиан.

В "Послании заволжских старцев" говорится, что суровая расправа с еретиками, которую требует Иосиф Волоцкий, несвойственна духу христианской Церкви. Господь наш Иисус Христос учил нас: "не судите, да не судимы будете"; всякого кающегося грешника-еретика Церковь Божия принимает с рапростертыми объятиями; когда апостол Петр спросил Иисуса Христа, сколько раз прощать брату, согрешающему, до 7-ми ли раз? Господь ответил, что не до семи, а до седмижды семидесяти раз, т. е., что прощать надо всегда. Так и еретиков, — не казнить надо, а прощать и стараться привести их к покаянию. В "Послании заволжских старцев" сказывается кроткий, милосердный дух нашей православной Церкви.

Разногласие между Иосифом Волоцким и его последователями, "иосифлянами", — с одной стороны, и преподобным Нилом Сорским — с другой, произошло еще по другому поводу, а именно — по вопросу о церковном имуществе и владениях. Иосиф считал, что цель монашества состоит в служении людям, что монастыри должны заниматься благотворительностью, иметь школы, больницы, приюты, и для этого должны обладать имуществом, иметь земли. Учрежденный им Волоколамский монастырь отличался благотворительностью.

Преп. Нил Сорский считал, что монах, удаляясь от мира, должен отречься от всякого имущества, возлюбить нищету и пребывать в уединении и молитве; служить людям монах должен молитвой и трудом собственных своих рук. Молитвенную помощь людям преп. Нил ставил выше материальной. На поместном соборе 1504 г. мнение Иосифа Волоцкого восторжествовало, и монастырям разрешено было владеть землей, но строго-аскетическое учение преп. Нила Сорского сыграло большую роль в духовном развитии русского иночества.

Преп. Нил Сорский (в миру — Майков), был пострижен в Кирилло-Белозерском монастыре, оттуда удалился на Афон, пробыл там несколько лет и, вернувшись оттуда, основал скит в очень уединенном месте, на реке Соре. Он выстроил небольшую деревянную церковь, а вокруг нее, на расстоянии брошенного камня друг от друга, стояли 12 келий, в которых жило по два-три брата вместе. Все они вели строго подвижническую трудовую, уединенную жизнь, сходились в церкви в субботу и воскресенье для службы и причащения св. Таин, и снова расходились по своим келиям.

Преподобный Нил написал замечательное сочинение "Предание учеником о жительстве скитском" или "Творение об осьми помыслах". В этом сочинении Нил Сорский говорит, что самое важное в жизни христианина есть "умное делание", т. е., — внутренняя молитва, с постоянным обращением ума и сердца к Богу. "Еже усты точию (т. е., — только устами) моляйся, а о уме небрегий, сей воздуху молится, Бог бо уму внимает". Как уже было сказано выше, он ставит аскетическую жизнь, молитву и помощь людям от трудов собственных рук выше материальной благотворительности. В "Творении об осьми помыслах" преподобный Нил противопоставляет главным восьми грехам восемь добродетелей, говоря, что каждый грех побеждается соответствующей ему добродетелью; так, например, чревоугодие побеждается воздержанием, печаль и уныние — молитвой и рукоделием, гордость — кротостью, сребролюбие — милосердием и т. д. Но главное, что побеждает грехи — это постоянная память о смерти и Страшном Суде. В учении Нила Сорского мы видим высокий идеал иноческого духовного подвига.

30.

Преп. Максим Грек. Митрополит Макарий. Начало кигопечатания.

Великий князь Василий Иванович III-й в 1518-м году обратился в Константинополь, прося прислать ему ученого и знающего человека для приведения в порядок его библиотеки и

для перевода некоторых книг с греческого на славянский язык. В Москву был прислан с Афона ученый монах Максим, известный у нас под именем Максима Грека.

Имя его вошло в русскую литературу, несмотря на то, что он был иностранцем, т. к. большая часть его трудов написаны на славянском языке. Говорят, что, когда Максим попал в великокняжескую библиотеку, он был поражен количеством и разнообразием рукописей, и сказал, что ни в Константинополе, ни в Риме он не видел такого богатства книг. Сначала Максим Грек не знал славянского языка и переводил при помощи других переводчиков (с греческого на латынь, — с латыни на славянский), почему не исключена возможность того, что в переводах его встречались ошибки. Но, как человек очень способный, он вскоре настолько овладел славянским языком, что переводил и писал уже прямо по-славянски.

Преп. Максим Грек окончил свое образование, начатое в Греции, в Италии, где в это время был расцвет эпохи Возрождения. Преп. Максиму очень тяжело было видеть в Италии увлечение античной мифологией, как возврат к язычеству, — увлечение астрологией и большую распущенность и грубость нравов. Живя во Флоренции, Максим был лично знаком с Саванаролой и, хотя и был противником католичества, восхищался самоотверженностью и пламенной убежденностью этого проповедника. После всего того, что он видел в Италии, попав в Москву, Максим боялся западного влияния, боялся и католицизма. Будучи человеком необычайной прямоты и честности, глубокой религиозности, Максим Грек не терпел никакой неправды и горячо против нее восставал. Вот почему среди его многочисленных литературных трудов мы видим, кроме переводов, множество произведений обличительного характера по вопросам религиозным, нравственным и общественным. Он писал обличения против католичества, против ереси жидовствующих, против суеверий; обличал неправосудие, нарушение монашеских обетов, восставал против богатства монастырей, и в этом примыкал к направлению Заволжских старцев. Но, обличая неправду, Максим Грек восстановил против себя тех, кто был задет его обличениями. Он был несправедливо обвинен своими врагами в ереси. Его судили и заточили в монастырь. За него хлопотали некоторые влиятельные лица, сочувственно к нему относившиеся, но не могли добиться его полного освобождения. Его переводили из одного монастыря в другой, положение его временами улучшалось, временами — ухудшалось. Сколько он ни просил, ему так никогда и не позволили вернуться в Грецию. Максим Грек скончался в Троице-Сергиевском монастыре в 1556-м году.

Литературные труды Максима Грека очень разнообразны,

интересны и составляют ценный вклад в русскую литературу XVI-го века.

Как уже было сказано, Максим Грек примыкал по своему мировоззрению к "Заволжским старцам"; митрополит Макарий придерживался мнения "иосифлян", но отличался от них личной мягкостью и любвеобилием. Еще будучи новгородским архиепископом, начал он свой большой труд, — составление Четьи-Минеи, т. е. житий святых на каждый день года. Закончил он Четьи-Минеи уже будучи митрополитом Московским. Они были переписаны в двух экземплярах и хранились, один — в Новгороде, другой — в Москве, в Успенском соборе. Четьи-Минеи разделены на 12 книг по числу 12-ти месяцев. В состав их вошли, кроме житий, множество поучений святых, службы им; впервые были собраны воедино жития русских святых, уже прославленных Церковью, как, например, жития св. князей Бориса и Глеба, преподобного Феодосия Печерского и других.

Митрополит Макарий имел большое влияние на Иоанна Грозного в его детстве и ранней молодости. Он передал и внушил будущему грозному царю мысль о том,что Москва есть третий Рим, и что поэтому на государе московском лежит особая ответственность, он облечен особым величием власти.

При митрополите Макарии впервые была устроена в Москве типография. Книгопечатники, Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец, отпечатали в 1564-м году первую книгу — Апостол. До этого, в самом начале XVI-го века, в Праге, Франциск Скорина печатал книги на русском языке, напечатал он почти полную Библию. Пражские издания были известны в южной и западной Руси, но в Москве их почти не знали, и Апостол наших первопечатников произвел большое впечатление.

После смерти митрополита Макария, который всячески покровительствовал Ивану Федорову и Петру Мстиславцу, невежественные и суеверные люди обвинили наших первопечатников в ереси, и они едва спаслись бегством в Литву. Иван Федоров попал к известному своей просвещенностью и богатством князю Константину Острожскому, который устроил в городе Остроге типографию. В этой типографии была напечатана полная Библия, известная под именем "острожской".

31.

Домострой.

К XVI-му веку относится известное произведение, называемое Домострой. Книга эта состоит из подробных наставлений о том, как надо "строить", т. е., — устраивать домашнюю и семейную жизнь, при чем говорится о жизни боярского дома.

До нас дошло несколько списков Домостроя, — некоторые более краткие, сжатые, повидимому — более древние, другие — более распространенные. Имя автора этого произведения неизвестно. К некоторым спискам Домостроя, который разделяется на 63 главы, прибавлена 64-я глава под заглавием: "Наказание от отца к сыну". Священник Сильвестр, написавший эту главу, был тот самый известный духовник и советник Иоанна Грозного, который сыграл большую роль в первой половине царствования грозного царя. Но только последняя глава принадлежит несомненно его перу. Автор первоначальной, более краткой редакции Домостроя — неизвестен.

Первые 15 глав Домостроя говорят о религиозных обязанностях человека. Следующие 14 глав посвящены отношениям общественным и семейным, остальные 34 главы — хозяйственным наставлениям. Все сочинение проникнуто религиозным духом. В Домострое ясно высказывается мысль, руководившая большинством русских людей в то время, а именно та мысль, та основная идея, что семья, Церковь и государство составляют как бы единое, целое, неделимое. Семья воспитывает людей для служения Церкви и государству, семья входит в состав Церкви и государства; служение Богу есть единая и общая цель семьи, Церкви и государства. Эту же мысль высказал Владимир Мономах в своем "Поучении" еще в XII-м веке.

Через века удельных междоусобиц и тяжелого татарского ига прошла и сохранилась эта глубокая мысль о единой общей цели жизни, — но татарщина наложила свою печать на нравы русских людей. Сравнивая Домострой с Поучением Владимира Мономаха, мы видим, что в XVI-м веке нравы стали грубее, чем в XII-м; духовная культура XII-го века была тоньше и глубже.

В первых 15-ти главах, как уже было сказано, говорится о религиозных обязанностях человека. Человек должен вести "праведное житие", молиться как можно чаще. Вся семья и "домочадцы", т. е. — слуги, должны собираться вместе и петь вечерню, полунощницу, утреню. Перед иконами надо зажигать лампады, свечи, курить фимиам; даются наставления, как после молитвы завешивать иконы полотном от пыли и вытирать их "мягкой губой", чистым крылышком ометать. Много наставлений относится к внешнему обрядовому благочестию, дается наставление удерживать дыхание и не чмокать губами, прикладываясь к иконам, не кусать просфору, а разламывать на маленькие кусочки, — но много есть и чисто духовных наставлений; так, например, говорится о том, что нужно ночью тайно вставать и со слезами молиться Богу о своих грехах. Монашеская жизнь считается идеалом, поэтому и в мирскую семейную жизнь вносятся некоторые

черты монастырской жизни, так, например, всем рекомендуется носить четки и молиться по ним; вместо того, чтобы стучаться в дверь, слуги должны "сотворить молитву" за дверью и не входить, пока им "аминя не отдадут". Вспомним, что говорил Владимир Мономах о непрестанной молитве.

В одной главе говорится об общественных обязанностях, о том, как следует относиться к царю и князю. — "Царя бойся и служи ему верою и всегда о нем Бога моли, и ложно отнюдь не глаголи пред ним, но с покорением истину отвещай ему, яко Самому Богу". — "Глаголет бо Павел Апостол: вся владычества от Бога учинены суть: да еще кто противится властелем, то Божию повелению противится. А царю и князю и всякому вельможе не тщися служить лжею и клеветою и лукавствами: погубит Господь вся глаголющая лжу". Царю и князю надо служить искренно, правдиво и верно.

Несколько глав Домостроя посвящены семейным отношениям и воспитанию детей. В этих главах чувствуется грубость нравов той эпохи и некоторая суровость Глава семьи — муж и отец. Ему, как семейному владыке, все должны безусловно повиноваться. Жена во всем должна с ним советоваться, спрашивать его обо всем, ничего не делать без его согласия. Если же "увидит муж, что непорядливо у жены", или, что она что-то делает не по его "научению", то муж должен жену свою "наказывати и пользовати страхом наедине; и понаказав и пожаловати и примолвити; и любовию наказывати. А мужу на жену не гневатися, и жене на мужа, — всегда жити в чистосердии". Наказывать следует и детей, и слуг — "смотря по вине и по делу". Но "побить не перед людьми, наедине; поучити, да примолвити", — т. е. объяснить, за что наказание, — "и пожаловати". — "А про всяку вину по уху, ни по видению (по лицу) не бити; ни под сердце кулаком, ни пинком; никаким железным или деревянным не бить". — "Многи притчи от того бывают: слепота и глухота, и руку и ногу вывихнут, и перст, и главоболие и зубная болезнь"; — "ино" надо "плеткою вежливенько побить, за руки держа, по вине смотря". — "А гнев бы не был, а люди бы того не ведали, не слыхали".

Воспитание детей было суровое. Домострой говорит, что отец не должен даже никогда смеяться с детьми, чтобы они не потеряли к нему уважения. "Казни (т. е. — наказывай) сына своего от юности его, и покоит тя на старость твою и даст красоту душе твоей. И не ослабляй, бия младенца: аще бо жезлом биеши его, не умрет, но здравие будет; ты бо, бия его по телу, а душу его избавляеши от смерти". Мальчиков нужно обучать ремеслу, девочек — рукоделию. Об учении грамоте в Домострое не говорится. Родители должны заботиться о приданом своих дочерей с раннего детства, откладывать ото всего по-

немногу. Если же девочка умрет до замужества, этот "наделок" ее пойдет на помин ее души.

На жене, матери, хозяйке дома, лежит вся ответственность за благополучие домашней жизни. В полном подчинении у мужа, она должна воспитывать детей, смотреть за слугами, управлять всем домом. Она первая в доме должна быть на ногах: "николи же слуги государыни не будили: государыня бы сама слуг будила". Вставши, она должна задать всем слугам работу, при чем требуется, чтобы хозяйка все сама умела делать и могла бы всегда показать слугам, как надо прясть, кроить, шить, стирать и готовить пищу. Когда же придет к ней муж, или гости зайдут, "всегда бы над рукоделием сидела".

В той части Домостроя, в которой даются хозяйственные советы, говорится, что у хорошей хозяйки все должно быть в доме свое, своими руками приготовленное — пища и одежда. На торгу следует покупать только то, чего действительно в собственном хозяйстве изготовить нельзя. Много говорится о чистоте, рекомендуется после каждой трапезы мыть не только посуду, чаши, блюда, котлы, но и столы, скамьи и пол. Даются наставления, как предохранять дом от пожара. Даются советы, когда какие блюда готовить — в постные и скоромные дни. Посты естественно соблюдались русскими людьми, из чего мы лишний раз видим, что жили люди церковной жизнью, соблюдая постановления церковного устава.

Последняя, 64-я глава Домостроя, "наказание от отца к сыну", написана, как уже было сказано, священником Сильвестром в наставление его сыну Анфиму с женой. Перед нами встает значительный и симпатичный образ самого Сильвестра, который рассказывает сыну о своей жизни. Мы узнаем, что Сильвестр освободил и наделил всех своих рабов, и многих чужих рабов выкупал и выпускал на свободу. У себя в доме вместе с женой своей он воспитывал множество сирот. Мальчиков обучал какому-нибудь ремеслу, — кто к чему был способен, — чтобы они могли зарабатывать свой хлеб; девочек, наделив приданым, выдавал замуж.

32.

Переписка царя Иоанна Грозного с князем Курбским.

К литературе XVI-го века следует отнести переписку царя Иоанна Грозного с князем Курбским, состоящую из шести писем, или как они тогда назывались, — "эпистолий". Письма эти интересны, во-первых, как исторические документы, а, во-вторых, тем, что отражают взгляды и мнения двух умнейших людей того века.

Князь Андрей Михайлович Курбский был одним из ближ-

них бояр и советников Иоанна Грозного в первую половину его царствования. Особенно он отличился, будучи воеводой при взятии Казани. Но во время войны за Ливонию, Курбский проиграл крупное сражение и, боясь гнева царя, бежал в Литву, изменил родине и поступил на службу к польскому королю Сигизмунду-Августу. Из города Вольмара он написал Грозному послание, в котором высказывает царю накопившуюся у него на сердце злобу и горечь. Это послание было доставлено царю верным слугою Курбского, Василием Шибановым, которого Грозный предал пыткам, желая выведать от него имена сторонников и единомышленников Курбского. Не назвав ни одного имени и не осудив своего князя за то, что он послал его на муку, Шибанов умер на пытке, показывая удивительный пример верности и преданности слуги своему господину. Эпизод этот замечательно описан в балладе гр. А. Толстого — "Василий Шибанов".

Итак, в первом своем письме, Курбский упрекает Грозного за то, что он воздвиг страшные гонения на бояр, что он казнил и убивал тех людей, которые в бесчисленных боях сами проливали свою кровь за отечество и за него, своего царя. — "Про что (за что), царю, сильных в Израили побил еси? и воевод, от Бога данных ти, различным смертем предал еси? и на доброхотных твоих и душу за тя полагающих неслыханные мучения и гонения и смерти умыслил еси?" — Не их ли трудами и доблестью твое царство укреплялось и прославилось? Невинно убитые, изгнанные тобою стоят у престола Божия и вопиют к Богу об отмщении. Или думаешь ты, прельщенный "небытной ересью", что ты — бессмертен? Помни, что и ты должен предстать на суд перед престолом Божиим, где будут свидетельствовать против тебя все убитые тобою. Тогда Господь рассудит между тобою и мною; — до второго пришествия Христова ты моего лица не увидишь.

Курбский говорит, что царь должен не казнить своих бояр и воевод, а любить их, "как члены своего тела", и советоваться с ними в делах правления": "Царь добрыми советниками, яко град претвердыми столпы утвержден. Любяй совет, хранит свою душу, а не любяй его, совсем исчезнет". Андрей Михайлович Курбский, потомок удельных князей, является представителем тех "княжат", которые считали, что они имеют право участвовать в управлении страной, и не признавали абсолютного самодержавия Московского царя. Курбский оправдывает свою измену, указывая на древнее право "отъезда" бояр от одного князя к другому. Заканчивает он свое письмо словами, которыми явно хочет уязвить Грозного: "писано (это послание) в Вольмаре, граде Государя м о е г о Августа Жигимонта (Сигизмунда), от него же надеюся много пожалован и утешен быти ото всех скорбей моих".

Грозный отвечает Курбскому обширным посланием, главная мысль которого состоит в том, что он, царь, не только имеет право наказывать своих бояр, но обязан это делать, так как, как самодержавный их владыка, несет на себе ответственность перед Богом за все грехи и неправды своих подданных. Здесь высказывается взгляд противоположный взгляду Курбского: Грозный отстаивает принцип единодержавия, монархизма.

Грозный пишет, что бояре всегда были его врагами и обидчиками; они причиняли ему зло с самых юных его лет, поколебали в нем благочестие, вызывали на гнев и жестокость. Яркими чертами описывает он свое несчастное детство, когда они с братом осиротели, оказались во власти бояр Шуйских, пользовавшихся его детской беспомощностью и своим высоким положением. Иоанн вспоминает, что он и брат его, детьми, бывали иногда плохо одеты и нередко голодали. Он входит в мелкие подробности, вспоминая, как на его глазах бояре расхищали царскую казну, — "нашу казну", уносили в свой дом золотые и серебряные сосуды, подписывая на них свои имена. Больше же всего уязвлено было его детское сердце надменным проявлением власти над ним, царем-ребенком. — "Воспомяну: нам бо во юности детства играюще, а князь Иван Васильевич Шуйский седит на лавке, локтем опершися отца нашего на постелю, ногу положив (протянув ногу на постель, на которой скончался его отец); к нам же не преклонялся не только родительски, но еже властелински... и таковая гордыня кто может понести". В ответ на слова Курбского, что он свою кровь "якоже воду" проливал за царя, Грозный отвечает, что проливать свою кровь за отечество — дело естественное, и было бы плохо, если бы его воеводы этого не делали. Царь ставит Курбскому в пример его же собственного слугу, Василия Шибанова, который, показав пример верности, принял венец мученический. Почему же Курбский не захотел принять венца мученического и убежал к врагам своего отечества? Теперь он поведет врагов на землю родную и, уподобляясь Ироду, будет проливать невинную кровь младенцев русских. Отвечая на слова Курбского, что царь не увидит его лица до Страшного Суда, Грозный иронически восклицает: "кто же убо восхощет такова ефиопского лица видети?"

В письме своем Грозный часто приводит цитаты из Священного Писания, которое он, видимо, хорошо знает. В письме видны большая начитанность и ум царя Ивана Васильевича.

Курбский был, повидимому, сильно задет за живое этим письмом. В его ответном втором послании явно видно желание как-нибудь уязвить царя. Он говорит, что стыдно писать так неискусно в чужую, образованную землю, — сравнивает "широковещательную" и "многошумящую", "зело широкую эпи-

столию" царя с "бесчисленными якобы неистовых баб баснями". Обвинение Грозного в неумении писать совершенно несправедливо, так как царь Иван Васильевич был для своего времени человеком образованным и начитанным, что видно из его письма. Уязвленный упреками царя, Курбский говорит, что нехорошо "грызть так кусательно"; его, невинного человека, следовало бы утешить, так как он изгнан из своей страны и оскорблен; он мог бы ответить царю на каждое его слово, но решил лучше молчать и отдать все на суд Богу; говорить он будет "на Страшном Суде, вместе со всеми убиенными и гонимыми" Грозным царем.

На этом переписка временно прекратилась, но через несколько лет Грозному удалось завоевать город Вольмар (1577 г.), откуда Курбский написал свое первое письмо, и где некоторое время жил. Из Вольмара царь написал Курбскому торжествующее послание, в котором говорит, что вот и без воевод и бояр своих он побеждает врага и берет города. Он вновь упрекает бояр в измене, обвиняет их в смерти своей любимой первой жены, Анастасии Романовны (Иоанн думал, что бояре отравили царицу).

На это письмо Курбский ответил только через два года, когда войска Иоанна Грозного начали терпеть поражения, и царю пришлось уступать врагу взятые города. Тогда Курбский написал Иоанну два послания, одно за другим. Содержание их приблизительно то же, что и первого письма. Курбский доказывает Иоанну, что вся сила государева зиждется на боярах, верных помощниках царя; им оно обязано своей славой и прежними победами. После того, как Грозный изгнал и убил лучших бояр, начались все беды Московского государства.

Князь Курбский написал еще одно очень интересное сочинение: "Историю князя великого Московского". Сочинение это интересно тем, что написано современником и очевидцем описываемых событий. Но к словам Курбского следует относиться осторожно, не доверять ему во всем, так как ясно видно, что Курбский старается как можно больше очернить царя Иоанна и говорит лишь о темных сторонах его царствования. Предполагают, что Курбский боялся, как бы Грозного не выбрали королем на пустовавший тогда польский престол; можно думать, что автор хочет напугать поляков, изображая Московского государя такими черными красками.

В "Истории" Курбского чувствуется некоторая денационализация автора, он часто употребляет иностранные латинские слова; вместо "дождь" говорит "плювия"; вместо "воздух" — "аэр" и т. п. Кроме того, чувствуется какое-то пренебрежение ко всему русскому, отречение от своего отечества: "их язык", "по их языку", говорит Курбский, вместо того, чтобы сказать: "наш язык", "по-русски".

33.

Схоластическая литература.

В XVI-м веке в юго-западной Руси появилось в литературе новое направление, называемое схоластическим. В XVII-м веке оно распространилось и в Московской Руси. Возникновение схоластической литературы связано с борьбой католичества с православием. Известно, что в юго-западных русских областях, граничивших с Польшей, переходивших не раз то к полякам, то — обратно, к России, католики разными способами старались бороться с православием. Одним из этих способов было воспитание детей и юношей в католических иезуитских школах, в которых господствовала схоластическая система преподавания.

Чтобы противодействовать католикам и защищаться от их стараний переводить детей и юношей в католичество, лучшая, просвещенная часть православных русских людей образовала при церквах братства и во многих городах открыли братские школы, созданные по образцу польских иезуитских школ. Из числа деятелей, защитников православия, особенно известно имя князя Константина Острожского, о котором уже было упомянуто (гл. 30). Им была основана типография, в которой была полностью напечатана Библия по-славянски.

Православные решили защищаться от католиков их же собственным оружием: воспитанием юношества.

Самое известное и большое православное учебное заведение, созданное по образцу иезуитских школ, была Киевская Духовная Академия, прозванная Могилянской, по имени ее основателя, митрополита Петра Могилы (впоследствие — Славяно-греко-латинская Академия). Науки, преподававшиеся в Киевской Академии и других братских школах, были схоластические.

Что такое схоластика? Писатели и ученые схоластического направления придавали главное значение не внутреннему содержанию, а внешним формам литературы, внешним формам речи. Они не старались найти что-нибудь новое, не стремились вперед в науке, но основывали все свои доводы и рассуждения, опираясь на мнения уже существующих авторитетов. Конечно, они ссылались на Священное Писание, но, кроме того, опирались и на нехристианские авторитеты; например, в области философии таким авторитетом для схоластиков был древний писатель Аристотель; в области юридической — кодекс Юстиниана.

Схоластики придавали очень большое значение "диалектике", искусству говорить, защищать и доказывать свое мнение. В схоластических школах устраивались споры, "диспуты", спорящие изощрялись в искусстве логично и неопровержимо

ответить на какой-нибудь вопрос, на который по существу невозможно ответить. Например: в каком возрасте был создан Адам? Сколько времени Адам и Ева были в раю? Сколько духов может поместиться на острие иглы? и тому подобные вопросы.

В схоластических школах преподавались главным образом: грамматика, риторика, пиитика, философия и богословие. Ученики носили названия, соответствовавшие их классам: риторы, философы, богословы.

Бытовая жизнь Киевской Духовной Академии, "бурсы", замечательно описана Гоголем в его повести "Вий".

Схоластическая литература выражалась главным образом в форме: проповедей, стихотворений (вирш) и духовных драм.

Проповеди схоластические имеют обыкновенно очень искусственное построение. Внешняя витиеватость речи, сравнения, аллегории часто затемняют смысл проповеди.

Такой же искусственностью отличаются схоластические стихи, или, как их называли, — в и р ш и. Образцом для этих виршей служили польские стихи, написанные силлабическим стихосложением, несвойственным русскому языку; оно основано на одинаковом количестве или счете слогов в каждой строчке. Русскому языку свойственно тоническое стихосложение, основанное на ударениях, а не на количестве слогов. К сожалению, силлабическое стихосложение надолго укрепилось в русской поэзии; это делало стихи тяжеловесными, некрасивыми. Поэты-схоластики придавали особенное значение внешней форме стихотворения: писали вирши, придавая им рисунок кубка, вазы, топорика (секиры), что не могло способствовать красоте содержания. Или старались написать стихи так, чтобы их можно было прочесть слева направо и справа налево.

Д у х о в н ы е д р а м ы возникли в Западной Европе еще в средние века. Духовенство в церквах разыгрывало сцены из Священного Писания, — Рождество Христово, Страсти Господни. Из этих сцен возникли "мистерии", разыгрывавшиеся уже вне церкви.

На Руси духовные драмы появились из Польши. Некоторые духовные сцены проникли и в церковное богослужение. Так, например, и до сих пор в больших православных соборах в Великий Четверг после литургии совершается обряд омовения ног под чтение Евангелия, — несомненный пережиток духовных драм. При царе Алексее Михайловиче еще совершался в день Входа Господня в Иерусалим обряд "шествия патриарха на осляти", причем сам царь вел под уздцы лошадь, наряженную ослом, на которой сидел патриарх. Других следов духовной драмы в православном богослужении нет.

Драмы стали разыгрываться и на площадях в специально выстроенных для этого зданиях, имевших часто три этажа, изображавших: рай, землю и ад. В схоластических духовных

драмах часто играли роль действующие лица, изображавшие отвлеченные понятия, или добродетели: справедливость, разум, время и т. п.

Первые духовные драмы, сыгранные в Киеве, были: "Жалостная комедия об Адаме и Еве", в которой изображалось изгнание Адама и Евы из рая, и "Алексей, человек Божий".

В Малороссии стали появляться комические бытовые сценки, которые актеры разыгрывали между актами духовных драм, чтобы забавлять публику. Изображался чорт в смешном виде, изображались национальные пляски: малоросса с бабой, цыгана с цыганкой, еврея с еврейкой.

В Малороссии же появились маленькие переносные театры-ящики, в которых сцены разыгрывались куколками-марионетками. Такие ящики-театры назывались "вертепами", потому что чаще всего в них разыгрывалась сцена Рождества Христова. С такими вертепами расхаживали киевские школьники-бурсаки во время Рождественских праздников, распевая стихи-вирши.

Так, вместе с схоластической литературой появились на Руси духовные или школьные драмы, и возник театр.

34.

Епифаний Славинецкий. Симеон Полоцкий. Протопоп Аввакум.

В XVII-м веке, при царе Алексее Михайловиче, в Москву стали приезжать киевские ученые, и с ними перешло из южной Руси в северную, московскую, схоластическое образование и схоластическая литература.

Еще при Максиме Греке в Москве начато было дело исправления богослужебных книг от вкравшихся в них при переписывании ошибок. Этим делом занимался и патриарх Филарет в царствование сына своего Михаила Федоровича. Но особенно энергично принялся за это дело патриарх Никон в царствование царя Алексея Михайловича. Он вызывал для этого дела киевских ученых в Москву. Из Греции было выписано множество священных книг и рукописей, их вновь переводили и сверяли с русскими богослужебными книгами, из которых многие были напечатаны в московской типографии с вкравшимися в них ошибками. Дело исправления книг было одобрено Церковным Собором (1654 г.); но чересчур резкие и суровые меры патриарха Никона, который наказывал и преследовал невежественных людей, продолжавших молиться по старым книгам, возбуждало во многих негодование, озлобление и вызвало церковный раскол.

Над исправлением богослужебных книг много потрудился Епифаний Славинецкий, который вместе с Симе-

оном Полоцким, является представителем схоластического образования и схоластической литературы в Москве.

Епифаний Славинецкий получил образование в Киевской Академии. По словам одного современника он был "не токмо грамматики и риторики, но и философии и самыя феологии (богословия) испытатель и искуснейший рассудитель". Он знал прекрасно славянский, греческий, латинский и польский языки. Занимаясь исправлением богослужбеных книг, он составил два словаря: греко-славянский и богословско-филологический, для объяснения непонятных мест из Священного Писания. Он занялся новым переводом Библии с греческого языка, сравнивая свой перевод с Библией, напечатанной при патриархе Никоне, и с Острожской Библией (см. главу 30). Успел он перевести за свою жизнь Пятикнижие Моисея и Новый Завет.

Епифаний Славинецкий вместе с Симеоном Полоцким возобновили в Московской Руси церковные проповеди, прекратившиеся в XVI-м и начале XVII-го века. Проповеди обоих ученых были схоластического построения, в них было множество аллегорий, символов и сравнений.

Симеон Полоцкий, так же как и Епифаний Славинецкий, получил образование в Киевской Могилянской Академии. В 1663 году он приехал в Москву. Царь Алексей Михайлович избрал его в наставники своих старших детей, царевича Феодора, царевны Софии и других царевен.

Симеон Полоцкий написал большое количество богословских и литературных произведений, отличающихся схоластической формой и построением. Он написал: "Венец веры", — подробное изложение христианского учения. В этом произведении встречаются типичные образцы схоластической науки: так, Симеон Полоцкий доказывает вещи, которых доказать нельзя; например, он утверждает, что первые люди пробыли в раю ровно три часа...

Другое сочинение, "Жезл Правления", написано против раскольников; Симеон Полоцкий резко и сурово их обличает. Выражения его иногда даже довольно грубы; так, например, про раскольничьего священника Никиту он говорит: "что смрадный козлищ в стаде и свинья в верте, то безумный Никита в разумении Божественного Писания".

Так же, как и Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий был известным проповедником. И проповеди, и другие свои сочинения он печатал в дворцовой типографии.

Его перу принадлежит множество "виршей", стихов, написанных силлабическим стихосложением. Из этих виршей было составлено два сборника: "Обед душевный" и "Вечеря душевная". Стихи Симеона Полоцкого написаны на разные темы; встречаются целые рассказы, легенды в стихах; много стихотворений на отвлеченные темы; но большинство из них написано довольно тяжеловесным, искусственным слогом. Симеон

Полоцкий переложил на стихи всю Псалтирь. Он же сочинил две комедии, или, как они назывались, школьные драмы: "О блудном сыне" и "О царе Навуходоносоре". В первой изображается евангельская притча, разделенная на шесть действий, пролог и эпилог. Во второй изображается история трех отроков: Анания, Азария и Мисаила, — причем в прологе сравнивается гордость и нечестие царя Навуходоносора с кротостью и благочестием царя Алексея Михайловича. Обе эти драмы были разыграны в дворцовом театре Алексея Михайловича.

Из писателей этой эпохи нельзя не упомянуть протопопа Аввакума, главного деятеля раскола. Он написал свою биографию, дерзновенно назвав ее "Житие".

Протопоп Аввакум не был знаком с схоластическим образованием, сочинение его написано совершенно безыскусственно, просто, употребляются иногда довольно грубые обороты речи и слова: такова была эпоха! В сочинении своем протопоп Аввакум рассказывает о своей ссылке в Сибирь, о всех трудностях и суровых условиях своего путешествия. Написано "Житие" интересно. Видно, что Аввакум был человеком незаурядным, одаренным, глубоко и страстно убежденным в своей правоте, до смерти стоявшим за старую веру, ненавидевшим "новшества", как раскольники называли реформы патриарха Никона, не понимая их.

35.

Театр при царе Алексее Михайловиче. Григорий Котошихин.

В предыдущей главе было сказано, что школьные драмы Симеона Полоцкого разыгрывались при дворе Алексея Михайловича. К этому времени можно отнести начало театра в Москве.

В царствование царя Алексея Михайловича в Москве появилось множество иностранцев из Западной Европы, приезжавших по приглашению московского правительства, или по собственному желанию. Царь Алексей Михайлович не чуждался иностранцев, интересовался Западом, западной культурой. Он приглашал на свою службу иностранных инженеров, архитекторов, врачей и других специалистов. Сад при дворце царя был полон разных вычурных причуд в западноевропейском вкусе той эпохи: беседки, стеклянные шары, фонтаны, декоративно подстриженные кусты, которым придавали форму каких-нибудь птиц или зверей. Во дворце появились и имели большой успех иностранные фокусники, музыканты.

В 1672 году полковнику русской службы, Ван-Стадену, было поручено привезти из Германии в Москву труппу актеров. Ван-Стаден повел переговоры с известной в то время в

Германии труппой Фельтона. Но актеры не решились ехать в далекую Московию, боясь, что их там задержат навсегда. Ван-Стадену удалось привезти с собой лишь несколько музыкантов. Тогда царь поручил устройство театра пастору немецкой слободы Грегори. Царский указ гласил: "иноземцу магистру Ягану Готфриду (Грегори) учинить комедию, и для того устроить хоромину вновь". — "Комедиями" в то время называли всякие театральные представления; их разделяли на "жалостные" (грустные) и "прохладные" (веселые, шутливые) комедии.

Итак, "хоромина", т. е. здание театра было сооружено. Иоганн Грегори составил труппу из молодых людей и принялся обучать их "комидийному действу", причем женские роли исполнялись мальчиками: в те времена женщины не могли появляться на сцене, — это считалось для них позором. Были сооружены декорации — "рамы перспективного письма", актеры были одеты в "потешное платье" — костюмы, в "междосениях" (антрактах) зрителей забавляли музыкой и танцами.

Царь Алексей Михайлович очень любил театральные представления — иногда и царица с царевнами смотрели "комедии", из устроенного для них в театре особого занавешенного окна, скрытые от взоров зрителей. Одна из дочерей Алексея Михайловича, царевна Татьяна Алексеевна, под руководством Симеона Полоцкого даже сама сочиняла школьные драмы.

Репертуар Грегори состоял из духовных и школьных драм и из так называемых "английских комедий", очень популярных в то время в Западной Европе. "Английские комедии", занесенные из Англии в Германию и другие страны труппами странствующих актеров, во многом отличались от духовных и школьных драм, в которых главным образом всегда было обращено внимание на мораль. В английских же комедиях все строилось на эффектах и на занимательности действия; на сцене появлялось множество действующих лиц; место действия часто менялось, непременно происходили убийства, битвы, — зрителей поражали разными кровавыми эффектами, для чего у актеров, под костюмами, были подвязаны пузыри с бычачьей кровью; убийства таким образом изображались очень реально, и часто в конце действия весь пол сцены был залит кровью. В те времена такие грубые эффекты были во вкусе толпы. Также нравились и комические, тоже нередко грубые и даже непристойные выходки. Среди трагических происшествий появляется комическая фигура шута, которая в разных странах носила название любимого народного кушанья: так в Германии этот шут назывался Ганс-Вурст (колбаса), в Италии — Макарони, в Голландии — Пикельгеринг (копченая селедка); у нас он назывался просто: "дурацкой персоной". Комический элемент сперва вставлялся между действиями в так

называемых "интермедиях", или "междувброшенных действиях", а затем уже введен был в самый ход пьес. Сюжеты английских комедий, как и в школьных драмах, часто были взяты из Библии ("Эсфирь", "Жалостная комедия об Адаме и Еве", "Прохладная комедия об Иосифе", "Юдифь"); но иногда ставили пьесы с светским содержанием, как например — "Темир-Аксаково действо", где изображались завоевания Тамерлана и Баязета.

Отличительной чертой английских комедий было то, что актеры имели право иногда изменять действия, импровизировать и развивать свою роль.

Г р и г о р и й К о т о ш и х и н. Заканчивая литературную эпоху XVII-го века нельзя не упомянуть о Григорие Котошихине, написавшем очень интересное произведение: "О России в царствование Алексея Михайловича". О жизни Котошихина мы знаем немного. Известно, что он служил в Посольском приказе, сперва — писцом, затем — подьячим; известно также, что за деньги он выдавал секретные документы Посольского приказа шведскому послу. Боясь неприятностей по службе, он был вынужден бежать из России, сперва — в Польшу, потом — в Швецию, где и написал свое произведение. В Стокгольме Котошихин отказался от православия и принял лютеранство. Кончил он свою жизнь весьма печально: он был казнен за то, что в пьяном виде убил своего хозяина.

Мы видим, что личность Григория Котошихина — несимпатичная и темная. Надо относиться с осторожностью к произведению, написанному человеком, который был способен на измену и предательство. Но Котошихин несомненно владел пером, был человеком неглупым и описывает многое, как очевидец.

Произведение Котошихина "О России в царствование Алексея Михайловича" делится на 13 глав. В первой главе он кратко говорит об истории царей московских, начиная с Иоанна Грозного. Дойдя до царя Алексея Михайловича, описывает подробно его венчание на царство, женитьбу, семейную жизнь, воспитание детей.

Во второй главе он говорит о дворянах, боярской думе, мрачными красками описывает невежество бояр: "иные бояре, брады своя уставя, ничего не отвещают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе, и многие из них грамоте не ученые и не студированые".

В 3-й, 4-й и 5-й главах Котошихин говорит о Посольском приказе, о дипломатических делах, подробно, как очевидец, описывает прием иностранных послов.

В других главах Котошихин говорит об управлении дворцовом, центральном и областном, о сословиях, о торговле. В последней 13-й главе подробно описывает быт боярства, с нескрываемым озлоблением и критикой говорит о грубости нра-

вов боярской среды, о злоупотреблении родительской властью, о свадебных обычаях, подмене невест, обманах, произволе. Котошихин говорит почти исключительно о темных, отрицательных сторонах русской жизни и, хотя мы узнаем много интересного из его произведения, не следует забывать, что написано оно человеком озлобленным, изменившим не только своей родине, но и вере православной.

36.

Житие Св. Праведной Иулиании Лазаревской.

В первой половине XVII-го века было написано замечательное житие св. праведной Иулиании Муромской, — или Лазаревской (название"Лазаревская" происходит от села Лазарева, где жила святая). Написано житие сыном святой Иулиании, Каллистратом, по прозвищу — Дружиной Осорьиным "Списано (житие) многогрешным Каллистратом пореклу Дружиною Осорьиным, сыном ее, что в Муромских пределах". До нас дошло 27 списков и вариантов этого жития, что свидетельствует о большом успехе, которым оно пользовалось в свое время. Произведение Каллистрата Осорьина рисует перед нами образ замечательной русской святой; оно переносит нас многими интересными подробностями в обстановку и атмосферу жизни XVII-го века. Вот, вкратце, содержание этого замечательного жития.

При дворе царя Иоанна Грозного жил боярин Иустин Недюрев. По выражению жития, и он, и его жена были люди "благоверные и нищелюбивые". Были они богатого боярского рода, имели "раб множество". У них было несколько сыновей и дочерей; одна из них и была праведная Иулиания. Ей было всего шесть лет, когда умерла ее мать. Иулиания воспитывалась сначала в доме своей бабушки Лукиной, а когда и бабушка умерла, — в доме тетки Араповой. С детских лет Иулиания отличалась кротким и молчаливым характером. "Сия же блаженная Иулиания от младых ногтей Бога возлюби и Пречистую Его Матерь. Тихая и смиренная, она во всем слушалась своей тетки и ее дочерей; даже в детстве ее не привлекали забавы, игры и веселые песни девочек, ее сверстниц; она много молилась, постилась, за что тетка ее бранила, а двоюродные сестры насмехались най ней. — "О, безумная", говорили они ей: "что в толицей младости плоть свою изнуряеши и красоту девственную погубиши". Но святая Иулиания, несмотря на насмешки и неодобрение своих родных, не изменила образа своей жизни, тихо, но твердо шла она путем благочестия, молитвы и уклонялась от мирских развлечений. Она искусно пряла и ткала, любила работать и еще девочкой занималась благотворительностью: изготовляла сама одежды

для нуждающихся сирот и вдов, заботилась о больных, помогала бедным.

Около дома Араповых не было близко церкви, — ближайшая была в двух верстах. В те времена не полагалось девушке дворянской семьи ходить так далеко к церковным службам, — семья Араповых была, повидимому, не особенно благочестиво настроена. Иулиания была лишена радости церковного богослужения. Никто ее не учил и не наставлял, пламенная любовь Иулиании к Богу, благочестие и христианская мудрость были даром Божиим и плодом ее долгих, горячих молитв.

Шестнадцати лет Иулианию выдали замуж за Георгия Осорьина, — "мужа добродетельна и богата". Иулиания поселилась в доме своего мужа, в селе Лазареве (близ Мурома). Но и замужем она продолжала вести свою тихую, благочестивую жизнь. Подолгу молилась она вечером и утром, и мужа своего привлекала к молитве. Георгий Осорьин, находясь на "царских службах", по выражению жития, иногда подолгу отсутствовал из дома. Во время его отсутствия Иулиания и ночью вставала на долгую молитву.

Все свои добрые дела Иулиания стралась делать втайне, хотя родители ее мужа, старые Осорьины, любили свою кроткую невестку и радовались на ее благочестие.

В то время на Руси наступил голод. Иулиания видела нужду и страдания бедных людей, но, так как все хозяйство было в руках ее свекрови, она не могла помогать голодающим так, как ей этого хотелось. Тогда она стала просить свекровь давать ей побольше пищи.Иулиания говорила, что с тех пор, как у нее стали рождаться дети, ей больше хочется есть, на самом же деле она просила себе пищи для того, чтобы раздавать ее голодающим. В доме Осорьиных всего было много и нужды ни в чем не было; свекровь, любя свою невестку, с радостью стала присылать ей обильные кушанья и утром, и в полдень, и даже на ночь, — а Иулиания с помощью своей молоденькой служанки все тайно раздавала нуждающимся. После смерти родителей мужа, которых Иулиания горячо любила и почитала, она стала полной хозяйкой в доме. Она должна была управлять большим хозяйством, богатым домом, в котором было множество слуг и служанок.

Она сама раздавала работу слугам, следила за тем, чтобы они хорошо ее выполняли, — но никогда не пользовалась какой-нибудь личной их услугой: не позволяла, чтобы слуги ей подавали воды для умывания, или помогли ей снять обувь; часто она брала на себя вину некоторых своих ленивых или небрежных слуг и служанок.

У Иулиании было 13 человек детей, из которых шестеро умерли в младенческом возрасте, но семерых она воспитала.

Житие ее, как уже было сказано, написано сыном ее, Дружиною Каллистратом Осорьиным, написано с такой проникно-

венной любовью и благоговением. Каллистрат рассказывает о неустанных трудах своей матери, о щедрой ее милостыне и о тайных подвигах, которые хоть и скрывала она, все же становились известны ее детям. Знали они, что она часто целые ночи проводит в молитве, знали, что ложась ненадолго отдохнуть, она нарочно подкладывала под голову и под себя дрова, чтобы лишить себя полного покоя; знали, что в обувь свою, одетую на босу ногу, она клала скорлупу орехов, вместо стелек.

Один из сыновей Иулиании, уже взрослый, погиб от руки убийцы, другой был убит на войне. Горе свое Иулиания переживала в молитве, раздавала милостыню за упокой душ сыновей. После их смерти она стала просить и умолять мужа отпустить ее в монастырь, но он со своей стороны просил и долго упрашивал ее не покидать его и детей, говоря, что он уже стареет, дети еще малы, и что и в миру живя можно спастись. Она покорилась просьбам мужа: “Воля Господня да будет”, отвечала она ему. Но жизнь святой Иулиании после этого стала еще более строгой, еще более подвижнической. Среди своей семьи, не покидая обязанностей матери и хозяйки дома, она жила, как монахиня.

Через 10 лет после смерти сыновей скончался муж святой Иулиании, Георгий Осорьин. Похоронив его, Иулиания еще больше отошла от мирской жизни и углубилась в молитву. Несмотря на свой уже преклонный возраст, она ежедневно ходила в церковь к утрене и литургии, постилась и раздавала милостыню так щедро, что часто у нее не оставалось “ни одной сребреницы”. Когда приходила зима и наступали сильные морозы, она брала денег, чтобы сшить себе теплую одежду, — но тут же раздавала эти деньги нищим и всю зиму ходила в легкой одежде.

Один год зима была настолько холодна, морозы стояли такие лютые, что святая Иулиания, не имея теплой одежды, некоторое время не ходила в церковь и молилась у себя дома. В один из этих зимних дней священник той церкви, куда обычно ходила Иулиания, пришедши в храм рано утром, услыхал голос, исходивший от иконы Богородицы: “Пойди скажи милостивой Иулиании, отчего она в церковь не ходит на молитву? И домашняя ее молитва благоприятна, но не так, как церковная. Вы же почитайте ее, ей уже не меньше 60-ти лет и Дух Святый почивает на ней”. В страхе и трепете священник сейчас же пошел в дом Иулиании и, поклонившись ей в ноги, при всех рассказал о своем видении. Святая Иулиания смутилась оттого, что священник при людях передал ей слова Божией Матери. Она умоляла его не рассказывать больше об этом чудесном явлении, — сама же пошла в церковь, с горячими слезами молилась, целовала икону Богородицы и с тех пор неопустительно ходила к церковным службам, несмотря на хо-

лод. По вечерам она всегда молилась у себя дома, в особой комнате, в которой находились иконы Божией Матери и Святителя Николая. Однажды, когда Иулиания вечером стала по своему обыкновению на молитву, она вдруг увидала, что вся комната наполнилась страшными бесами, вооруженными всяким оружием; бесы грозили убить ее. Горячо, со слезами стала Иулиания молиться Богу, взывая о помощи, и вдруг явился ей Святитель Николай и прогнал бесов, которые, как дым, рассеялись; Святитель Николай благословил Иулианию крестом и стал невидим. Каллистрат Осорьин, пишущий ее житие, вспоминает, как мать его тогда вышла к ним с изменившимся от страха лицом ("ужасна вельми и лицем переменися"), но ничего не отвечала на вопросы своих детей; спустя же некоторое время, она рассказала им о том, что с нею тогда случилось, но просила никому этого не говорить. Вот как сильна была ее молитва! Каллистрат пишет, что даже когда она спала, губы ее шевелились, произнося молитву, а пальцы перебирали четки.

Наступило царствование царя Бориса. По всей России в это время сделался страшный голод; несколько лет подряд был полный неурожай; начался мор скота и лошадей; множество людей умирало от голода и от разных эпидемических болезней; в некоторых местах люди от голода дошли до того, что ели человеческое мясо.

В это страшное время и в доме Иулиании Осорьиной наступила "великая скудность". Иулиания умоляла своих детей и слуг терпеть нужду, не соблазняться на чужое добро, отнюдь не воровать. Она распродала все, что можно было: оставшийся скот, одежду, сосуды, — на эти деньги покупала пищу и кормила не только слуг своих, но и всех, приходивших к ней нищих, которых в то время было великое множество. Дошло до того, что и в ее доме не осталось ни одного зерна; Иулиания не смущалась, возлагая все упование свое на Бога.

Из-за голода Иулиания была принуждена переселиться из села Лазарева, где она всегда жила, в другое свое село, в пределах Нижегородских. К большому горю Иулиании, она была лишена церковных служб на новом месте жительства, так как не было церкви по близости от этого села. Голод все продолжался. Призвав всех слуг своих, она предложила им всем идти на волю, чтобы найти себе пропитание; но только немногие воспользовались ее предложением, — большая часть не захотели покинуть милостивую свою госпожу и обещались с нею вместе терпеть нужду. Тогда Иулиания велела оставшимся у нее слугам собирать лебеду и древесную кору, — сушить их, толочь и из этого печь хлеб. И по молитве святой хлеб этот, сделанный из коры и сорной травы, был вкусен и сладок. Все остальное время голода, продолжавшегося еще два года, в доме Иулиании пекли этот хлеб, и питались им семья Иулиании, слуги ее и многое множество приходивших

к ней нуждающихся и нищих. Богатые соседи, слыша, что Иулиания раздает нуждающимся хлеб, из любопытства присылали к ней просить дать им попробовать ее хлеба; находя его особенно вкусным и сладким, они думали, что рабы Иулиании особенно искусно умеют печь хлеб, не догадываясь, что только по молитвам святой ее хлеб был сладок. Каллистрат Осорьин свидетельствует, что мать его в самые трудные времена нужды никогда не унывала, не смущалась, — "не изнеможе нищетою, но паче первых лет весела бе".

Скончалась праведная Иулиания 2-го января 1603 года (7712), достигши глубокой старости. Она заболела на второй день Рождества, проболела всего шесть дней; но и во время предсмертной болезни она принуждала себя вставать ночью на молитву. В день своей кончины она причастилась святых Тайн, потом, призвав детей своих и слуг, поучала их "о любви, о молитве, о милостыне". Со всеми простилась, трижды перекрестилась, обвила четки вокруг своей руки и сказала: "Слава Богу за все, в руце Твои, Господи, предаю дух мой, аминь". С этими словами она скончалась и все присутствующие видели вокруг головы ее светлое сияние. Тело святой Иулиании повезли хоронить в муромские пределы, в село Лазарево, где был похоронен ее муж.

Почти через одиннадцать лет, когда там же хоронили одного из ее сыновей, Георгия, обнаружили ее гроб "цел и невврежден ничим", а в нем ее чудотворные святые мощи, от которых многие больные получали исцеление.

Каллистрат так заканчивает свою дивную повесть: "вы же, братие и отцы, не зазрите ми, еже написах груб сый и нечист, и не мните ложно се, свойства ради матерня. Но весть Всевидящее Око, Владыко Христос Бог наш, яко не лжу".

Святая праведная Иулиания прославлена и причислена Православной Церковью к лику святых. В простом, трогательном рассказе Каллистрата Осорьина перед нами необычайно ярко встает образ великой русской святой. Живя в миру, управляя богатым домом, воспитывая детей, праведная Иулиания достигла святости пламенной любовью к Богу, непрестанной молитвой, воздержанием и горячей любовью к людям, выражавшейся в делах милосердия.

37.

Повести XVII-го века.

В XVII-м веке на Руси получили широкое распространение повести самого разнообразного содержания. Некоторые из них пришли к нам из Византии еще с давних времен, в XI-м и XII-м веке, но до нас дошли только позднейшие списки этих повестей. Другие появились у нас с Запада уже в XVII-м веке,

— из Италии, через Чехию, из Румынии и из Польши. Наконец, многие повести возникли на самой Руси и особенно интересны тем, что как бы вводят нас в атмосферу жизни XVII-го века, знакомят с бытовыми подробностями той эпохи.

Из Византийских повестей самое широкое распространение получила у нас Александрия, фантастический рассказ о жизни и подвигах Александра Македонского. В этой повести сперва говорится о детстве, воспитании и первых подвигах Александра Македонского, — например, об укрощении дикого коня Букефала. Затем рассказывается о войнах Александра с Грецией, Персией, Египтом, — причем к историческим фактам прибавляется много фантастического. В конце повесть принимает совершенно сказочный характер. Рассказывается о походе Александра Македонского в Индию, где он встречается со всякими необыкновенными существами: пигмеями, кентаврами, людьми с собачьими головами и т. д. Сам Александр изображен героем милосердия, справедливым, преисполненным всякими добродетелями.

Большое распространение у нас получила повесть об "Анике-воине" или "Прение живота со смертью". В этой повести несомненно отразилось Византийское сказание X-го века о непобедимом воине Аниките. В русской повести рассказывается о встрече храброго Аники-воина со смертью. Смерть, вооруженная всякими страшными орудиями, ножами, серпами, косами, хочет убить Анику, но он с ней спорит, говорит, что его никто не может победить; в конце концов смерть оказывается все же сильнее и поражает храброго воина.

Повести, пришедшие на Русь из Византии, обыкновенно содержат в себе какую-нибудь нравоучительную мысль, тогда как повести, появившиеся с Запада, отличаются совсем другим, скорее авантюрным характером. Из таких западных повестей самая характерная — о Бове-королевиче. Сын предательски убитого герцога Гвидона, молодой красивый королевич Бова, лишен наследства и посажен в тюрьму. Он бежит из тюрьмы и совершает ряд самых необыкновенных подвигов: оказывается победителем на турнире, убивает чудовище-кентавра Полкана, побеждает богатыря Лукопера и в конце концов, женившись на красавице Друзиане, мстит за смерть отца и получает царство.

Как видно, содержание — самое несложное и авантюрное. Образ храброго Бовы-королевича, страшное чудовище Полкан появляются в разных русских сказках и даже былинах, а между тем повесть эта несомненно пришла к нам с Запада, имена героев итальянского происхождения: Бова — Buovo; Полкан — Pulicane; Гвидон — Guidone; Лукопер — Lucaferro и т. д.

Но самые интересные из повестей XVII-го века это — оригинальные русские повести, созданные русскими людьми. Приведем здесь наиболее интересные и известные из них: Повесть

о Горе-злосчастии, Повесть о Ерше, о Шемяником суде и о Фроле Скобееве.

Первая из них, Повесть о Горе-злосчастии, написана стихами, былинным размером; в ней отразились черты народной поэзии и глубоко-религиозная мораль русского народа. Начинается повесть с рассказа о грехопадении Адама и Евы; проводится та мысль, что с момента грехопадения дурное начало вошло в мир; люди

«...на безумие обратилися,
И учали жить в суете и вражде,
А прямое смирение отринули».

После этого вступления рассказывается о "добром молодце", у которого были хорошие родители, учившие и наставлявшие его на все хорошее. Но молодец не хотел слушаться родителей, было ему:

«Стыдно отцу своему покоритися
И матери поклонитися,
И хотел жити, как ему любо».

Молодец сошелся с дурными людьми, из которых один, лучший друг, завел его в кабак, напоил и дочиста ограбил. Проснулся молодец в кабаке обманутым, ограбленным, и увидал, что даже одежда у него снята; осталась ему "гунька (одежда) кабацкая" и "лапотки-отопочки". Стыдно ему стало в таком виде вернуться в дом родительский, отправился он странствовать на "чужую сторону". На чужой стороне попал он случайно на пир в богатый дом; там его приняли добрые люди, обласкали, научили его, как жить, и помогли ему встать снова на хороший путь. Молодец "учал жити умеючи", нажил богатство, задумал жениться и нашел себе хорошую невесту; он устроил пир, пригласил к себе всех своих новых друзей и, "по наущению диаволю", стал перед друзьями хвастаться тем, что нажил себе богатство больше прежнего. Тут-то "подслушало Горе-злосчастие" "хвастанье молодецкое" и начало нашептывать молодцу дурные, темные речи. Горе, это — таинственное, злое существо, олицетворение всего темного, греховного. Хвастанье молодца как бы открыло дверь всему дурному, впустило грех в его душу. Горе уговаривает молодца бросить невесту, уверяя его, что когда он на ней женится, она его отравит; молодец слушается Горя и, отказав невесте, опять начинает ходить по кабакам и пропивает все свое имущество. Босой, раздетый, голодный, пускается он снова странствовать *по дорогам в незнакомой стране. На пути ему встречается река.* Перевозчики отказываются перевезти его на другую сторону, так как ему нечем заплатить за перевоз. Два дня сидит молодец на берегу реки, голодный, не зная, что ему дальше делать. В полном отчаяньи, хочет он, наконец, броситься в реку, покончить с собой. Тут снова, уже наяву, является ему Горе-

злосчастие, выскочив из-за огромного камня. Горе описано каким-то отвратительным, гадким существом:

«Босо, наго, нет на Горе ни ниточки,
Еще лычком Горе подпоясано».

Горе обещает молодцу, что научит его, как жить, но требует, чтобы молодец ему покорился и поклонился:

«Покорися мне, Горю нечистому,
Поклонися мне, Горю, до сырой земли».

Долго продолжается нравственная борьба молодца с Горем. То он ему покоряется, то, вновь опомнившись, бежит от него. Но Горе преследует его по пятам. В этом бегстве от Горя есть что-то, напоминающее "Слово о полку Игореве" (бегство князя Игоря из плена). Молодец от Горя

«Полетел ясным соколом,
А Горе за ним — белым кречетом,
Молодец полетел сизым голубем,
А Горе за ним — сизым ястребом,
Молодец пошел в поле серым волком,
А Горе за ним — с борзыми выжлецами (собаками),
Пошел молодец в море рыбою,
А Горе за ним — с частыми неводами».

Молодец идет по дороге, а Горе его "под правую руку" поддерживает и нашептывает ему злые советы и дурные мысли. Тогда молодец решает идти в монастырь, постричься в монахи — и этим, наконец, спасает свою душу от Горя, которое не может проникнуть за ворота монастыря: "Горе у святых ворот остается, к молодцу впредь не привяжется". В этой повести высказывается глубокое народное убеждение, что только в монастыре — спасенье от всего дурного, греховного.

Совсем другого характера повесть "О Шемякине суде" и "О Ерше", в которых комически изображается несправедливый, пристрастный суд того времени. В первой повести рассказывается о судье Шемяке, который всякое дело умеет необыкновенно ловко решить в свою пользу, и оправдывает всегда того из судящихся, от которого он надеется получить большую взятку. Выражение "Шемякин суд" вошло в русский язык и означает — несправедливый, пристрастный суд.

Полное заглавие повести о Ерше: "Список судного дела, как тягался Лещ с Ершом о Ростовском озере и о реках". Это — остроумная и забавная пародия на "судное дело", как оно велось при Алексее Михайловиче. Действующие лица — рыбы.

Честный Лещ ("сынишко боярский Лещишко") жалуется суду на юркого плута Ерша, который вытесняет его из Ростовского озера, с давних времен принадлежавшего им, лещам. Лещ говорит, что "тот Ерш сам собою мал, а щетины у него стоят, что большие рогатины, и нас теми щетинами своими под бока подкалывает, и прокалывает нам ребра и суется по рекам и по озерам, как бешеная собака". Судья — "воевода

Осетр и окольничий Сом с большим усом" спрашивают Ерша, чем он может оправдаться? Ерш отвечает нахально, что Ростовское озеро — старая вотчина его дедов, а что Лещ жил у них всегда "во крестьянах на дне озера, а на свет не выхаживал". Ерш прибавляет, что он — человек известный, на Москве его знают "князья и бояре, дьяки и дворяне и подьячие, попы и дьяконы", — и другие "люди добрые, покупают Ерша дорогою ценою и варят в ухе с перцом и шафраном". Один из свидетелей, Сельдь, показывает против Ерша, говоря, что он — "злой лих-человек, ябедник, скитается по рекам и озерам", а что в Москве его знают только "ярыжки кабацкие", "купят на одну деньгу ершов много, половину съедят, а другую расплюют и собакам размечут". Лещ ссылается на других свидетелей: рыбу Сига, рыбу Лодогу. Тут же описывается, как толстая рыба Линь, взятая в понятые, откупается взяткою, не желая идти на суд. В конце концов судьи оправдывают Леща, а Ерша приговаривают к торговой казни, быть повешену в жаркие дни против солнца. В повести остроумно передается официальный судебный язык эпохи. Список судного дела заканчивается так: "У судного дела сидели все добрые люди: дьяк Сом с большим усом, судный список писал Вьюн, а добрый человек был Карась, а печатал Рак-глазун левою клешнею". Но Ершу не понравилось решение суда, он плюнул в глаза судьям, вскочил в хворост, — "только Ерша и видели".

Таким же бессовестным и ловким плутом изображен герой другой повести, — "История о российском дворянине Фроле Скобееве". В этой повести нет ни пародии, ни морали, — это просто бытовая, авантюрная история, необыкновенно реально передающая картину того времени.

Небогатый дворянин Фрол Скобеев, ябедник и плут, решил жениться на Аннушке, дочери знатного стольника Ордина-Нащокина (в повести его называют: Нардин-Нащекин) и получить за ней богатое приданое. Для этого он проникает на вечеринку в дом Нардина-Нащекина в его деревенских вотчинах, переодевшись в женское платье. Подкупив мамку Аннушки и открывши ей свои намерения, Фрол Скобеев продолжает видеться с Аннушкой и добивается ее любви. Когда же стольник Нардин-Нащекин выписывает дочь из деревенских вотчин в Москву, Фрол Скобеев едет за нею туда же: путем самого бессовестного обмана он увозит Аннушку из дома отца и тайно венчается с нею. Старый стольник Нардин Нащекин — в отчаянии, ищет пропавшую дочь и идет жаловаться царю: Государь велит "учинить публикацию о той стольничей дочери: ежели кто содержит ее тайно, чтобы объявили, а ежели кто не объявит и сыщется, то после смертью казнен будет".

Услыхав о такой публикации, Фрол Скобеев решается идти на пролом. Заручившись протекцией другого стольника, Ловчикова, которого он тоже хитро обманул, он подходит к

Нардину-Нащекину после обедни в Успенском Соборе, на Ивановской площади, падает ему в ноги и перед всем народом объявляет о том, что он женился на дочери его Аннушке. Старый стольник ошеломлен: радость найти пропавшую дочь и гнев на "плута и бездельника", женившегося на ней, борятся в его душе. Стольник Ловчиков "предстательствует" за Фрола Скобеева. Посоветовавшись с женою своею, погоревав и поплакав вместе с ней некоторое время, Нардин-Нащекин решает послать дочери благословенный образ; Фрол Скобеев, заставив жену притвориться больной, довел до сведения родителей, что она, больная, молит их хотя бы заочно ее благословить. Мало-помалу ловкий плут добивается того, что старый стольник завязывает сношения с обманувшей его дочерью и ее мужем и в конце концов приглашает их к себе в дом обедать. Но гордый стольник все же не может победить в себе отвращения к мошеннику, ставшему его зятем, и, принимая его в первый раз у себя в доме, приказывает "людям своим, чтобы никого в дом постороннего не пускали — сказывали бы, что время такого нет стольнику, для того, что с зятем своим, вором и плутом, Фролкою Скобеевым, кушает". Добившись прощения Нардина-Нащекина, Фрол Скобеев добивается и дальнейшего: стольник дарит ему вотчины и деньги, для того, чтобы дочь его жила без нужды. По смерти же доброго стольника Скобеев делается наследником всего его богатства.

38.

Петровская эпоха.

Петр Великий — явление необычайное в истории России. Он произвел огромную перемену во всей жизни русского народа, круто изменил течение государственной и общественной жизни. Он придал совершенно новое направление просвещению, нарушив нормальное развитие национальной русской культуры и поставив себе главной задачей ввести в Россию западно-европейскую цивилизацию. Реформы Петра, весь дух его царствования, отразились и в русской литературе, изменили ее характер.

Как уже было сказано (см. гл. 35), отец Петра Великого, царь Алексей Михайлович, тоже стремился к сближению с Западной Европой, интересовался западной культурой; при нем множество иностранцев приезжало в Москву, поступало на русскую службу. Это были главным образом разные специалисты: инженеры, врачи, архитекторы, военные. Царь Алексей Михайлович ценил их знания, стремился применить к русской жизни то хорошее, новое, чему иностранцы могли научить русских. Но в то же время, оберегая православную веру, опасаясь влияния иноверцев на русских людей, — обере-

гая обычаи и традиции русской жизни, Алексей Михайлович не желал допускать слишком тесного сближения иностранцев с русскими. Поэтому он отвел для иностранцев, приезжавших жить в Россию, особый пригород Москвы, называвшийся Немецкой слободой. Иностранцы селились в Немецкой слободе и жили по обычаям своих стран, пользуясь полной свободой; они ходили в свою церковь, выстроенную там же. Царь Алексей Михайлович сам не чуждался иностранцев. Мы знаем, что когда он захотел устроить в Москве театр, то обратился именно в немецкую слободу и поручил это дело пастору Иоанну Грегори. Но в вопросах духовной культуры Алексей Михайлович ставил выше греческих ученых, греческую культуру.

Петр Великий, вследствие сложившихся обстоятельств, проводил свое детство в селе Преображенском, недалеко от Немецкой слободы. Он не получил того образования, которое имели его старший брат и сестры, учителем которых был, как мы говорили, Симеон Полоцкий, бывший сам воспитанником славяно-греко-латинской (Могилянской) Киевской Академии. Молодым мальчиком Петр попал в Немецкую слободу, познакомился и подружился со многими жившими там иностранцами, и это обстоятельство оказало громадное влияние на всю его жизнь и, можно сказать, на всю жизнь России. Петр был поражен и увлечен европейскими техническими достижениями в области военной науки, мореплавания и кораблестроения, о которых узнал от своих иностранных друзей.Нравились ему и все иностранные обычаи, манеры, одежда, которые настолько отличались от русских. Россия несомненно отстала от Европы в вопросах цивилизации, вследствие татарского ига, длившегося два с половиной века и разобщившего Россию с Европой. Но не следует смешивать понятия цивилизации с понятием культуры. Правда, развитие русской культуры было приостановлено долгим татарским владычеством, но оно все же продолжалось, не меняя своего национального характера.

Благодаря реформам Петра Великого, благодаря тому, что он хотел целиком привить России иностранную цивилизацию, пострадала русская литература, потеряв самостоятельность и подпав иностранному влиянию, стала носить характер подражательный. Но, несмотря на эту подражательность, стеснявшую истинную свободу творчества, в русской литературе и за этот период, длившийся целое столетие, встречаются выдающиеся талантливые писатели и поэты; можно сказать, что вполне освободилась наша литература от подражательности и вышла на самостоятельную национальную дорогу только при Пушкине. Остается выяснить, каким образом Петр Великий изменил развитие русской культуры и, в частности, — литературы.

Заботы Петра о просвещении выражались главным образом в посылке молодых людей за границу, в учреждении школ

и в издательстве книг. После первого путешествия Петра за границу, с 1698 года, он начал посылать русских молодых людей из дворян в разные страны для обучения специальным наукам. Такие отправки молодых людей за границу систематически производились в течение всего царствования Петра. Посылали молодых людей на казенный счет в Англию, Голландию, Францию, Италию и Германию для обучения разным наукам: языкам, химии, физике, медицине, горному делу, кораблестроению, фортификации и пр. Петр хотел иметь своих русских специалистов во всех научных областях. Во время своего первого заграничного путешествия он успел осмотреть в Англии, Голландии и Пруссии все интересные музеи, библиотеки, типографии и школы. Ему хотелось все это завести у себя в России. Действительно, он учредил в Петербурге большую библиотеку, открыл так называемую "кунст-камеру", т. е. — музей редкостей; для этой кунст-камеры он купил целиком в Амстердаме целый анатомический музей. Во время второго путешествия заграницу, он в Париже посетил Академию Наук и даже сделался ее членом; посетил Сорбонну и познакомился со многими французскими учеными.

В России Петр начал основывать разные школы и училища. В Москве была учреждена "математическая и навигацкая школа", в которой преподавателями были англичане; среди них был один русский преподаватель, неутомимый труженик Леонтий Магницкий, написавший первый учебник арифметики по-русски. Между прочим, Петр, любивший и ценивший Магницкого, велел ему писать свою фамилию не через "ц", а через "т" (не Магницкий, а — Магнитский), говоря, что он подобно магниту притягивает сердца молодежи. Из учеников математической и навигационной школы вышли первые русские моряки, инженеры и артиллеристы. Через 15 лет после учреждения этой школы, в Петербурге была основана Морская Академия. Во всех провинциальных городах России были открыты так называемые "цыфирные" школы, в которых детей обучали грамоте и арифметике. Кроме того, предписывалось всем архиереям открыть духовные школы при архиерейских домах. Одно время Петр предполагал соединить духовные и цифирные школы, но это не состоялось. Он хотел также преобразовать Славяно-греко-латинскую Академию так, чтобы в ней преподавались на ряду с духовными и светские науки, и чтобы из нее выходили не только духовные лица, но и архитекторы, инженеры и другие специалисты. Этот проект не был, да и не мог быть осуществлен. Вербовать учеников в школы было не так-то легко. Добровольно и охотно шли учиться только дети из духовного сословия; из других сословий: купеческого, посадского, приказного и, главное, — дровянского, часто приходилось набирать учеников насильно.

Как мы видим из всего сказанного, Петр заботился главным образом об **утилитарном** просвещении, т. е. он ценил образованность и науку постолько, поскольку они могли быть применимы к жизни и приносили бы материальную пользу. Чистая отвлеченная наука его не интересовала, ему нужны были научные специалисты, техники.

Большое внимание уделил Петр книгопечатанию. До этого огромное большинство книг, выходивших из печати, было духовного содержания. Книги эти были большею частью переводные. Неутомимый царь сам выбирал книги для переводов, назначал переводчиков, а иногда и сам исправлял переводы. Он требовал от переводчиков, чтобы они писали не "славянским высоким диалектом", а простым "обходительным", т. е. — разговорным языком. Это не всегда удавалось переводчикам, так как язык петровской эпохи отличался своей тяжеловесностью, множеством иностранных слов, употреблявшихся иногда без особой надобности. Часто в изданиях петровских времен мы встречаем слова, как например: виктория (победа), экзерциция (упражнение), дезесперация (отчаяние) и т. п.; рядом с этим встречаются чисто славянские слова, как: яко, зело, понеже, которые впоследствие вышли из употребления. Тяжел был и деловой официальный язык. Вот пример, взятый из Морского Устава Петра Великого, изданного в 1720 г.: "Генерал-адмирал или аншеф командующий есть репрезентация своего государя, которому должны быть все послушны во всех тех делах, которые к пользе государя и государства касаются, с достойным респектом его персоны. Ему подобает быть храбру и доброго кондуита (сиречь всякие годности), которого бы квалитеты (или качества) с добродеянием были связаны". Этот образец в достаточной мере передает тяжелый необработанный язык петровской эпохи, с примесью иностранных и славянских выражений.

По указанию Петра было переведено множество сочинений научных, юридических, исторических и много сочинений из античной мифологии. Так, например, были переведены: "О законах брани и мира" Гуго Гроция (юридическое сочинение); "Введение в историю европейских государств" и другие сочинения Пуффендорфа; "Феатрон, или позор исторический" Стратемана; "Исторія о разорении Трои"; "Овидиевы Метаморфозы"; "Библиотека о богах" афинского грамматика Аполлодора, — с предисловием сподвижника Петра, епископа Феофана Прокоповича, который во всем всегда старался поддержать царя и оправдывал все его поступки и распоряжения; в предисловии к "Библиотеке о богах" Прокопович говорит, что "и языческие писания, хотя и ложные и суеверные, боголюбивый христианин может употребить себе к созиданию".

Интерес к античной древности в эпоху Петра выразился также и в частых маскарадах, триумфальных шествиях, в ко-

торых фигурировали разные языческие божества, как Нептун, Марс, Бахус и другие; эти маскарады часто сопровождались грубыми выходками и иногда кощунственными насмешками над духовенством и религией. Таков был дух эпохи, созданный самим Петром.

Для того, чтобы обучить русских людей европейским манерам, по приказанию Петра было переведено с немецкого языка два сочинения: "Юности честное зерцало" и "Приклады, како комплименты пишутся". В первой книге сперва помещена азбука и молитвы; затем даются наставления юношам, как себя надо вести дома, в обществе, за столом, — причем даются самые элементарные наставления вежливости; например, говорится, что за столом "неприлично руками и ногами по столу везде колобродить, но смирно ести. А вилками и ножиком по тарелкам или по скатерти не чертить, не колоть и не стучать; но должно смирно и тихо, прямо, а не избоченясь сидеть".

Во втором сочинении: "Приклады, како комплименты пишутся", даются образцы того, как надо начинать и кончать письма в разных случаях жизни.

По приказанию Петра, с 1703 года стала выходить первая русская газета "Ведомости". При царе Алексее Михайловиче в посольском приказе составлялось что-то вроде газеты, "Куранты". Но это были листки, написанные от руки; выходили они в небольшом числе экземпляров — только для царя и его ближних бояр. "Ведомости" выходили в большом количестве (1000 экземпляров) и были доступны всем желающим. Эта газета состояла главным образом из кратких сообщенiй о внутренней жизни России и разных известий из за границы. Давались, например, сведения о школах, — сколько в какой школе учеников, сколько окончили курс науки и т. д.; сообщались распоряжения правительства; сообщались цены на продукты в разных городах России. Петр сам указывал и отмечал в иностранных газетах те сообщения, которые надо было поместить в "Ведомостях". Ему хотелось таким образом знакомить русских людей с жизнью в Европе.

Газета "Ведомости", а также и все книги, изданные при Петре, были напечатаны новым гражданским шрифтом, т. е. русскими буквами, в отличие от церковного славянского шрифта. Петр сам трудился над составлением этого гражданского шрифта.

Из всего сказанного видно, что направление, данное Петром Великим русской культуре и, в частности, — русской литературе, было, во-первых, — светское, в отличие от прежнего духовного, и, во-вторых, — утилитарное: следствием же петровской эпохи было то, что наши писатели стали подражать западно-европейской литературе.

39.

Стефан Яворский и Феофан Прокопович.

Из писателей петровской эпохи самые известные: Стефан Яворский, Феофан Прокопович, святой Дмитрий Ростовский, Посошков и Татищев. Первые два были сподвижниками Петра Великого, особенно — Феофан Прокопович.

Стефан Яворский (1658-1722) учился в Киевской Славяно-греко-латинской Академии и закончил свое образование в католической школе в Риме. Вернувшись в Киев, он сперва был преподавателем, а затем и профессором в Академии. Стефан Яворский славился своим красноречием; царь Петр обратил на него внимание, услыхав одну из его проповедей, выдвинул его, возвысил, а затем, в 1700 г., когда скончался патриарх Адриан, несочувственно относившийся к нововведениям Петра, царь назначил Стефана Яворского местоблюстителем патриаршего престола; впоследствии он же был первым председателем Синода. Но когда Петр увидал, что Стефан Яворский не всегда сочувствовал его действиям и иногда даже прямо высказывал свое несогласие и порицание, царь охладел к нему и приблизил к себе Феофана Прокоповича.

Стефан Яворский обладал большим и глубоким богословским образованием, но в светских науках не имел особых познаний; так, например, он недоверчиво относился к астрономической системе Коперника и даже просто не признавал ее.

Главный труд Стефана Яворского, "Камень веры", направлен против учения лютеран, которых он очень не любил; Стефан Яворский боялся сближения лютеран с русскими людьми, боялся их вредного влияния на православных и в своей книге раскрывал все неправильности лютеранского учения; он скорее сочувственно относился к католичеству, так, например, он склонялся к католическому учению о чистилище. Но, как мы знаем, у царя Петра было множество друзей лютеран среди иностранцев Немецкой слободы; боясь их обидеть, Петр не разрешил печатания книги Стефана Яворского; "Камень веры" был издан уже после смерти царя.

Стефан Яворский, как уже было сказано, был известен, как проповедник. Проповеди его построены по всем правилам схоластики, изобилуют сравнениями, аллегориями, игрой слов, примерами из мифологии и древних поэтов. Нам эти проповеди кажутся искусственными и тяжеловесными. Так, например, в одном "Слове" Стефан Яворский сравнивает церковь с аптекой, в которой больные душой могут получать врачевство; он приглашает придти в "аптеку, — пречестнейшую церковь Христову". — "Нужду имут", говорит он, "все немощствующие в скорби от врачев искати помощи; тогда врач, написавший рецепт, т. е. хартицу, на ней же изображает врачества составы, посы-

лает в аптеку, да по ней тамо уготовится лекарство". Дальше проповедник даже указывает состав лекарств, увлекаясь в сравнениях: желчь — всегдашнее воспоминание страстей Христовых, смирна — умерщвление плоти, мед — помышление о небе, и т. д.

В другом очень известном "Слове", сказанном по поводу взятия города Шлиссельбурга, Стефан Яворский пускается в довольно смелую игру слов. Имя города "Шлиссельбург" по-шведски значит: "ключ-город", по-русски же этот город прежде назывался Орешек. Кому же удалось завоевать этот Орешек? Царю Петру. Сравнивая Петра с Апостолом Петром, Стефан Яворский говорит: "зубов сей Орешек и прекрепких не боялся, зубы первее надобно было сокрушить, нежели Орешек, и невредим бы пребывал доселе, аще бы сицевую твердость твердейший не поразил камень. А камень не иный токмо, о нем глаголет Христос: Петре, ты еси камень. Ныне город сей нарицается Слиссельбург, т. е. Ключ-город, а кому же ключ сей достался? Петрови Христос обещался дати ключи. Зрите убо ныне, коль преславно исполняется обещание Христово". Нельзя не удивиться тому, что Стефан Яворский в проповеди, произнесенной с церковного амвона, решается сравнивать царя Петра с Апостолом Петром и проводить это сравнение и дальше.

Но не всегда Стефан Яворский восхвалял Петра Великого. Не одобряя некоторых действий царя, он высказывал это в своих проповедях откровенно и даже резко. Так, например, он осуждал Петра за суд над царевичем Алексеем; осуждал его развод с первой женой Евдокией Лопухиной, и заточение ее в монастырь. Приближенные Петра были возмущены этим "Словом" Стефана Яворского, считая, что он нанес оскорбление царской чести своим обличением; но, прочитав это "Слово", против места, относящегося к нему, Петр написал только: "перво одному, потом с свидетели", т. е. надо обличать сперва наедине, потом уже — публично. Так же не одобрил Яворский тяжелых обязательств рекрутской повинности и налогов, которыми Петр обременял народ. Сочувствуя тяжелому положению народа, Стефан Яворский в одной из своих проповедей сравнивает его с колесами, везущими колесницу: "како бо колесу бедному не скрипети, аще будет обременено тяжелым неудобоносимым бременем"?

Феофан Прокопович (1681-1736), так же, как и Стефан Яворский, получил образование сперва в Киевской славяно-греко-латинской Академии, а затем — в польских иезуитских школах, для чего даже временно принял унию. Это рисует Феофана Прокоповича с несимпатичной стороны, да и вообще в моральном отношении он стоит ниже Стефана Яворского. Но в области образования Прокопович — гораздо выше, он обладал большими познаниями и в богословских и светских науках, свободно владел несколькими иностранными язы-

ками. Вернувшись в Киев, он так же, как и Стефан Яворский, сперва преподавал в Академии, затем был ее ректором. Католики надеялись склонить Прокоповича на свою сторону, но он, познакомившись близко с католичеством в польских школах и вернувшись к православию, был всю жизнь крайне резко настроен против католичества, и, в противоположность Стефану Яворскому, скорее симпатизировал протестантам. Свои взгляды по этому поводу Феофан Прокопович выразил в "Семи латинских трактатах".

Получив сам схоластическое образование, Прокопович не одобрял приемы и методы польских схоластических школ, которые он называл "фабриками испорченного красноречия". Язык его проповедей гораздо проще и понятнее, чем у Стефана Яворского, но страдает другим недостатком, типичным для петровской эпохи, — множеством иностранных слов и выражений, как, например, — фортуна, перегринация, коммуникация, фортеция и т. д. Темы проповедей Феофана Прокоповича — большею частью светские, даже странно себе представить, что они были произнесены в церкви, с амвона. Вот, для примера, темы некоторых из его проповедей: о пользе флота, о власти и чести царской. Эта последняя проповедь была сказана в оправдание действий Петра по поводу суда над царевичем Алексеем. Феофан Прокопович был страстным сторонником и защитником реформ Петра Великого, который ценил его ум и способности, приблизил к себе и настоял на том, чтобы он был возведен в сан епископа (Псковского). Впоследствии, Прокопович был назначен одним из двух вице-президентов новоучрежденного Синода. Духовного в этом человеке было мало.

Феофан Прокопович пережил Петра и во время погребения царя в известном своем надгробном слове с искренним горем восклицал: "Что се есть? До чего мы дожили, о Россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем!"

Из произведений Феофана Прокоповича самые известные: "Духовный Регламент", трактат "Правда воли монаршей", несколько учебников (букварь, катехизис) и трагедо-комедия "Владимир".

Духовный Регламент написан по поручению царя Петра для того, чтобы объяснить причины отмены патриаршества и учреждения Синода, и определить новый порядок управления. Духовный Регламент разделяется на три части. В первой части говорится о причинах отмены патриаршества; главные причины, по мнению Феофана Прокоповича, — те, что 1) власть патриарха может превысить власть царскую и вступить с ней в борьбу; 2) патриарх может уподобиться папе; 3) несколько человек (Синод) лучше могут разбираться в делах Церкви, чем один патриарх. Разделяя мнение Петра, Прокопович считает необходимым подчинение Церкви государству; он

сочинил форму присяги для членов духовной коллегии, т. е. — Синода, в которой говорится: "Исповедаю же с клятвою крайнего судию духовныя сея коллегии быти самого всероссийского монарха, государя нашего всемилостивейшего". Во второй части Духовного Регламента говорится о разных суевериях и пережитках язычества, с которыми Синод обязан бороться. Таким образом мы узнаем о существовавших тогда суеверных обычаях: почитании 12-ти пятниц в году, молениях под дубом с раздачей священных ветвей этого дуба и т. п.

Дальше Прокопович говорит о необходимости образования для духовенства, так как главной причиной ересей и расколов он считает невежество и недостаток образования. Надо отметить, что в то время было распространено мнение, совершенно противоположное этой мысли: невежественные люди считали образование причиной расколов и ересей. Прокопович говорит, что архиереи должны устраивать при своих домах духовные школы. В Духовном Регламенте помещен устав Духовной Академии, которую предполагалось открыть в Петербурге. Интересно, что в духовную школу Прокопович считает необходимым ввести светские науки: изучение иностранных языков, занятие музыкой, изучение изящных искусств, а также — физическое развитие учеников: прогулки, гребля на лодках, постройка крепостей и т. д. В этом чувствуется дух петровской эпохи.

Трактат "Правда воли монаршей" написан в объяснение и оправдание закона Петра Великого о новом порядке престолонаследия.

Феофан Прокопович написал школьную драму, или, как он ее называл, трагедо-комедию "Владимир". Сюжет ее — крещение Руси. В одном из действий довольно искусно изображается душевная борьба князя Владимира перед принятием крещения. Комический элемент введен в пьесу в лице трех жрецов, жалующихся на то, что с распространением христианства они лишаются всех своих доходов. Имена этих жрецов: Жеривол, Курояд и Пияр, — комически намекают на их "доходы" и на способ прокормления от жертв, приносившихся языческим идолам.

40.

Св. Димитрий Ростовский.

Стефан Яворский и Феофан Прокопович в своих произведениях боролись с лютеранством и католичеством. Впоследствии, Ю. Ф. Самарин, написавший очень интересную книгу об этих двух писателях, выразил мнение, что главная польза, принесенная ими, состоит в том, что они познакомили русских людей с католичеством и протестантизмом, уяснив, в чем эти

религии отличаются от православия. Святитель Дмитрий Ростовский, замечательный писатель петровской эпохи, боролся в своих произведениях главным образом с расколом.

Святитель Дмитрий Ростовский, так же, как Стефан Яворский и Феофан Прокопович, получил образование в Киевской Славяно-греко-латинской Академии, но, кроме схоластических наук, подробно изучил творения святых Отцов восточной Церкви. Он обладал замечательным даром красноречия и прославился в Малороссии своими проповедями. Некоторое время он был игуменом одного монастыря. Затем был возведен в сан епископа и назначен митрополитом Сибирским. Но св. Димитрий был очень слабого здоровья и не мог перенести сурового климата Сибири. Поэтому он вскоре был назначен митрополитом в Ростов, где и оставался до конца своей жизни. Скончался он в 1709 году, прославившись святой жизнью, пастырской и святительской деятельностью и обогатив русскую литературу многими прекрасными сочинениями. Святитель Димитрий впоследствии был прославлен Церковью и причислен к лику святых. В стихире, посвященной ему в день его памяти, 21-го сентября, говорится: “отрочество твое на учение, юность на подвиги монашеские, мужеский же возраст на пользу всем освятил еси, юже ради тя ныне во святых почитаем”. Св. Димитрий Ростовский был замечательно талантливым писателем; все его произведения, в противоположность Феофану Прокоповичу, написаны на духовные темы и проникнуты глубоким религиозным духом.

Главное его произведение, написанное против раскола, — “Розыск о Брынской вере”. Раскольники в то время скрывались в Брынских лесах, вот почему св. Димитрий называет раскол Брынской верой. Написан “Розыск” простым общедоступным языком. Святой Димитрий говорит, что пишет свое произведение для простых людей и употребляет “просторечие”, чтобы все могли его понять. Автор подробно объясняет, что такое — раскольничья вера, в чем состоит учение раскольников, в чем они неправы. Раскольники называют свою веру “старой”; св. Димитрий возражает, что их вера — новая, так как возникла недавно, да еще разделилась на несколько толков. Раскольники восстают против исправления богослужебных книг, называя это новшеством; св. Димитрий объясняет, что исправление книг есть дело — не новое, а всегда существовало в православной Церкви; вселенские и поместные Соборы часто исправляли старые обычаи и утверждали новые: так, например, установлено было освящение воды в Крещенский сочельник, чего раньше не делали; установлено было читать символ веры ежедневно, тогда как прежде его читали только раз в год, в Великую Пятницу. Раскольники говорили, что отцы их молились и спасались по старым, неисправленным книгам. Св.

Димитрий возражает, что не книгами спасались отцы, а верой и добрыми делами.

Часто в своем сочинении св. Димитрий ссылается на протопопа Аввакума, самого известного раскольничьего писателя. Приводя его слова, св. Димитрий возражает ему и объясняет его заблуждения. "Святителю Димитрие", поется ему в другой стихире, "ученьми твоими Церковь украсил еси, истину православия уяснил еси, пагубное же раскольническое мудрование посрамил еси"...

В течение двадцати лет св. Димитрий Ростовский трудился над составлением житий святых на каждый день года ("Четьи-Минеи"). Этот огромный труд, состоящий из 12-ти книг, по числу месяцев, до сих пор является интересным и очень полезным чтением. Еще в XVI-м веке митрополит Макарий составил Четьи-Минеи, но они были написаны старинным, трудным для понимания языком и не были напечатаны. Макарьевские Четьи-Минеи существовали лишь в двух рукописных экземплярах. Св. Димитрий составил свои Четьи-Минеи по Макарьевскому сборнику, Киевскому Патерику, некоторым греческим и другим отдельным житиям.

Кроме этого, св. Димитрий написал "Библейский летописец", это — отдельные рассказы из Ветхого Завета с объяснениями и толкованием их символического значения.

Св. Димитрий Ростовский, как уже было сказано, обладал большим даром красноречия; когда он был еще молодым иеромонахом, он часто проповедовал в разных церквах в Малороссии, в которые его для этого приглашали. Проповедническую деятельность святого можно разделить на два периода. На всех проповедях, относящихся к первому периоду, еще лежит некоторый отпечаток схоластики, все же язык их проще и понятнее, чем у других проповедников-схоластиков; во втором периоде Святитель уже совсем освобождается от влияния схоластики, прекрасный и богатый язык его проповедей доступен простому народу даже тогда, когда он выражает самые глубокие мысли; построения, образы и сравнения — красивы и талантливы. Проповеди и поучения святителя Димитрия затрагивали всегда вопросы чисто духовные, религиозно-нравственные, моральные, — он никогда не говорил ни о политике, ни о государственных делах.

Как пример, возьмем две его проповеди: "Поучение на праздник Благовещения", из первого периода, и "Слово в неделю мироносиц", из второго периода его проповеднической деятельности. Праздник Благовещения в тот год, когда было произнесено поучение, приходился на 2-й день Пасхи. Св. Димитрий сравнивает эти два великие праздника, говоря, что первый, Благовещение, возвещая пришествие Спасителя на землю, полагает начало нашему спасению; второй, Пасха, — Воскресение Христово, завершает спасение человеческого рода.

Проповедник красиво сравнивает эти два праздника с двумя концами пояса, которым опоясывается Церковь — Невеста Христова. Метод схоластического построения, параллели и сравнения, употреблен просто и красиво.

"Слово в неделю мироносиц" относится к позднейшему периоду. Святитель грустно говорит о нравственном падении, о моральной испорченности современного ему общества. Мироносицы не нашли во гробе уже воскресшего Спасителя и искали Его. Где же теперь надо искать Его? Раскольники ищут Христа в лесах и пустынях, думая, что Его нет в миру; они ошибаются, так как Христос никогда не прятался. Трудно найти Христа и в храмах; там люди стоят без благоговения и без внимания, занятые пустыми мыслями и разговорами. Может быть Христос скрывается во внутренних храмах, т. е. — в душах людей? Но и там Его нет: души и сердца человеческие полны пороков и страстей.

В Ростове св. Димитрий основал духовную школу, ученики которой разыгрывали духовные драмы - мистерии, сочиненные самим святителем. Самая известная из них — "Рождественская драма", написанная простым, трогательным народным языком, хотя по построению своему это — типичная схоластическая школьная драма. В антипрологе изображается разговор между аллегорическими личностями: Натурой, Рассудком, Надеждой. Евангельские события разделены на 18 явлений. Начинается драма с того, что хор ангелов поет: "Христос рождается, славите" и "Слава в вышних Богу". Трогательны сцены с пастухами, Борисом, Авраамом и Афоней; после того, как ангелы возвестили им радостную весть, пастухи идут в Вифлеем искать новорожденного Младенца. Перед пещерой один из них говорит двум другим:

«Постойте же вы здеся, а я посмотрю пойду,
Есть ли в яслях Реченный, и снова к вам приду.
Есть, братцы, есть! И не спит, и матушка сидит,
Ангелы поют и стар Иосиф там сидит».

Потом, уже войдя в пещеру, пастухи так выражают свои чувства Спасителю:

«Здравствуй, Спасителю наш, ныне рожденный,
Самовольно в яслях смирен положенный!
И подушечки нету, одеяльца нету,
Чем бы Тебе согретися, нашему Свету.
На небе, як сказуют, у Тебя палат много,
А здесь, что в вертепишку лежишь убого,
В яслях, на остром сене, между буи скоты,
Нища Себе сотворив, всем даяй щедроты!»

В эпилоге актеры обращаются к зрителям, благодаря их за то, что они прослушали пьесу, просят их простить, если они чем-нибудь не угодили, и заканчивают тем, что поздравляют с Рождеством Христовым.

Театр при Петре. В петровскую эпоху, кроме таких духовных школьных драм, как "Рождественская драма" святого Димитрия Ростовского, стали появляться пьесы с чисто светским содержанием. В 1702 году царь Петр приказал на Красной площади в Москве выстроить первый общественный театр, "комедийный амбар", при котором была открыта театральная школа. Театр был открыт для всех сословий, входная плата была назначена от 3-х до 10-ти копеек. Кроме уже известных нам школьных драм и английских комедий-импровизаций, на сцене разыгрывались переводные пьесы, как например: "Сципио Африкан, вождь Римский и погубление Софонизбы, королевы Нумидийской", "Принц Пикель-Геринг, или самый свой тюрьмовой заключник", "Комедия о Дон-Педре и Дон-Яне" (Дон-Жуан), "Доктор принужденный" (Мольера) и другие. Общественный театр этот просуществовал недолго, меньше пяти лет, публики собиралось на представление немного: ни актеры, ни зрители не были достаточно подготовлены к театральным представлениям, да и язык переводных пьес был очень тяжел и мало понятен. Однако театр был переведен в село Преображенское и продолжал существовать при Потешном дворце; кроме того был открыт частный театр в Москве при военном госпитале, пьесы разыгрывались учениками хирургической школы.

41.

Посошков и Татищев.

Из светских писателей петровской эпохи самыми выдающимися были Посошков и Татищев.

Иван Тихонович Посошков был простой крестьянин подмосковного села Покровского; он не жил крестьянским трудом, а занимался разными торговыми и промышленными делами, знал насколько ремесел, одно время работал на монетном дворе. Посошков не получил правильного образования. Он был от природы необыкновенно умным и наблюдательным человеком, много читал, много разъезжал по России, и таким образом хорошо ознакомился с жизнью и бытом разных сословий, населявших Россию; он много размышлял над разными нравственными и практическими вопросами. Этот самоучка, "простец", как он сам себя называет, благодаря своему необыкновенному уму и здравому смыслу, оставил нам в своем сочинении "О скудости и богатстве", яркую и широкую картину русской жизни в петровскую эпоху. Касаясь темных сторон жизни, обличая "сильных персон", злоупотреблявших своей властью, Посошков боялся их гнева и мести. Поэтому, представив царю Петру свою книгу "О скудости и богатстве", он приложил прошение, в котором выразил желание, чтобы имя его осталось неизвестным "ненавист-

ливым и завистливым людям, особенно же ябедникам и обидчикам и любителям неправды; аще уведают о моей мизерности", писал он, "то не попустят меня на свете ни мало времени жить, но прекратят живот мой". При жизни царя Петра у Посошкова были сильные заступники в лице Феофана Прокоповича и Стефана Яворского, которые его лично знали. Возможно, что он также лично был известен самому царю, который не мог не оценить его сочинения. Но после смерти Петра опасения Посошкова сбылись, он был арестован и посажен в Петропавловскую крепость, где и умер в 1727 году. Несомненно Посошков пострадал и погиб именно через "сильных персон", которых он обличал в своей книге.

Посошков — личность замечательная и интересная. Это — человек переходной эпохи. Всей душой преданный заветам и традициям старой России, воспитанный в них, он в то же время сочувствует реформам Петра, мечтает о новых реформах: он думает, что указами и насильственным применением их, можно исправлять недостатки, искоренять зло.

Книга "О скудости и богатстве" — сочинение политико-экономическое и юридическое, но главный интерес ее в том, что, как уже было сказано, она знакомит нас с жизнью и бытом разных сословий петровской Руси. Книга разделяется на 9 глав: о духовенстве, о военных делах, о правосудии, о крестьянах, о купечестве, торговле и т. д.

В введении к своей книге Посошков высказывает основную мысль всего сочинения: благосостояние и богатство страны зависят от благосостояния и нравственности народной. "Без насаждения правды и без истребления обидчиков, и врагов, и разбойников, и всяких разных явных и тайных грабителей, никоими мерами народу всесовершенно обогатитися невозможно". Следовательно, прежде всего следует обратить внимание на жизнь народа, исправить недостатки, искоренить зло, насадить правду.

В главе "о духовенстве" Посошков говорит о том, что к сожалению духовенство, особенно в деревнях, недостаточно образовано и потому не может бороться не только с влиянием католичества и протестантизма, но даже и с "глупым" расколом. Надо было бы завести для подготовки духовенства "академию великую, всех наук исполненную". Посошков жалеет русское духовенство и видит причину его недостаточного образования в том, что оно материально необеспечено. Сельский священник принужден пахать землю, работать, как простой крестьянин, для того, чтобы прокормить свою семью; у него не остается ни времени, ни сил для чтения, обучения детей грамоте, для занятий духовных. Поэтому необходимо обеспечить материальное существование духовенства.

Самую обширную главу Посошков посвещает "Правосудию". Он справедливо желает, чтобы суд был для всех "близ-

кий, прямой и правый", чтобы невозможно было сильным и богатым людям притеснять и обижать бедных и слабых. Надо искоренить "застарелую неправду". Для этого надо создать новые законы, так как "Уложение" царя Алексея Михайловича уже устарело. Неужели, спрашивает Посошков, невозможно на Руси добиться правды в судах, уничтожить взятничество, "побороть судебную волокиту", т. е. ускорить ведение судебных дел? "Не только у иностранцев христиан, но и у басурман есть справедливый суд", говорит он, "а у нас вера святая, благочестивая и на весь свет славная, а судная расправа — никуда не годная". Посошков советует к составлению новых законов привлечь выбранных представителей всех сословий со всех концов России, создать, как он говорит, "народосоветие".

Важная глава сочинения "О скудости и богатстве" посвящена крестьянам. Интересно отметить, что, будучи сам крестьянином, Посошков судит о тяжелом положении крестьян очень объективно. Он считает, что первая причина бедности крестьян, это — их собственная лень, и даже вменяет в обязанность помещикам наказывать крестьянина, если он "станет лежебочить". Вторая причина крестьянской бедности — недостаток просвещения. Часто "в деревне дворов двадцать и тридцать, а грамотного человека — ни единого"; поэтому, всякому грамотному, являющемуся в деревню с указом или без указа, — верят, и многие плуты, пользуясь неграмотностью крестьян, обижают и обирают их. По мнению Посошкова надо обязать крестьян отдавать своих детей для обучения грамоте сельскому дьячку.

Посошков не считает нужным освободить крестьян от крепостной зависимости, потому что он считает, что помещики только временно ими владеют, — "прямый их Владетель Всероссийский Самодержец", царь, которому и помещики обязаны служить. Но правительство должно оградить крестьян от "дворян бесчеловечных", налагающих на своих крестьян "бремена неудобь носимые". Помещики, разоряя крестьян, разоряют царство, "понеже крестьянское богатство — богатство царственное".

Другое интересное сочинение Посошкова, это — "Завещание отеческое", написанное в виде наставления к сыну. Это сочинение носит характер исключительно религиозно-нравственный, оно напоминает "Поучение Владимира Мономаха" и "Домострой". В вопросах религиозных и семейных Посошков крепко держится традиций и преданий русской старины. Но, сравнивая "Домострой" с "Завещанием отеческим", видно, насколько смягчились нравы со времени XVI-го века, когда был написан "Домострой". Так, например, в "Завещании отеческом" Посошков советует сыну смотреть на жену, как на подругу и советницу мужа, а не как на рабу, — "понеже она (жена) от Самого Бога дана тебе не ради порабощения или

токмо послужения, но ради самыя помощи". — "Без совета, наипаче без жениного, ничего не твори".

Так же, как и в "Домострое", Посошков советует воспитывать детей в строгости, в страхе, чтобы они и взгляда родительского боялись. Но, вместе с тем, Посошков считает необходимым давать детям образование, обучать их не только славянской грамоте, счету и арифметике, но и языкам: латинскому, греческому, польскому, немецкому, французскому и обучать их какому-нибудь художеству, например — рисованию. Юноши, выучившись грамоте, могут читать книги не только духовные, но и светские, но надо бережно относиться к выбору чтения и отнюдь не читать еретических "душевредных" книг. Больше всего Посошков боится "душевредного" влияния лютеран и в этом напоминает Стефана Яворского. Строго осуждает он новомодные развлечения, появившиеся в России под влиянием иностранцев: танцы и карты. "Ныне", говорит он, "мнози из русского народа, научившиеся от иноземцев, от правыс своея веры в лютеранское зловерие начинают склонятися и от Мартина Лютера установленные слабые и роскошные и весьма развращенные законы начинают приимати". Осуждает Посошков, что лютеране в церкви, во время богослужения сидят, — а "на вечеринках в богомерзких танцах тако себя удручают, что едва с душой собираются, и тако удручившися спят даже до обеда".

Взгляд Посошкова на жизнь, на обязанности человека к Богу и к людям — глубоко религиозный. Жизнь надо строить по Евангелию, избегая "высокоумия", стараясь соблюдать "смиренномудрие". — "Вся елико хощете да творят вам человецы, и вы творите им такожде" (Луки VI, 31).

Другой выдающийся писатель-историк петровской эпохи — Василий Никитич Татищев. В противоположность Посошкову он получил прекрасное по тому времени образование. Он происходил из родовитой боярской семьи. Учился сперва в Москве в инженерном и артиллерийском училище, закончил свое образование в Германии. Служа в артиллерии, Татищев во время Северной войны принимал участие во взятии Нарвы и в Полтавской битве. После окончания войны он управлял горными заводами в Оренбургском крае и ездил в Швецию для изучения там горного дела. Позднее он был назначен губернатором в Астрахань. Последние годы своей жизни проводил в своем подмосковном имении.

Несмотря на служебную деятельность, Татищев всегда находил время для занятий литературных и исторических. Главный и самый большой труд его жизни — "История Российская" в пяти томах. Татищев много поработал над составлением Истории, которую он довел до царствования Феодора Иоанновича. Он ездил по разным древним русским монастырям, разыскивая еще неизвестные летописи, изучая и

проверяя древние исторические документы. Таким образом Татищев собрал одиннадцать летописных сводов; это и составляет главный интерес и ценность его труда, так как многие из этих летописей не дошли до нас в оригинале и известны только по его Истории. Татищев считает древнейшей летописью не "Повесть временных лет", приписываемую Нестору, а новгородскую летопись архиепископа Иоакима, которую он и поместил в I-м томе своей "Истории". Рукопись этой летописи теперь утрачена.

В своей "Истории" Татищев дает много интересных археологических, географических и этнографических сведений, в примечаниях к "Истории" он высказывает свои мнения и размышления, — философские, исторические и политические.

Политические взгляды Татищева, которые он высказывает главным образом в другом произведении, — "Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ", — очень оригинальны. Он не имеет чисто принципиального взгляда на образ государственного управления, считая, что в каждом государстве образ правления зависит от географических и политических условий данной страны; так, например, в России, государстве обширном, с открытыми границами и многочисленным и разноплеменным населением, необходима неограниченная монархия. В Англии, которая окружена морями, не имеет поэтому непосредственных соседей, и в которой народ достаточно просвещен, возможна ограниченная монархия ("аристократия довольно способною быть может"). В маленьких государствах, как Швейцария, и в отдельных городах — "демократия удобно может пользу и спокойность сохранить (республика)".

В "Разговоре двух приятелей" Татищев опровергает мнение невежественных людей, считающих, что науки ведут к ересям и расколам; горячо защищая науку, он говорит о ее необходимости и пользе.

Так же, как и Посошков, Татищев составил для своего сына "Духовную", в которой он высказывает свои взгляды на жизнь, образование и воспитание детей, на государственную и общественную службу. Татищев — человек глубоко верующий, и все его мировоззрение основано на религии. — "Главнейшее, пишет он сыну, есть вера, в которой ты хотя часто разговорами посторонне от меня наставливан, но надлежит от самой юности даже до старости в законе Божии поучаться день и нощь, и ревностно о том прилежать, дабы познать волю Творца своего, зане оное просветит ум твой, наставит тя на путь правый".

Татищев советует сыну прежде всего читать творения святых Отцов, Иоанна Златоуста, Василия Великого и других. Но взгляды его — шире Посошкова: опасаясь иноверного влияния, особенно католического, он советует сыну основательно познакомиться с иноверными учениями — лютеран, кальвини-

стов и католиков, чтобы знать, как говорить с иноверцами, опираясь на учение нашей православной Церкви.

Татищев советует сыну читать не только духовные, но и светские книги, рекомендует ему "Юности честное зерцало", советует изучать "хотя малую часть инженерства", русскую историю, географию, языки и другие светские науки.

Татищев считает, что дворянин обязан свою жизнь посвятить службе государю и государству, в этом он вполне воспринял дух петровской эпохи. По его мнению, дворянин должен служить от 18-ти до 25-ти лет на военной службе; от 25-ти до 50-ти лет на гражданской. Ни от какой службы никогда не отказываться, быть верным государю, заботиться об общей пользе; во все всегда вникать самому, не доверяясь секретарям и подьячим; всякого просителя самому терпеливо и внимательно выслушивать; Татищев ставит себя в пример сыну и говорит, что "ни от кого у меня никогда, хотя бы на постели лежал, двери не затворялись". Говоря о семейной жизни, Татищев советует жениться не раньше 30-ти лет, на жену смотреть, как на подругу и помощницу, но не быть под властью жены. Только 50-ти лет, по его мнению, можно покинуть государственную службу, поселиться у себя в деревне и тогда посвятить себя своим крестьянам, заботиться о их религиозно-нравственном воспитании и образовании, для чего, первым делом, постараться иметь в деревне образованного священника. В деревнях надо строить бани, богадельни, больницы; с крестьянами следует быть всегда справедливым.

В произведениях Татищева перед нами встает симпатичный образ самого автора; это — человек новой эпохи, с широким кругозором, нисколько при этом не оторвавшийся от взглядов и традиций русской старины.

42.

Кантемир.

Князь Антиох Кантемир (1709-1744) был сыном молдавского господаря Димитрия Кантемира. После неудачного Прутского похода Петра Великого, Димитрий Кантемир, бывший в тайных сношениях с русским царем, перешел на его сторону и переселился со всей своей семьей в Россию.

Антиох был крестником Петра Великого. Ему было всего два года, когда он попал в Россию, где получил воспитание и образование. Антиох Кантемир был умный, способный и одаренный человек; он сделался одним из известных писателей своего времени. Образование он получил прекрасное. Отец его был сам очень культурным человеком и заботился о воспитании и образовании своих детей с ранних лет. Занимаясь дома с

прекрасными учителями, Антиох изучил несколько иностранных языков; он основательно знал латынь, греческий, итальянский, французский и английский языки. За год до смерти царя Петра, Антиох просил у него разрешения поехать за границу для окончания своего образования, но Петр ему в этом отказал, желая, чтобы Антиох учился в Академии Наук, которая должна была быть открыта в Петербурге. Кантемир исполнил желание царя и занимался с профессорами немцами, преподававшими в Академии. Он изучал классическую литературу, физику, математику и философию, которой особенно увлекался. По окончании своего образования Кантемир определился на службу в гвардию. После смерти отца он должен был жить на ограниченное офицерское жалование, т. к. как раз в это время верховный тайный совет*), захвативший власть в свои руки, провел закон о майорате, и все богатое наследство отца досталось старшему брату Антиоха, женатому на дочери одного из верховников. Антиох считал себя лично обиженным верховниками; кроме того, будучи в душе страстным поклонником Петра и его реформ, он считал неправильным ограничение власти монарха и был против того реакционного настроения и стремления возврата к старине, которые господствовали в партии, окружавшей молодого царя Петра II-го. Поэтому, когда верховники, приглашая Анну Иоанновну вступить на русский престол (1730 г.), заставили ее подписать "кондиции", ограничивавшие ее власть, Кантемир присоединился к партии дворян, протестовавших против "кондиций". Вместе с историком Татищевым, Кантемир сочинил знаменитую петицию дворянства, благодаря которой Анна Иоанновна уничтожила уже подписанные ею кондиции и вступила на престол самодержавной монархиней. Это выступление обратило внимание Государыни на Кантемира. Уже в 1732 году он был назначен министром-резидентом в Лондон. Ему было всего 23 года, но он сумел себя поставить и пользовался большим уважением в Англии. Затем он был назначен посланником в Париж и блестяще выполнял свои дипломатические обязанности.

Свою первую сатиру, "К уму своему", Кантемир написал еще в России, в 1729 году. Его литературные вкусы определились рано. В Париже, несмотря на множество дел по службе, Кантемир продолжал заниматься литературой. Он был знаком и даже дружен с некоторыми французскими писателями, например, с Монтескье. Писал сатиры, занимался переводами Горация, перевел "О множестве миров" Фонтенеля и "Персидские письма" Монтескье.

Кантемир был слабого здоровья. Во Франции он заболел

---

*) Верховный тайный совет был образован в 1726-м году при Екатерине I-й и уничтожен в 1730-м году Анной Иоанновной.

чахоткой и умер в 1744 году, всего 35-ти лет. Похоронен он в Париже.

Кантемир написал девять сатир. Самые лучшие из них — две первые: "К уму своему" и "На зависть и гордость дворян злосчастных". В сатирической форме Кантемир обличает недостатки и пороки современного ему общества. Многое он заимствует у иностранных писателей, но в изображении типов русских людей он вполне оригинален. "Я в сочинениях своих", говорит Кантемир в предисловии к сатирам, "наипаче Горацию и Буало, французу, последовал, от которых много занял, к нашим обычаям присвоив". Первая и лучшая сатира Кантемира — "На хулящих учение, или к уму своему". Самая мысль обращения к своему уму взята у Буало ("A mon esprit"), но изображение разных типов русских людей, восстававших на науку и "хулящих учение" — вполне оригинально.

Обращаясь к своему уму, называя его "недозрелым плодом недолгой науки", Кантемир иронически говорит ему, что напрасны все труды его: не стоит мучить себя, "понуждать руки к перу", когда так легко и без учения славу добыть. Труднее же всего слава достается тем, кто идет трудным путем, проложенным музами ("девять босых сестер"), т. е. путем искусства.

«Уме недозрелый, плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки.
Не писав, летящи дни века проводити
Можно и славу достать, хоть творцом не слыти.
Ведут к ней нетрудные в наш век пути многи,
На которых смелые не запнутся ноги:
Всех неприятнее тот, что босы проклали
Девять сестер. Многи на нем силу потеряли,
Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
И в тех трудах всяк тебя, как мору чужится,
Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцвечена марморами саду;
Овцы не прибавит он к отцовскому стаду».

Дальше Кантемир вкладывает речь в уста разных типов невежд, критикующих и бранящих учение. Первый, ханжа Критон, который "с четками в руках ворчит и вздыхает", утверждая, что расколы и ереси происходят от наук и ученья, "больше врет" тот, "кому далось больше разумети". С горькими слезами "святая душа", как иронически называет его Кантемир, жалуется на то, что дети (молодежь), которые прежде, ходя в церковь, со страхом слушали службу, ничего не понимая, теперь, к общему соблазну, сами стали читать Библию.

Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
Мало веры подая священному чину,

Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
Не прибьешь их палкою к соленому мясу».

Другой тип невежды, помещик Сильван, жалуется на науки с другой точки зрения:

«Сильван другую вину наукам находит.
Учение, говорит, нам голод наводит;
Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем живем мы ныне,
Гораздо в невежестве больше хлеба жали:
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли».

Дворянину не стоит беспокоиться о том, что он не умеет связно и красиво выражаться: это — дело "подлых", т. е. людей не дворянского рода, сословия писцов и подьячих. С ума сошел тот, кто ломает голову над научными вопросами. Прибавится ли от этого

«........ день к жизни иль в ящик
Хоть грош?»

спрашивает Сильван,

«........ Могу ль я через то узнать, что прикащик
Что дворецкий крадет в год? Как прибавить воду
В мой пруд? Как бочек число с винного заводу?»

Сильван смеется над медициной и докторами, говорит, что когда у человека болит голова или другое что, они "ищут причину" болезни в руке, т. е. берут больного за руку, щупая пульс; по мнению Сильвана они употребляют этот и другие подобные приемы только для того, чтобы переводить деньги из кармана больного в свой собственный.

Третий невежда, веселый, румяный гуляка Лука, жалуется, что: "наука содружество людей разрушает". Люди созданы Богом для общения друг с другом, они не должны заменять общества людей "мертвыми друзьями", т. е. — книгами, чернилом и пером.

«Что же пользы иному, когда я запрусь
В чулан, для мертвых друзей живущих лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будет чернило, перо, песок да бумага?
В весельи, в пирах мы жизнь должны провождати;
И так она не долга: на что коротати,
Крушиться над книгою и повреждать очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?»

Четвертый невежда — тип модного щеголя, пети-мэтра, только что появившегося в молодом поколении петровской эпохи. Молодые люди, которые по желанию Петра ездили за границу, чтобы получить там образование, не все бывали способны воспринять иностранную культуру. Некоторые, менее умные, возвращались в Россию, получив за границей только внешний западный лоск, переняв модные одежды, прически, поклоны, танцы; эти, так называемые, пети-мэтры (petits-maîtres)

хвастались своими иностранными костюмами и манерами, разговор свой пересыпали иностранными словечками и презирали одновременно и свою родину с ее обычаями, и тех передовых людей молодого поколения, которые увлекались науками и искусством. В сатире Кантемира щеголь Медор — представитель этого типа. Он жалуется на то, что слишком много бумаги уходит на печатание книг: скоро ему не во что будет завертывать свои завитые кудри. Медор предпочитает "фунт доброй пудры" — Сенеке, римскому философу и писателю; модного портного Рекса и сапожника Егора он ставит куда выше Цицерона и Виргилия.

Изобразив этих четырех невежд: ханжу, скупца, гуляку и щеголя, Кантемир обращается снова к уму своему, спрашивая его, стоит ли огорчаться словами этих глупцов? Да как же не огорчаться, отвечает он сам себе, когда в настоящее время эти глупцы заправляют и умными людьми; у науки слишком много стало врагов! Кантемир изображает еще два типа — невежественного епископа и судью-взяточника. Сатира его становится более резкой и озлобленной. Он рисует образ невежественного епископа, который, вместо того, чтобы заниматься наукой, вместо того, чтобы сочинять проповеди или просвещать свою паству, думает только о том, как бы увеличить церковные доходы.

Для того, чтобы быть судьей, иронически говорит Кантемир, достаточно надеть судейский парик и бранить тех просителей, которые приходят с пустыми руками, т. е. — без взяток. Знать законы и рыться в деловых бумагах ("бумажных горах") — дело подьячих; дело судьи — только подписывать ("крепить") приговоры.

«Хочешь ли судьею стать, вздень перук с узлами,
Брани того, кто просит с пустыми руками,
Твердо сердце бедных пусть слезы презирает,
Спи на стуле, когда дьяк выписку читает.
Есть ли ж вспомнит тебе граждански уставы,
Иль естественный закон, иль народны нравы:
Плюнь ему в рожу, скажи, что врет околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну».

Мрачную картину нарисовал Кантемир! Чувствуется, как сердце этого молодого юноши (ему было всего 20 лет, когда он написал "К уму своему") кипит негодованием при виде всего этого невежества, грубости и презрения к наукам. Горькими словами заканчивает он свою сатиру, описывая положение науки в России:

«Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита;
Знаться с нею не хотят, бегут ее дружбы,
Как в море страдавшие — корабельной службы».

Вторая сатира Кантемира называется "На зависть и гор-

дость дворян злосчастных". В то время среди дворян многие были недовольны табелью о рангах Петра Великого, т. е. совершенно новым порядком служебным: назначения и повышения по службе получали люди в зависимости от своих способностей и заслуг, а не по знатности происхождения, как это было прежде. Дворян, недовольных новыми порядками Петра, Кантемир изобразил в лице Евгения (по-гречески это имя значит — благородный); ему возражает Филарет (добродетельный). Вся сатира построена в форме разговора. Евгений возмущается: люди самого низкого происхождения достигают высоких чинов, какой-нибудь торговец, недавно продававший "в рядах мешок соли" — "на высоку степень вспрыгнувши блистает, а благородство мое во мне унывает". Филарет возмущается в свою очередь и спрашивает у Евгения, чем он заслужил свое благородство?

«Разнится потомком быть предков благородных,
Или благородным быть. Та же и в свободных
И в холопах течет кровь, та же плоть,
Те же кости...».

Что ты сделал, спрашивает Филарет у Евгения, чтобы быть действительно благородным?

«Презрев покой, снес ли ты сам труды военны?
Разогнал ли пред собой враги устрашенны?
. . . .
Облегчил ли тяжкие подати народу?
Приложил ли к царскому что ни есть доходу?»

Дальше Филарет с негодованием рисует образ жизни Евгения, который, когда солнце уже давно взошло, лежит "утопая и телом и душой в пуховиках", зевает, нежится, ожидая, когда ему принесут в постель кофе или чай ("пойло, что шлет Индия, или везут с Китая"). Надо помнить, что Кантемир сам принадлежал по рождению к аристократии, но, лишенный наследства, собственными трудами и талантами достиг высокого положения. Он принадлежал к числу самых передовых людей своей эпохи и был искренним и пламенным поклонником петровских реформ. Феофан Прокопович, верный сподвижник Петра, прочитав первую сатиру "На хулящих учение", написал Кантемиру приветственные вирши.

Кантемир написал всего 9 сатир, но две первые из них — самые удачные. Кроме того, он писал еще песни, начал поэму "Петрида", посвященную Петру Великому. Писал он и прозой. На всех его произведениях лежит отпечаток его симпатичной личности. Кантемир был верующим человеком: свои религиозные воззрения он выразил в "Письме о природе человека". Умный и горячий от природы, он не терпел невежества, лени, грубости и несправедливости. В одной из своих сатир он изображает идеал жизни, "истинное блаженство": удалиться от суетной жизни в деревню, иметь свой дом, библиотеку, в ти-

шине заниматься чтением классических авторов и самообразованием. До этого идеала ему не пришлось дожить.

Сатиры Кантемира написаны силлабическим стихосложением, основанным на одинаковом количестве слогов в каждой строчке (13 слогов). Силлабическое стихосложение не свойственно русскому языку и потому язык Кантемира нам кажется очень тяжелым и неуклюжим. Он сам чувствовал это и, стараясь исправить свой слог, ввел в середину строчки разделение, "цезуру"; до цезуры — 7, после — 6 слогов. Но это мало исправило тяжелый слог. Ценить сатиры Кантемира надо не по внешней форме, а по содержанию и по выраженным в них мыслям.

43.

Тоническое стихосложение. В. К. Тредьяковский.

Василий Кириллович Тредьяковский (1703-1769) был из духовного сословия. Родился он в Астрахани и начал свое образование, занимаясь у живших там католических миссионеров. Затем он был отправлен в московскую Славяно-греко-латинскую Академию. Со слов Пушкина, который интересовался трудами и личностью Тредьяковского, мы знаем, что однажды Петр Великий посетил московскую Академию; 12-летний Тредьяковский был ему представлен; всмотревшись в мальчика, Петр, с какой-то удивительной проницательностью, назвал его "вечным тружеником". Таковым Тредьяковский и был в своей жизни. Из-за какой-то провинности ему пришлось бежать из Академии. Проявив большую предприимчивость, он отправился за границу с единственной целью — учиться; "шедши пеш", достиг Парижа и, по протекции русского посланника, поступил в Сорбонну, где и закончил свое образование. Латынь он изучил еще в России; французский язык знал в совершенстве. Тредьяковский был человеком образованным, способным, бесконечно трудолюбивым, но, как поэт, был совершенно бездарен и, к сожалению, этого не сознавал.

Вернувшись в Россию, в Петербург, он сделался переводчиком при Академии Наук, а позднее стал ее членом и преподавателем русской и латинской "элоквенции", по назначению императрицы Елизаветы Петровны и по представлению Сената. Такая высокая протекция понадобилась Тредьяковскому в виду того, что в то время в Академии Наук преподавателями были исключительно иностранцы, большею частью — немцы, не желавшие допускать в Академию русских ученых. Еще большую борьбу с немцами академиками пришлось выдержать знаменитому нашему ученому и поэту Ломоносову, когда он через несколько лет после Тредьяковского добился кафедры в Академии. Но Ломоносов и Тредьяковский, единственные русские ученые среди иностранных профессоров, между собой

не ладили. Ломоносов смеялся над тяжелым языком и неуклюжими стихами Тредьяковского и преследовал его злыми эпиграммами.

«Языка нашего небесна красота
Не буди никогда попрана от скота»,

написал один раз Ломоносов Тредьяковскому, который также зло и даже грубо ответил:

«Когда по-твоему сова и скот уж я,
То сам ты нетопырь и подлинно свинья».

Так перебранивались между собой ученые академики*).

Кроме должности преподавателя Академии, Тредьяковский исполнял тяжелую обязанность придворного "пиита". Положение его при дворе было жалкое, никто его не уважал и часто над ним смеялись. Ему заказывали стихи к разным торжественным дням и бывали случаи, когда за его бездарность, или за то, что стихи не были готовы во-время, кабинет-министр Волынский палкой бил бедного "пиита".

Но не все труды Тредьяковского были бездарны. Он очень много перевел на русский язык: "L'art poétique" Буало, "De arte poetica" Горация, несколько басен Эзопа, Древнюю и Римскую Историю Роллена (26 томов) и другие произведения. Тредьяковский очень много трудился и сыграл большую роль в истории русской литературы тем, что утвердил в ней надолго ложно-классическое направление. В то время во всей западной Европе господствовало ложно-классическое направление, названное так в отличие от французского "классического". Ложно-классическое направление состояло в подражании французским классикам — Корнелю, Расину, Мольеру, — которые в свою очередь следовали образцам античной греческой литературы. Закончив свое образование в Сорбонне, Тредьяковский проникся глубоким уважением к французским классикам и считал, что все литературные произведения должны быть построены по образцу их сочинений. Он написал несколько трудов по теории словесности: "Предызъяснение к героической поэме", "Рассуждение о комедии вообще", "Рассуждение об оде вообще", — в которых он излагает точные правила, по которым должны быть написаны подобные произведения.

Тредьяковский занимался вопросами грамматическими; он написал рассуждение о "российской орфографии старинной и новой". Пушкин находил, что в этом сочинении много здравых мыслей.

Наблюдая и изучая русские народные песни, Тредьяковский пришел к заключению, что русской поэзии свойственно **тоническое** стихосложение, основанное на чередовании ударений, а не на одинаковом количестве слогов в каждой

*) Этот анекдот не вполне достоверен. Некоторые думают, что эта перебранка в стихах произошла между Сумароковым и Тредьяковским.

строчке, как в силлабическом, которым были написаны схоластические вирши, которое употреблял еще Кантемир. Тредьяковский излагает свои мысли по этому поводу в сочинении "Способ к сложению Российских стихов". Ему первому принадлежит заслуга применения тонического стихосложения, которое после него употребляли все наши поэты. Но доказать на деле свои рассуждения Тредьяковский не сумел; его стихи, написанные тоническим стихосложением, до того тяжеловесны, что вызывали только насмешку. Поэтому утверждение тонического стихосложения в русской литературе приписывают талантливому поэту Ломоносову.

Вот, для примера, некоторые стихи Тредьяковского: — песнь к торжественному празднованию коронации Анны Иоанновны:

«Да здравствует Императрикс Анна,
На престоле сердша увенчанна,
Краснейше солнца и звезд сияюща ныне!
Да здравствует на многа лета,
Порфирою златой одета!
В императорском чине!»

Или вот еще стихотворение, которое Тредьяковский посвятил своей жене:

«Ну же, муза, ну же, ну!
Натяни свою струну!
Возьми арфу,
Воспой Марфу,
Тредьяковского жену».

Самое большое произведение Тредьяковского — поэма "Тилемахида"; это — переделка в стихотворной форме романа Фенелона "Les aventures de Télémaque". Написана Тилемахида гекзаметром, но очень тяжелым и неудобопонятным. Говорят, что Екатерина II-я в собраниях близких ей людей в Эрмитаже установила шуточное наказание за нарушение этикета этих собраний: выучить 10 стихов из Тилемахиды. Впрочем, нельзя не отметить, что Пушкин с уважением относился к "Тилемахиде" и особенно любил некоторые места этой поэмы.

Тоническое стихотворение, как уже было сказано выше, основано на чередовании слогов с ударением и слогов без ударения. Стих делится на стопы. Стопой называется слог с ударением, с прилегающим к нему одним или двумя слогами без ударения. Поэтому стопа может быть двухсложной или трехсложной.

Двухсложная стопа с ударением на первом слоге называется "хореем". Будем изображать слог с ударением: "о", а слог без ударения: "—".

Хорей:	о —	о —	о —	о —
Пример:	Спи мла-	де-нец	мой пре-	красный

Двухсложная стопа с ударением на втором слоге называется ямбом.

Ямб:	— о	— о	— о	— о
Пример:	Ска-жи-	ка дя-	дя ведь	не даром

Трехсложная стопа с ударением на первом слоге называется дактилем.

Дактиль:	о — —	о — —	о — —	о ——
Пример:	Тучки не-	бес-ны-е	веч-ны-е	стран-ни-ки

Трехсложная стопа с ударением на втором слоге называется амфибрахием.

Амфибрахий:	— о —	— о —	— о —	— о
Пример:	Как ны-не	сби-ра-ет-	ся вещий	Олег

Трехсложная стопа с ударением на третьем слоге называется анапестом.

Пример:	Что ты спишь	му-жи-чек	ведь вес-на	на дво-ре
Анапест:	— — о	— — о	— — о	— — о

44.

ЛОМОНОСОВ

Биография.

Михаил Васильевич Ломоносов (1711-1765) был одним из самых замечательных русских людей; он был одновременно талантливым поэтом и выдающимся ученым, обладавшим обширными и разнообразными научными познаниями и оставившим многочисленные литературные и научные труды; впоследствии Пушкин назвал его “нашим первым университетом”.

Ломоносов родился в 1711 году в селе Денисовке Архангельской губернии, недалеко от города Холмогоры. Он был сыном простого крестьянина-рыбака, вместе с отцом ездил на рыбную ловлю, знал берега Ледовитого океана, плавал по Белому морю, ездил на Соловецкие острова. Суровая природа и дикая красота севера глубоко запечатлелись в его душе; особенно любил он фантастические по красоте северные сияния. Суровые условия жизни рыбаков-поморов, тяжелая и трудная борьба за существование, борьба с природой несомненно выработали в душе Ломоносова настойчивость, работоспособность и силу воли.

Мать его умерла, когда он еще был совсем маленьким. Отец женился во второй раз; мачеха не любила своего пасынка и детство Ломоносова было нелегкое. У одного крестьянина выучился он читать и писать; с раннего возраста в нем проявилось какое-то страстное влечение к науке. Но где и чему учиться в бедной рыбачьей деревне? Ломоносов нашел где-то в сарае три книжки, вероятно завезенные в Денисовку купцами, приезжавшими за рыбой; это были — арифметика Магнитского, грамматика Смотрицкого и переложенная на стихи (вирши) Псалтирь Симеона Полоцкого. Ломоносов читал и перечитывал эти книги, знал их почти наизусть и впоследствии называл их "вратами своей учености". Но мачехе не нравились книжные занятия пасынка, она и отца старалась настроить против сына. Когда Ломоносову минуло 16 лет, отец решил его женить; это окончательно лишило бы его возможности учиться и заставило бы работать для прокормления семьи. Тогда Ломоносов решил бежать из дому. Имея в кармане всего 3 рубля денег, он пристал к обозу с рыбой и пустился в путь. По дороге, истратив все деньги, он некоторое время прожил в одном монастыре, исполняя должность псаломщика. Затем пустился в дальнейший путь и наконец добрался до Москвы. Там ему удалось поступить в Славяно-греко-латинскую Академию. Надо было иметь большую выдержку, силу воли и желание учиться, чтобы преодолеть все трудности школьной жизни. Об этом Ломоносов впоследствии сам рассказывал в одном из своих писем к И. И. Шувалову. — "Обучаясь в Спасских школах (Славяно-греко-латинская Академия)", писал он, "имел я со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели. С одной стороны отец, никогда детей кроме меня не имея, говорил, что я, будучи один, его оставил, оставил все довольство, которое он для меня кровавым потом нажил и которое после его смерти чужие расхитят. С другой стороны, несказанная бедность: имея один алтын (3 копейки) в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше, как на денежку хлеба и на денежку квасу, прочее — на бумагу, на обувь и на другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил. С одной стороны пишут, что, зная моего отца достатки, хорошие тамошние люди дочерей своих за меня выдадут, которых и в мою там бытность предлагали; с другой стороны школьники, малые ребята, кричат и перстами указывают: смотри-де, какой болван лет в двадцать пришел латыни учиться".

Преодолев все эти трудности, Ломоносов окончил курс Славяно-греко-латинской Академии и был послан в числе 12-ти лучших учеников в Петербург, в Академию Наук. Там он пробыл недолго и в числе 3-х опять-таки лучших учеников был послан в Германию, в Марбург и Фрейберг, для окончания своего образования. Молодые люди по поручению Академии Наук

должны были изучить латынь, немецкий и французский языки, продолжать занятия русским языком, прослушать университетский курс в Марбурге, а затем изучить горное дело в Фрейбурге. В Марбурге русскими студентами руководил знаменитый философ и математик Вольф, человек не только ученый, но и очень сердечный. Он обратил внимание на Ломоносова и, несмотря на то, что Ломоносов часто увлекался веселой, разгульной жизнью немецких студентов, оценил его ум и способности. Вольф написал в Петербург, в Академию Наук, самый лестный отзыв о Ломоносове.

В 1739 году, еще в Марбурге, Ломоносов написал свою первую оду "На взятие Хотина" и послал ее в Академию, как доказательство своих занятий русской словесностью; ода написана тоническим стихосложением и, в виде приложения к ней, Ломоносов написал "Письмо о правилах российского стихотворства", в котором он излагает и доказывает свою мысль о необходимости употреблять в русском языке тоническое стихосложение. Интересно отметить, что Ломоносов не знал о сочинении Тредьяковского на ту же тему и пришел к этой мысли совершенно самостоятельно. Ломоносов был талантлив, ода "На взятие Хотина" и все последующие его оды написаны красивыми, плавными стихами; поэтому утверждение тонического стихосложения в русской литературе, как уже было сказано выше, приписывается ему: никого не могли убедить неуклюжие стихи бедного Тредьяковского.

Из Марбурга Ломоносов переехал в Фрейберг; недовольный отношением к себе профессора Генкеля, который не сумел понять его так, как Вольф, он скоро самовольно вернулся в Марбург, где у него были знакомства и привязанности. Вскоре он женился на немке, дочери портного Цильха. Из Академии Ломоносов получал очень маленькое содержание и жить ему с женой было трудно. Особенно трудно стало, когда у него родилась дочь. Он просился домой, в Россию, и, не получая ответа, решил сам пробираться на родину через Голландию. Рассказывают, что по дороге Ломоносов попался прусским вербовщикам, которые набирали рекрутов в армию прусского короля; они зазвали Ломоносова в трактир, очевидно прельстившись его ростом и могучим сложением, угостили, напоили, и Ломоносов очнулся, одетый в форму прусского солдата, в крепости Везель. Но не так-то легко было сломить энергию Ломоносова; с опасностью для жизни он бежал из крепости и в конце концов добрался таки до Петербурга. Там он представил Академии отзывы о себе профессора Вольфа и блестяще выполнил данное ему для испытания его знаний поручение — привести в порядок минералогический кабинет. Но только через 2 года удалось Ломоносову выписать из Германии жену и дочь.

С момента возвращения Ломоносова в Россию (1741) на-

чалась его ожесточенная борьба с немцами-академиками, занимавшими все места, заправлявшими Академией Наук и не желавшими допускать в Академию русских ученых. Только подав прошение на Высочайшее Имя, Ломоносов получил место адъюнкта физики при Академии и только через несколько лет был назначен профессором химии. Он устроил первую в России химическую лабораторию. Одновременно с научными занятиями по химии и физике, он преподавал химию, географию, грамматику и стилистику в академическом университете и был директором академической гимназии. Всю свою жизнь Ломоносов отдал научной работе. Можно смело утверждать, что, если бы он посвятил себя какой-нибудь одной науке, он был бы всемирно известным ученым в этой области. Но он занимался одновременно разными отраслями науки: физикой, химией, астрономией, металлургией, историей, филологией и литературой. Он был первым русским ученым и положил начало русской науке.

Как уже было сказано, ему пришлось много воевать с немцами профессорами, не желавшими допускать в Академию русских ученых. Ломоносов ни в чем не уступал им, и по протоколам заседаний Академии Наук видно, что он часто производил "великие шумства", споря со своими врагами, нападая на них, иногда даже выгоняя всех академиков из зала заседания. Его возмущало например то, что, как он говорил, немцы (Шумахер и Тауберт) занимают лучшие квартиры при Академии и не заботятся об университете и гимназии; а когда заботятся, то хлопочут больше о красивых шкапах и переплетах книг, чем о их содержании.

"Я бы охотно молчал и жил в покое", писал Ломоносов приятелю, — "да боюсь наказания от Всемогущего Промысла, который не лишил меня дарования и прилежания в учении, дал терпение и благородную упрямку и смелость в преодолении всех препятствий к распространению наук в отечестве, что мне всего дороже".

Иногда в своих нападках на немцев Ломоносов бывал слишком резок и несправедлив. Так, например, он обвинял историка Миллера, серьезного и добросовестного ученого, в том, что он с намерением пишет только о темных сторонах истории России, — "выискивает пятна на одежде российского тела"; Ломоносову было неприятно, что Миллер занимается эпохой Смутного времени, возмущало его то, что он назвал Ермака "разбойником". Узнав, что другой историк, Шлецер, пользуется историческими документами, взятыми в государственных архивах, Ломоносов всячески протестовал против этого; однажды он выразился о Шлецере следующим образом: "из сего заключить должно, каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная в них скотина".

У Ломоносова характер был горячий и вспыльчивый. Не ладил он и с русскими, современными ему писателями. Мы уже знаем, как он смеялся над Тредьяковским; ссорился он и с писателем Сумароковым, не отличавшимся так же, как и он, хорошим характером. Однажды И. И. Шувалов, вельможа, покровительствовавший наукам и очень любивший и уважавший Ломоносова, задумал примирить его с Сумароковым, пригласил обоих писателей к себе обедать, не предупредив их об этом. Ломоносов терпел до конца обеда, не произвел никакого "шумства" из уважения к Шувалову, но, вернувшись домой, написал ему резкое письмо:

"Никто в жизни меня больше не обидел, как Ваше Высокопревосходительство", писал Ломоносов. Он упрекал Шувалова в том, что, пригласив его к себе, он насильственно устроил встречу его с Сумароковым; — "слышу: помирись с Сумароковым! То есть сделай смех и позор. Свяжись с таким человеком, от коего все бегают". Дальше он пишет: "не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у Самого Господа Бога, Который дал мне смысл, пока разве отнимет". Из этих гордых и дерзновенных слов видно, каков был характер Ломоносова. Он сознавал свои заслуги и был высокого о себе мнения. Академики немцы много хлопотали об удалении Ломоносова из Академии; узнав об этом, он сказал, что невозможно отставить его от Академии: разве Академию от него отставить...

Императрица Елизавета высоко ценила Ломоносова и пожаловала ему землю с крестьянами, для того, чтобы он устроил у себя в имении мозаичную фабрику.

Скончался Ломоносов в 1865 году. Незадолго до его смерти императрица Екатерина II-ая посетила его. Похоронен Ломоносов в Петербурге, в Александро-Невской Лавре. В Архангельске ему поставлен памятник.

Так мальчик, сын бедного рыбака, некогда бежавший с далекого севера в поисках науки, прошел свой жизненный путь, путь неутомимой борьбы, поставив себе целью насадить науку в родной земле; с горячей любовью к родине, преодолевал он все встречавшиеся на пути препятствия и окончил свою жизнь действительно победителем, положив начало русской науке, оставив русской литературе богатое наследство, заслужив глубокое уважение своих современников и всех последующих поколений русского народа. Вспоминаются простые и прекрасные стихи Пушкина, посвященные Ломоносову:

«Невод рыбак расстилал по брегу студеного моря;
Отрок отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царей».

Научные и литературные труды Ломоносова.

Труды и открытия Ломоносова в области естественных наук очень велики и значительны. Это признавали такие известные европейские ученые того времени, как Вольф и знаменитый математик Эйлер, который писал, что он не знает никого, кто мог бы лучше Ломоносова разъяснить или доказать какой-нибудь трудный вопрос; Эйлер считал, что Ломоносов приносит честь не только Академии Наук, но и всей русской нации.

Ломоносов написал множество трудов по физике, химии, астрономии и металлургии. Очень важны были его наблюдения над электричеством; он высказал предположение, что северное сияние происходил от электричества, что было впоследствии доказано в науке. Ломоносов доказывал также, что гроза происходит от атмосферного электричества; он установил первый в России громоотвод, причем работавший вместе с ним профессор Рихман был убит молнией.

В области металлургии Ломоносов сделал открытия, определив, что янтарь, считавшийся в те времена минералом, есть окаменевшая смола; что каменный уголь образуется из разложения растительных остатков. В области астрономии он первый открыл атмосферу вокруг Венеры и в своем сочинении "Явление Венеры на солнце наблюденное" развил замечательную религиозную мысль о том, что занятия естественными науками ведут к изучению Божьего творения, и что нет противоречия между Святым Писанием и наукой. Создатель дал людям две книги, говорит Ломоносов: одна из них — природа, которая есть Евангелие "немолчно благовествующее Творческую силу, премудрость и величество"; другая книга возвещает Его волю, это книга Святого Писания — Библия. В доказательство своей мысли Ломоносов приводит творения св. Отцов Церкви, указывает на "Шестоднев" Василия Великого, на богословие Иоанна Дамаскина.

По истории Ломоносов написал "Краткий Российский летописец" и "Российскую историю", которую он довел до смерти Ярослава Мудрого. Ломоносов доказывал, что первые князья русские, плававшие по Балтийскому морю, были славянского, а не скандинавского происхождения. С горячим патриотизмом, опираясь на серьезные исторические и научные доказательства, защищает Ломоносов эту мысль, опровергая теорию Миллера, который считал (как многие другие историки того времени), что государственный строй в России создан князьями из чужеземного племени, что поэтому русский народ не имеет права называться великим народом.

Ломоносов написал несколько филологических сочинений: грамматику, риторику, "Письмо о правилах Российского стихотворства" и "О пользе книг церковных в Российском языке".

Грамматика Ломоносова в сущности — первая русская грамматика, в которой он отделяет русский язык от церковно-славянского и делит его на областные наречия, считая, что лучшее и самое красивое наречие принадлежит московской области. Ломоносов горячо любил и высоко ценил красоту русского языка. Посвящая грамматику Великому Князю Павлу Петровичу, он писал: "Карл V-й, римский император, говорил, что ишпанским языком — с Богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелем, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно: ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того — богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка".

Риторика Ломоносова — сочинение не самостоятельное. Он излагает в ней все правила схоластической теории словесности. Но это был первый учебник риторики на русском языке, до Ломоносова риторику преподавали только по латыни. Кроме того в своей Риторике Ломоносов приводит множество цитат из древних и новейших писателей: Гомера, Анакреона, Виргилия, Горация, Камоэнса и других; все эти цитаты прекрасно переведены самим Ломоносовым.

Письмо о правилах Российского стихотворства" было уже упомянуто в биографии Ломоносова; оно было написано в виде приложения к оде "На взятие Хотина", и в нем Ломоносов доказывает необходимость употребления тонического стихосложения в русской поэзии.

В сочинении "О пользе книг церковных в российском языке" Ломоносов высказывает свою знаменитую теорию "т р е х ш т и л е й", оказавшую большое влияние на русскую литературу. Ломоносов делит все слова русского языка на три разряда. К одному разряду относятся слова, одинаково употребляемые в славянском и в разговорном русском языке, как например: Бог, слава, рука, ныне, почитаю; ко второму разряду относятся чисто славянские слова, которые, однако, понятны всякому грамотному человеку: отверзаю, Господен, насажденный, взываю; к третьему разряду относятся слова чисто русские, которых в церковно-славянском языке вообще нет, как например: говорю, ручей, который, пока, лишь.

Согласно этому делению слов на три разряда Ломоносов развивает свою "теорию трех штилей", — в ы с о к о г о, с р е д н е г о и н и з к о г о. Высокий стиль должен состоять из слов первого разряда, "славяно-российских" с примесью чисто-славянских, но не слишком устарелых. Этим стилем надо писать героические поэмы, оды и "прозаичные речи о важных

материях". Средний стиль должен состоять из чисто русских слов (третьего разряда), к которому весьма осторожно можно прибавлять некоторые общеупотребительные славянские выражения. Этим стилем следует писать все театральные сочинения, "в которых требуется обыкновенное человеческое слово, к живому представлению действия". Низкий стиль состоит из слов третьего разряда, т. е. — чисто-русских, и славянских выражений в него допускать нельзя. Этим стилем надо писать "комедии, увеселительные эпиграммы, песни; в прозе — дружеские письма, описания обыкновенных дел".

"Теория трех штилей" Ломоносова была свойственна духу ложно-классического направления литературы; она надолго поставила русских писателей в очень стеснительные рамки, вредившие ясности и простоте языка.

Ломоносов был очень талантливым поэтом и мог бы дать гораздо больше русской поэзии, если бы он ей всецело отдался. Но, обладая большим поэтическим талантом, он смотрел на него часто, как на способ красиво и привлекательно выражать свои научные взгляды и мысли, т. е. заставляя поэзию служить утилитарным целям. Так, например, он написал И. И. Шувалову послание в стихах "О пользе стекла".

«Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые стекло чтут ниже минералов,
Приманчивым лучем блистающих в глаза:
Не меньше польза в нем, не меньше в нем краса,
Пою перед тобой в восторге похвалу
Не камням дорогим, не злату, но стеклу».

Дальше Ломоносов говорит о происхождении стекла, о пользе, которую оно приносит людям и науке. Без стекла у нас не было бы очков, подзорных труб, микроскопов, барометров.

«Коль много микроскоп нам тайностей открыл,
Невидимых частиц и тонких в теле жил!
Но что ж? Уже в стекле нам барометры
Хотят предвозвещать, коль скоро будут ветры,
Коль скоро дождь густой на нивах зашумит,
Иль облаки, прогнав их, солнце осушит».

Даже такая неблагодарная тема, как польза стекла, показывает поэтический талант Ломоносова: как легко и плавно льются его стихи!

Как поэт, Ломоносов создал себе славу одами, которые можно разделить на похвальные, или торжественные, и на духовные оды. К первым относятся те, которые он писал на разные случаи жизни: есть оды, посвященные Императрице Елизавете Петровне, Петру III-му, Екатерине II-й. Лучшая из этих од написана "На день восшествия на престол Императрицы Елизаветы". В этой оде Ломоносов очень оригинально

воспевает “тишину”, которую Елизавета принесла с собой России, прекратив войны, установив надолго мир.

«Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов отрада,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли».

В эпоху Ломоносова очень часто писали оды, восхвалявшие какие-нибудь военные подвиги, завоевания: Ломоносов, наоборот, воспевает прекращение войны, мир, тишину. Затем, обращаясь к своей любимой теме, Ломоносов превозносит Елизавету за то, что она покровительствовала наукам.

«Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет,
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет».

Но кто же в России открыл дверь наукам? — Петр Великий. Ему принадлежит эта честь; он открыл ее путем войны и завоеваний Балтийских берегов.

«В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на Российский флаг».

Дочь Петра Великого, Елизавета, пользуясь завоеваниями отца, идя его путем, водворила мира и в “возлюбленной тишине” покровительствует распространению наук.

«Сия Тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит;
Пространная Твоя держава
О, как Тебя благодарит!»

Только распространение образования может возвысить благосостояние страны, в которой кроется такой богатый запас собственных сил и талантов; русские люди, окрыленные наукой, смогут показать:

«Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать».

Кончает Ломоносов свою оду хвалой наукам:

«Науки юношей питают,
Отраду старцам подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут!»

Эта ода, как и другие похвальные оды Ломоносова, построена по всем правилам классических од, как того требовала ложно-классическая школа. В подражание древним классикам, певшим свои оды в честь какого-нибудь героя, употребляется слово "пою". Часто упоминаются мифологические божества, — Марс, Нептун; для большего эффекта, для выражения восторга употребляется прием "лирического беспорядка" мыслей, быстрый переход с одного предмета на другой.

Почти во всех своих похвальных одах Ломоносов говорит о Петре Великом, который был всегда его любимым героем. Ломоносов преклонялся перед Петром и его реформами, он видел в них все только хорошее; он преклонялся перед той могучей энергией, с которой Петр "победил варварство" и возвысил Россию.

«Зиждитель, говорит Ломоносов,
Послал в Россию человека (Петра),
Каков не слыхан был от века».

Образ Петра Великого, созданный Ломоносовым, образ "чудотворца-исполина", отразился в последовавшей за ним литературе и несомненно имел влияние и на Пушкина.

Духовные оды Ломоносова относятся к его лучшим поэтическим произведениям. Прекрасна "Ода, выбранная из Иова"; это — переложение библейского текста на стихи. Глубокая религиозность поэта чувствуется в его двух одах: "Утреннее размышление о Божием Величестве" и "Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния". Замечательно поэтично описание вечера и звездного неба:

«Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь.
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне — дна.
Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мысльми утомлен».

Затем следует описание северного сияния, неожиданно загорающегося на небе среди темной ночи:

«Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря —
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огнь моря?»

Ломоносов дает яркое, красочное описание северного сияния и, обращаясь к "премудрым" (ученым), спрашивает: что же

это за чудное явление природы? Никто из ученых не мог еще его окончательно объяснить!

«Сомнений полон ваш ответ»,

заканчивает Ломоносов:

Несведом тварей вам конец:
Скажите ж, коль велик Творец?

45.

А. П. Сумароков. Волков.

Александр Петрович Сумароков (1718-1777) происходил из старинной дворянской семьи. Образование он получил в Петербурге, в Шляхетском кадетском корпусе, отличавшемся в то время литературным направлением; кадеты сочиняли стихи, устраивали спектакли. Сумароков выделялся среди своих товарищей литературными способностями и уже в корпусе сочинял песни и оды, которые кадеты заучивали наизусть.

Окончив свое образование, Сумароков сначала служил в корпусе, затем некоторое время был адъютантом при графе Разумовском. Но служебная карьера не интересовала Сумарокова, с ранних лет его привлекала литературная деятельность, и ей он отдал все свои силы, всю свою жизнь. Он был первым русским писателем в полном смысле этого слова, так как Ломоносов не ставил литературу целью своей жизни и был столько же ученым, сколько и писателем. Но, к сожалению, у Сумарокова было гораздо больше настойчивой преданности литературному труду, чем подлинного таланта. В истории русской литературы он сыграл роль, как первый писатель театральных пьес (трагедий и комедий); он много хлопотал и заботился о русском театре, за что и был прозван "отцом русского театра".

В 1747-м году Сумароков напечатал свою первую трагедию "Хорев"; ученики Шляхетского корпуса разыграли ее в присутствии самого автора, который остался очень доволен. Затем он написал подряд несколько трагедий: "Синав и Трувор", "Мстислав", "Дмитрий Самозванец". Сюжет своих трагедий, как видно по названиям, Сумароков брал из русской истории. Некоторые сцены из второй его трагедии, "Синав и Трувор", были переведены на французский язык и появились во французской печати с очень лестным критическим разбором. Сумароков был крайне польщен этим и послал перевод Вольтеру, который также очень сочувственно к нему отнесся.

В своих произведениях Сумароков строго придерживался правил, которых требовала классическая, а затем и ложноклассическая школа. Первое из этих правил было соблюдение в пьесе "трех единств": единства времени, места и действия. Подражая трагедиям Корнеля и Расина, Сумароков ввел в свои

пьесы “наперсников” и “наперсниц” (“confidents et confidentes”), которым герои высказывали свои затаенные чувства и мысли. Главная мысль, главное действие трагедий должно было сосредотачиваться вокруг какого-нибудь одного сильного чувства (любви, чести), или борьбы чувств. Трагедия должна была быть написана “благородным стилем” (style noble), высокопарной речью, в которую не допускались слова из простого, разговорного языка. Поэтому язык Сумароковских трагедий — высокопарный, изысканный и немного напыщенный, скорее напоминает трагедии Расина и Корнеля, чем язык древних славян, которых Сумароков выводит на сцену.

Содержание первой трагедии Сумарокова, “Хорев”, взято из легендарных времен основания Киева. Славянский князь Кий победил и выгнал Завлоха, владевшего прежде городом, взяв в плен его маленькую дочь Оснельду. Через 15 лет, в момент, когда развертывается действие трагедии, Завлох, собравши войско, идет войной на Кия и требует возврата дочери. Молодая Оснельда, выросшая в плену, любит младшего брата Кия, Хорева, который в свою очередь в нее влюблен. Коварный боярин Столверх доносит князю Кию о взаимной любви молодых людей и намекает на то, что Хорев, будто бы, хочет завладеть престолом старшего брата. Для того, чтобы испытать верность Хорева, Кий посылает его с войском против Завлоха, отца его возлюбленной:

О Князь, наследник трона», говорит Кий Хореву
Жезл старости моей, страны сей оборона!
Примай оружие, се долг тебя зовет,
И слава на полях тебя с победой ждет,
Котора много раз венцы тебе сплетала,
Когда твоя рука в народы смерть метала.
Вели в трубы гласить и на врагов восстань,
Кинь в ветры знамена и исходи на брань,
Ступай, и победи, и возвратися славно,
Как в скифские войны под лаврами недавно».

В душе Хорева (как в душе Сида из трагедии Корнеля) происходила сильная борьба между любовью к Оснельде и чувством долга. Последнее чувство побеждает, и он с честью выполняет поручение, данное ему братом, побеждает Завлоха и берет его в плен. Между тем, Оснельда заключена в темницу и горько жалуется своей наперснице на судьбу:

«К чему ведет меня судьбина злая?
К таким ли дням, любовь, во мне ты кровь зажгла?
О честь! О долг! Любовь! Мой князь! Родитель мой!
Делите сердце днесь и рушьте мой покой!»

Кий, подстрекаемый злодеем Столверхом, приказывает положить в чашу Оснельды отраву. Но, убедившись в невинности Хорева, он хочет отменить это приказание и освободить Ос-

нельду. Отмена приказания приходит слишком поздно, Оснельда отравлена и умирает. Узнав об этом, Хорев закалывается. Клеветник Столверх, боясь гнева Кия, бросается в Днепр... Развязка трагедии поистине трагична...

В трагедии "Синав и Трувор" изображена любовь этих двух братьев к одной и той же девушке Ильмене.

Сумароков не заботился об исторической правде своих трагедий. Так, например, в трагедии "Димитрий Самозванец" Лжедмитрий изображен таким кровожадным, фанатичным злодеем, каким он никогда не был. Исторически известно, что Самозванец, спасаясь от преследовавших его заговорщиков, прыгнул в окно, разбился и был убит боярами. Сумароков заканчивает свою трагедию тем, что Лжедмитрий сам закалывается с отчаянными словами, характеризующими его, как злодея:

«Ступай, душа, во ад и буди вечно пленна!
Ах, если бы со мной погибла вся вселенна!»

В 1756 году был открыт в Петербурге публичный театр, Сумароков был назначен директором театра и много заботился о нем и о театральной школе, подготовлявшей русских артистов для сцены. Репертуар этого театра состоял главным образом из произведений Сумарокова и некоторых комедий Волкова, талантливого артиста и сотрудника Сумарокова, о котором будет сказано ниже. В то время звание артиста считалось чуть ли не позорным — на артиста смотрели почти, как на скомороха, шута. Сумароков выхлопотал у императрицы Елизаветы разрешение артистам носить шпагу, что возвышало их в глазах общества, так как это считалось признаком благородства.

Сумароков был очень высокого мнения о своем таланте и заслугах. Как видно из разбора его пьес, они не имели особой литературной ценности, но в свое время пользовались большим успехом среди публики, как что-то совсем новое, до тех пор невиданное и неслыханное. Ценя себя высоко, Сумароков не допускал критики и ссорился с Ломоносовым, который не выносил его самохвальства и писал Шувалову, что Сумароков — человек, "который ничего другого не говорит, как только всех бранит, себя хвалит и бедное свое рифмичество выше всего человеческого знания ставит".

Не ладил Сумароков и с бедным Тредьяковским, смеялся над ним и изобразил его в одной из своих комедий, "Трессотиниус", в лице высокопарного поэта-педанта, который важное значение придает тому, как писать букву "т" (твердо) "об одной ноге, или о трех?" — и заводит ученый спор на эту тему с другим, таким же, как он, педантом. Обращаясь с приветствием к красавице Кларисе, за которой он ухаживает, Трессотиниус (Тредьяковский) говорит: "прекрасная красота, приятная приятность, по премногу кланяюсь вам". На что Кла-

риса отвечает, иронизируя над своим кавалером: "и я вам по премногу откланиваюсь, преученое учение". Тредьяковский, понятно, обижался на такие насмешки.

Сумарокову принадлежит заслуга издания первого русского литературного журнала: "Трудолюбивая пчела". До этого существовал журнал, издаваемый Академией Наук под руководством профессора Миллера, — но это был чисто научный журнал, недоступный широкой публике. "Трудолюбивая пчела" Сумарокова был первым журналом сатирического направления, имевшим целью "развлечение читателей".

Кроме театральных пьес, Сумароков написал еще множество сатир, басен и других стихотворений. Сатиры и басни его не отличаются большим достоинством. Язык его "песен", эклог и других стихотворений "в легком роде" — гораздо проще и лучше, чем язык трагедий, он умышленно избегает в них высокопарных слов.

К концу жизни Сумароков возомнил о себе больше прежнего. Он считал, что литературные труды равняют его с древними греческими писателями и с французскими классиками — Корнелем, Расином, Мольером и Вольтером; — "что только видели Афины и видит Париж, то ныне Россия стараниями моими увидела", писал он. Когда в Москве в одном частном театре поставили пьесу Бомарше "Евгений", в русском переводе, Сумарков вознегодовал; эта пьеса, написанная в новом духе, совершенно не соответствовала требованиям ложноклассического направления. Сумароков написал Вольтеру, жалуясь на испорченность общественного вкуса. Получив сочувственный ответ от Вольтера, Сумароков начал печатно бранить пьесу Бомарше, а переводчика, Пушникова, назвал "подьячим". — "Неужели Москва более поверит подьячему, чем господину Вольтеру и мне?" писал он.

Однажды Сумароков подал проект о том, чтобы его послали за границу для обозрения театров; он предполагал объехать Европу в два года и четыре месяца, для чего он требовал выдачи ему, кроме пенсии, 7.000 рублей в год; за это он брался описать подробно свое путешествие, прибавляя, что: "если бы таковым пером, каково мое, описана была вся Европа, не дорого бы стоило России, если б она и триста тысяч рублев на это невозвратно употребила". Проект этот так и остался проектом.

Последние годы своей жизни, выйдя в отставку со службы при театре, Сумароков жил в Москве, обиженный и недовольный. Он очень часто обращался к Екатерине II-й со всякими требованиями и жалобами на своих неприятелей; императрице это в конце концов надоело, и она велела передать Сумарокову, что предпочитает видеть движение страстей в его трагедиях, а не в письмах.

Самолюбие и самомнение Сумарокова кажутся смешными; но были в его характере и симпатичные черты; он был горячий и очень добрый человек. Рассказывают, что Сумароков, любивший щегольски одеваться, однажды выскочил из кареты, увидав на улице нищего в лохмотьях и, сорвав с себя бархатный кафтан, надел на него. Он не терпел несправедливости и всегда горячо заступался за невинно обижаемых.

В истории русской литературы и русской культуры заслуга Сумарокова состоит главным образом в создании русского театра и в том, что он возвысил театральное искусство во мнении современного ему общества. С именем Сумарокова связано имя его талантливого сотрудника, артиста Волкова, который вместе с Сумароковым создал петербургский общественный театр.

Федор Григорьевич Волков, родом из Костромы, жил в Ярославле, в доме своего вотчима, купца. С молодых лет его привлекали театральные представления. Однажды был он по торговым делам в Петербурге, где ему как-то удалось попасть в придворный театр Елизаветы Петровны и видеть представление французской драматической труппы и итальянской оперы. Затем, в Шляхетском корпусе, он видел разыгранные кадетами трагедии Сумарокова. Вернувшись в Ярославль, Волков задумал соорудить собственный театр. С несколькими товарищами ему удалось устроить в простом сарае небольшой театр; молодые люди сами писали декорации, создавали костюмы. В Ярославле труппа молодых актеров имела успех. Ярославский воевода Мусин-Пушкин, присутствовавший на представлении драмы "Эсфирь", пришел в такой восторг, что убедил ярославское дворянство и купечество соорудить здание общественного театра на 1.000 человек. В новом театре спектакли Волкова имели еще больший успех. Слух о ярославском театре дошел до императрицы Елизаветы, которая вытребовала Волкова с товарищами в Петербург, где они в дворцовом театре разыграли одну из духовных драм Димитрия Ростовского, "О покаянии грешного человека". Молодые артисты так понравились Елизавете Петровне, что четырех из них она оставила в Петербурге, предоставив им изучать словесность и иностранные языки в Шляхетском корпусе. Когда же в 1756 году был открыт в Петербурге общественный театр, Волков с товарищами были назначены первыми актерами под началом Сумарокова, директора театра. Самыми талантливыми из артистов, игравших с Волковым, был трагик Дмитриевский, человек очень образованный, и комик Шумский. В труппе Волкова появилась первая русская артистка, Троепольская; как уже было сказано, женские роли до тех пор исполнялись всегда мужчинами.

Очень мало дошло до нас подробностей о жизни Волкова.

Самые выдающиеся современники его, — Фонвизин и Новиков, беседовавшие с ним, говорили, что это был человек необычайно умный и одаренный, тип талантливого самородка. В короткое время он изучил французский, немецкий и итальянский языки; кроме театрального дела, которое он страстно любил, Волков занимался еще живописью и музыкой. В репертуар нового общественного театра входили пьесы, написанные Волковым; к сожалению, они до нас не дошли. Известна одна очень недурная сатира, "Хор к превратному свету", которую приписывали Сумарокову, но которая, как теперь думают, была сочинена Волковым. В сатире этой рассказывается, что

«Прилетела на берег синица
Из-за полночного моря,
Из-за холодного океана».

Волков заставляет синицу рассказывать о "превратной" жизни в заморских странах, иронически изображая все дурные порядки и недостатки современной ему жизни:

«Все там превратно на свете:
За морем подьячие честны,
За морем писать они умеют...
С крестьян там кожи не сдирают,
За морем людьми не торгуют...
Там язык отцовский не в презреньи,
Только в презреньи те невежи,
Кои, долго странствуя по свету,
Чужестранным воздухом не кстати
Головы пустые набивая,
Пузыри надутые вывозят».

К сожалению, Волков жил недолго. Устраивая празднества в Москве по случаю коронации Екатерины II-й, он простудился, заболел и умер еще совсем молодым в 1763 году.

46.

Литература Екатерининской эпохи. Императрица Екатерина Великая.

В екатерининскую эпоху русская литература сильно развилась. Закон о "вольности дворянства", данный Петром III-м, освободил дворян от обязательной службы и дал возможность многим заняться собственным образованием. Некоторые дворяне завели у себя прекрасные библиотеки, многие пристрастились к литературным занятиям. До нас дошло множество интересных документов, частных писем и семейных записок и

дневников, написанных в екатерининскую эпоху*). По таким литературным образчикам можно судить о том, как трудно еще тогда было русским людям письменно выражать свои мысли, как необычны были для них литературные обороты речи. В то же время видно, что тяжелый язык петровской эпохи, изобилующий иностранными словами, постепенно изменяется, становится проще, приобретает большую гибкость и, хотя и сохраняет некоторые иностранные слова, но уже в более обработанном виде.

С другой стороны, вследствие сближения с западом, русская литература неизбежно подпала влиянию разных западных течений, а именно: влиянию рационалистической философии XVIII-го века и мистическому влиянию масонства.

Больше всего влияния оказала на русское общество французская философия, так как со времени царствования Елизаветы Петровны, Россия сблизилась, главным образом, с Францией.

Представителями просветительной французской философии XVIII-го века, повлиявшими на русскую литературу, были Вольтер, Монтескье и группа так называемых энциклопедистов: Дидро, Даламбер и др.

Положительной стороной философии западных писателей была борьба с закоснелыми суевериями и предрассудками, стремление к просвещению, гуманизм; отрицательной стороной были ее разрушительные тенденции и, главным образом, — подрыв религиозных верований. Некоторые из писателей-философов XVIII-го века, как например Вольтер, были деистами, т. е. верили в Бога, но отрицали Церковь и таинства. Другие писатели этого направления, как, например, Гольбах и Гельвецкий, были атеистами и проповедовали чистый материализм.

Совсем отдельно в этой группе писателей стоял Жан-Жак Руссо, отличавшийся горячей религиозностью. В его произведениях чувство всегда преобладает над разумом, который у энциклопедистов стоял на главном месте. Идеи Руссо также имели большое влияние на русских писателей, но уже позднее, когда в литературе появилось течение сентиментализма. В екатерининскую эпоху Руссо не пользовался в России особым успехом; его идеи , взгляды на воспитание отразились больше всего в педагогических сочинениях самой Екатерины.

---

*) Одно из самых интересных сочинений такого рода — дневник А. Т. Болотова, который был издан под названием «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков». Болотов был знаком со многими выдающимися людьми и писателями своего времени, много видел на своем веку, дневник его дает исключительно яркую бытовую картину екатерининской эпохи.

Императрица Екатерина II-ая была немецкого происхождения (Принцесса София-Августа Ангальт-Цербтская) и попала в Россию 15-ти лет, не зная ни слова по-русски. Ко времени своего вступления на престол (1762 г.) она уже хорошо изучила русский язык и уже прониклась духом русского народа, которым потом управляла в течение 34-х лет и который считала своим народом; больше того, — она стала русской писательницей и имела несомненное влияние на современную ей русскую литературу.

Екатерина была одной из умнейших женщин своего времени. С живым интересом следила она за всеми умственными течениями в Европе, очень много читала. Она была в переписке с Вольтером, называла себя его ученицей и говорила, что гордится этим именем.

Первое, что написала императрица Екатерина, был "Наказ комиссии для сочинения проекта нового уложения". Последний изданный в России свод законов, "Уложение" царя Алексея Михайловича, к тому времени очень устарел. К нему прибавилось множество законов, изданных Петром I и его многочисленными преемниками. Законы, выходившие в разные царствования, часто были не согласованы между собой, а иногда и противоречили один другому. Следовало издать новое Уложение. Для этого Екатерина созвала комиссию депутатов от всех сословий (кроме крепостных крестьян) и, поручив им обсуждение законов, сама написала в виде руководства комиссии "Наказ", в котором она высказывала свои взгляды и давала как бы общее направление, внушала дух, в котором должны были составляться новые законы.

"Наказ" написан не вполне самостоятельно. Екатерина сама говорит, что многое она заимствовала у Монтескье из его сочинения "О духе законов" («L'esprit des lois») и у итальянского писателя Беккария из его книги "О преступлении и наказании". Но многие мысли в "Наказе" принадлежат самой Екатерине.

Идеи просветительной философии XVIII-го века ясно отразились в "Наказе"; он проникнут духом гуманности.

Екатерина говорит, что счастье народа зависит во многом от просвещения; поэтому на просвещение следует обратить особое внимание. Надо создать такие законы, чтобы народу было легче жить. Законы должны предупреждать преступления; предупредить преступление — лучше, чем наказывать за него.

Большое внимание обращает Екатерина на вопросы наказаний и смертной казни. Она говорит, что лучше оправдать на суде 10 виновных, чем осудить одного невинного. Телесные наказания и пытки надо совершенно отменить и уничтожить: "употребление пытки противно здравому есте-

ственному рассуждению". — "Обвиняемый, терпящий пытку, не властен над собой в том, чтобы он мог говорить правду".

Екатерина пишет, что желала бы отменить смертную казнь. Но на этот вопрос она смотрит не принципиально, т. к. допускает смертную казнь в случае особо важных преступлений.

Очень интересны статьи "Наказа", в которых говорится о крепостном праве. Желая облегчить положение крестьян, Екатерина в то же время пишет: "не должно вдруг и через узаконение общее делать великого числа освобожденных". Следует создать законы, дающие право крестьянам иметь собственность. Главным же образом надо оградить их от возможности дурного обращения с ними помещиков, для чего имения таких бесчеловечных господ брать под государственную опеку, отнимая у них власть над крестьянами.

В первоначальную редакцию "Наказа" входил проект назначить известный срок крепостной зависимости, т. е. — рабству крестьян, дать им возможность откупаться у помещиков за определенную сумму. Но приближенные Екатерины, которым она показывала еще неизданную рукопись, посоветовали ей вычеркнуть кое-что из "Наказа", и этот проект в него не вошел.

Екатерина хотела установить веротерпимость в России, имея в виду обширность государства и его разноплеменное население. "Дозволение верить по своему закону", говорит она, "умягчает и самые жестоковыйные сердца".

Весь "Наказ" проникнут либеральным и гуманным духом. Во Франции писатели энциклопедисты радостно приветствовали такое либеральное сочинение, написанное царственной особой. Вольтер посвятил Екатерине похвальную оду: «C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière», писал он.

"Наказ" был переведен на многие иностранные языки, но в Англии цензура не пропустила к печати некоторые статьи, а во Франции, до революции, издание "Наказа" было вообще запрещено, ввиду его крайне либерального направления.

Было уже сказано, что в педагогических сочинениях императрицы Екатерины сказались некоторые взгляды и идеи Руссо. Некоторое влияние в вопросах воспитания оказал на Екатерину также и английский писатель Локк.

Руссо считает, что испорченность нравов, человеческие пороки находятся в прямой зависимости от распространения наук и искусств, от всякого культурного развития. Он доходит до полного отрицания науки и культуры. По его мнению, для того, чтобы воспитать идеального человека, надо с детства изолировать его, оторвать от семьи и от всякого соприкосновения с человеческим испорченным обществом; тогда, под руководством идеального наставника, можно развить в ребенке

добродетель, развить все естественные добрые и прекрасные способности его души и ума. Пример такого идеального воспитания Руссо показывает в своем романе "Эмиль".

Екатерина была согласна с этой идеей Руссо; она считала, что для воспитания нового идеального поколения, следует отделять детей от семьи и испорченной среды людей, с раннего детства, поместив их в закрытое учебное заведение. Этот проект она разрабатывала со своим помощником, Ив. Ив. Бецким, и на этом основании был основан ею известный Смольный Институт для девиц.

В "Инструкции князю Н. И. Салтыкову при назначении его воспитателем великих князей" (Александра и Константина Павловичей), Екатерина высказывает свои взгляды на воспитание, которое она считает важнее образования; по ее мнению, воспитание состоит из четырех частей: прежде всего надо развить в детской душе: 1) добродетель, потом — 2) учтивость, затем — 3) научить доброму поведению и, наконец, — 4) насадить знания. Следуя взглядам Руссо и Локка, Екатерина советует обращать большое внимание на физическое воспитание ребенка, на пищу, которая должна быть простой, без всяких горячащих приправ; на одежду, которая не должна стеснять дыхания и движений ребенка; на чистый воздух в комнате: по крайней мере дважды в день следует освежать комнату "открытием окон воздушных".

Одной из главных задач воспитания ребенка Екатерина считает развитие в нем чувства человеколюбия, сознания человеческого достоинства окружающих его людей. — "Надо поваживать детей", пишет Екатерина князю Салтыкову, "чтобы обходились учтиво словами и поступками со служителями и простолюдинами, чтобы с ними не говорили повелительно, или возвышая голос, или со спесью, но с благоволением, пристойным человечеству".

Для своих любимых внуков, Александра и Константина, Екатерина написала сказки, которые также имеют педагогическую моральную тенденцию.

В сказке "О Царевиче Хлоре" рассказывается о том, как царевич Хлор попал в плен к Киргиз-Кайсацкому хану, который, для испытания царевича поручает ему найти "розу без шипов", символически изображающую добродетель. Дочь хана, царевна Фелица, сжалившись над Хлором, дает ему в спутники и помощники своего маленького сына, "Рассудок", вместе с которым царевич на высочайшей горе, находит "розу без шипов".

В другой сказке, "О царевиче Февее", Екатерина изображает идеально воспитанного царевича, которого в детстве "не пеленали, не кутали, не баюкали", — одним словом — никогда не нежили. Чтобы воспитать в нем беспре-

кословное послушание, отец заставлял его ежедневно поливать воткнутый в землю сухой сучок, не рассуждая, может ли что-нибудь из него вырасти. Уже юношей, Февей сам отдает своим слугам следующее приказание: "Не дайте душе моей возгордиться никогда, и для того ежедневно, как пробужусь от сна ночного, скажите мне речь сию: Февей, вставай с одра и помни во весь день, что ты есть человек такой же, как и мы".

В екатерининскую эпоху впервые пробудился интерес к народной поэзии, к песням, былинам, сказкам, пословицам, — народному эпосу. Мы знаем, что именно в царствование Екатерины графу Мусину-Пушкину посчастливилось обнаружить рукопись "Слова о полку Игореве", которое можно считать одним из величайших сокровищ русской литературы. Интерес к народной поэзии проявляется в издании разных сборников: Богданович издает сборник пословиц, Н. Львов — народных песен, Чулков — сказок и былин. Сама Екатерина написала несколько комических опер, в которые вставила народные песни и обряды.

Императрица очень сочувствовала развитию театра и всячески покровительствовала талантливым актерам. Следуя примеру государыни, многие вельможи интересовались драматическим искусством и устраивали у себя в домах частные театры. К концу царствования Екатерины в Петербурге и в Москве было уже множество таких театров.

Кроме «комических опер" Екатерина написала несколько комедий, которые обыкновенно в первый раз ставились на придворной сцене. Две из ее комедий, "Шаман Сибирский" и "Обманщик", направлены против появившегося тогда в России масонства, к которому Екатерина относилась с большой критикой и недоброжелательством.

В пьесе "Шаман Сибирский" Екатерина намекает на то, что масоны — обманщики, и что масонство — суеверие, напоминающее верования наших сибирских инородцев, слепо доверяющих своим "шаманам". Герой комедии — "Абманлай" (имя, по звуку напоминающее слово "обман"), занимается странными делами: "потаенно запершись в погребу", он варит какую-то мазь, будто бы из солнечных лучей. Он обещает старухе-купчихе вызвать для разговора с ней душу ее покойного мужа. Перепуганная купчиха со страху принимает какого-то "бородача", которого ей приводит Абманлай, за своего мужа.

В пьесе «Обманщик", главное действующее лицо — Калифалкжерстон, изображает графа Калиостро, известного ма-

---

*) О масонах, см. главу 47-ую.

сона и фокусника, приезжавшего тогда в Россию. Калифалкжерстон уверяет, что может по звездам предсказать судьбу людей; говорит, что лично знал Александра Македонского, т. к. живет уже несколько столетий; варит в котле деньги, говоря, что таким образом он их умножает, и т. п. Екатерина всячески старалась осмеять таинственные обряды и мистификации масонов.

Лучшие бытовые комедии Екатерины направлены против самых распространенных тогда недостатков общества: невежества, грубости, ханжества и модного недостатка, — внешнего подражания иностранцам, главным образом, — французам.

В Комедии "О время" выведены три сестры: Ханжахина, Чудихина и Вестникова. Центральное лицо пьесы — Ханжахина; по имени ее видно, каков ее главный недостаток. У нее в доме живет ее внучка, Христина, которую господин Непустов сватает для своего племянника, г-на Молокососова. Но Непустову никак не удается переговорить с Ханжахиной о деле: когда бы он к ней ни пришел, она или у церковной службы, или у себя в комнате кладет поклоны. Бойкая служанка Мавра, напоминающая разбитных субреток французских комедий, говорит Непустову, что госпожа ее "никогда столько прилежности к молитве не показывает, как в то время, когда приходят к ней должники, требуя от нее за забранные по счетам товары". — "Она, швырнув в меня однажды молитвенником, столь сильно голову мне расшибла, что я с неделю принуждена была лежать; а за что? за то только, что я пришла во время вечерни доложить ей, что купец пришел за деньгами, которые она, заняв у него по шести процентов, отдала в рост по шестнадцати..." Уже в этих словах Мавры довольно ярко обрисован характер Ханжахиной. Когда же Непустов просит Мавру описать ему времяпрепровождение ее госпожи, Мавра рассказывает: "она встает поутру в шесть часов и, следуя древнему обычаю, сходит с постели на босу ногу; сошед оправляет перед образом лампаду, потом прочитает утренние молитвы и акафист; потом чешет свою кошку, обирает с нее блох и поет стих: блажен, кто и скоты милует. А при сем пении и нас также миловать изволит, иную — пощечиной, иную — тростью, а иную — бранью и проклятием. Потом начинается заутреня, во время которой то бранит дворецкого, то шепчет молитвы, то посылает провинившихся накануне людей на конюшню пороть". Ярко обрисован тип скупой старухи, ханжи, грубо и бесчеловечно обращающейся со своими слугами. Сестра ее, Вестникова, — первая сплетница в городе; самое большое ее удовольствие — первой рассказать какую-нибудь поразительную новость. Третья сестра, Чудихина, — неразумная, невежественная мать, которая баловством портит своего уже взрослого сына. Она боится утомить его

ученьем, но хвастает его знаниями: “Он, мой голубчик, и азбуку уже доучил”. Здоровье сына она бережет по-своему: “Во всю зиму он у меня с лежанки не сходит: а когда болен, то кроме блинов и сластей ничем не кормлю... Еще до самой прошлой осени все мама у него в головах спала, чтобы ночью чего не причудилось”.

В другой пьесе, “Именины г-жи Ворчалкиной”, Екатерина осмеивает новый тип пети-мэтров и щеголих, подражающих всему иностранному и под новомодной внешностью скрывающих глубочайшее невежество. Говорят эти молодые люди, коверкая русский язык, пересыпая его французскими словами. Забота о туалетах, прическах и разных развлечениях занимает все их время.

Дочь Ворчалкиной, Олимпиада, модная щеголиха, однако, любит и покушать. — “Я в такой теперь дистракции, что от скуки чего-бы-нибудь поела”, говорит она. Она встает обыкновенно в 11 часов, четыре часа проводит за туалетом; в разговорах своих отличается бессердечием, цинично насмехается над семейным счастьем. Ухаживающий за ней молодой человек, Фирлюфюшков, — такой же новомодный щеголь. Опоздав к обеду в день именин госпожи Ворчалкиной, он на вопрос служанки, где он так задержался, отвечает: “Belle demande! Где я пробыл? A ma toilette, голубка, à ma toilette. Где можно так рано инде быть? Вчера после ужина я всю ночь проиграл в карты. Лег me coucher в шестом часу après minuit. Встал сегодня в час, и теперь такая мигрена, и так в носу грустно, что сказать не можно. Нет ли eau de Luce понюхать? Боюсь, чтобы от слабости не упасть, поддержите меня...”

Еще раньше комедий Екатерина издавала журнал “Всякая всячина”, в котором она осмеивала те же недостатки общества. Позднее, в 80-ых годах, княгиня Дашкова (президент Академии Наук) издавала журнал «Собеседник любителей Российского слова”, в котором Екатерина помещала свои сатирические статьи под заглавием “Были и небылицы”. Но журнальная сатира Екатерины — гораздо поверхностнее, легче, чем глубокая сатира ее комедий; императрица никого не хотела обидеть своими насмешками и советовала и другим авторам-сатирикам осуждать недостатки и пороки общества “в улыбательном роде”. Некоторые авторы екатерининской эпохи усвоили этот легкий, шутливый тон.

47.

Н. И. Новиков.

Сатирический журнал императрицы Екатерины “Всякая всячина”, появившийся в 1769-м году, был первым из целого

ряда подобных листков и журналов, которыми Екатерина как бы задала тон другим писателям. Журналы такого рода, т. е. — сатирического направления, впервые появились в Англии, в самом начале XVIII-го века. Они несомненно служили образцом для Екатерины и других писателей сатириков. После "Всякой всячины" появился журнал "И то, и сио" Чулкова, "Ни то, ни сио" Рубана и несколько других. Самыми лучшими и выдающимися журналами этого типа были "Трутень" и "Живописец" Новикова.

Николай Иванович Новиков (1744-1814) был крупным писателем и одним из выдающихся людей своей эпохи. Происходил он из старинного рода московских дворян. Обладая большим умом и природными способностями, Новиков в то же время учился неважно и был уволен из московского университета, не окончив курса, «за леность и нехождение в классы"; 16-ти лет он поступил на военную службу в один из гвардейских полков. Когда Екатерина созвала комиссию для составления нового Уложения, Новиков, в числе других гвардейских офицеров, был прикомандирован к этой комиссии, для ведения протоколов заседаний и для других письменных работ. Эта должность оказала влияние на всю дальнейшую жизнь Новикова. Он слышал доклады депутатов, собравшихся с разных сторон России. Перед глазами умного, способного и сердечно одаренного молодого человека развернулась широкая картина русской жизни, открылись многие недостатки и неправильности общественной жизни. Встали вопросы, как помочь, чем послужить своему народу, родине, которую Новиков горячо любил. Когда в 1769-м году комиссия была распущена, Новиков вышел в отставку и всецело посвятил себя литературной деятельности. Ему казалось, что изданием сатирических журналов лучше всего можно влиять на общество, исправлять общественные недостатки и пороки.

Первый журнал Новикова, "Трутень", вышел в 1769-м году и существовал до 1770 г.; затем вышел "Живописец" (1772-1773) и "Кошелек" (1774 г.). Эти журналы, относящиеся к первому периоду литературной деятельности Новикова, особенно первые два, принадлежат к лучшим его произведениям.

Новиков, так же, как и Екатерина, осмеивает пети-мэтров и щеголих; не столько осмеивает, как обличает невежество, грубость нравов, бесчеловечное обращение помещиков с крестьянами; говорит о тяжелом положении крепостных крестьян; обличает взяточничество, неправосудие и т. д. Статьи свои Новиков облекал чаще всего в форму писем. Таковы, например, известные "Письма к Фалалею" — от отца, матери и других лиц. Пользуясь эпистолярной формой, Новиков придавал изображаемым лицам живые бытовые черты. Намеченные

еще Кантемиром типы помещика Сильвана, ханжи Критона, пети-мэтра Медора оживали в "письмах" Новикова. Кроме эпистолярной формы он пользовался иногда аллегорическими сказками, советами (рецептами), или формой газетных объявлений и известий. Так, например, "Известие из Кронштадта" сообщает о прибытии из Бордо корабля, на котором приехало в Россию 24 француза, выдающих себя за графов и маркизов, а на самом деле — бежавших из Франции от полиции, с которой были "в превеликой ссоре". Французы эти собираются сделаться учителями, т. к. говорят, что в России это ремесло очень выгодно. "Любезные сограждане!", восклицает Новиков, обращаясь к своим читателям, «спешите нанимать сих чужестранцев для воспитания своих детей! Поручайте немедленно будущую подпору государства сим побродягам и думайте, что Вы исполнили долг родительский, когда наняли в учителя французов, не узнав прежде ни знания их, ни поведения".

В другом остроумном "объявлении" Новиков сообщает: "Молодого Российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и возвратился уже совершенно свиньей; желающие смотреть, могут его увидать безденежно по многим улицам города".

Подражание всему иностранному, новый тип щеголих и пети-мэтров, их "новоманерное невежество" и исковерканный русский язык, лучше всего изображены в "Письме Щеголихи" к "Живописцу", автору журнала.

"Mon cœur, Живописец " пишет Щеголиха, "Ты, радость, — беспримерный автор. По чести говорю, ужесть, как ты славен; читая твои листы, я бесподобно утешаюсь, как все у тебя славно: слог растеган, мысли прыгающи. По чести скажу, что твои листы вечно меня прельщают; клянусь, что я всегда фельетирую их без всякой дистракции". — Описывая Живописцу свою жизнь, Щеголиха рассказывает о грубом обращении ее отца с матерью, о драках между родителями. Тут же видна ее собственная грубость; она рассказывает, что отец хотел с нею "поступить так же, как с мужиками: но я ему показала, что я не такое животное, как его крестьяне". Дальше она пишет: "По счастию скоро выдали меня замуж; я приехала в Петербург, подвинулась в свет, разняла глаза и выкинула весь тот из головы вздор, который посадили мои родители: поправила опрокинутое понятие, научилась говорить, познакомилась с щеголями и щеголихами и сделалась человеком".

В "Живописце" Новиков поместил очень остроумный «Опыт модного словаря щегольского наречия", в котором он дает образцы выражений, бывших в ходу среди новомодной молодежи и состоящих из исковерканных французских и рус-

ских слов, в которых рядом с сентиментальным жеманством встречалась иногда подлинная грубость.

Новиков осмеивает "новоманерное" невежество петиметров и щеголих. Видно сочувствие автора к русской старине; в то же время он резко осуждает тех людей, которые, придерживаясь старины, отвергают просвещение и доказывают его бесполезность и даже — вред, с разных точек зрения; он развивает ту же мысль, которую Кантемир высказал в своей сатире: "К уму своему", иллюстрируя ее яркими и реальными примерами.

В письмах одного отставного судьи к своему племяннику, Новиков очень живо изображает характер старого взяточника, плута, ханжи, который признается во всех своих грехах и даже, как будто, в них кается, но в то же время не то наивно, не то — лицемерно требует, чтобы племянник следовал его примеру, и упрекает его в гордости за осуждение грехов старших. Описывая свою служебную карьеру, судья пишет племяннику: "Тебе известно, что по приезде моем на воеводство не имел за собой более шестидесяти душ крестьян; а ныне, благодаря Подателя нам всяких благ, трудами моими и неусыпным попечением нажил около трех сот душ, не считая денег, серебра и прочей домашней рухляди". Далее он пишет, что за время своей долгой службы он вполне постиг "судейскую науку", которая, по его мнению, состоит в том, чтобы уметь всякий указ истолковать в свою пользу. Он сознается во всех своих грехах, знает, что он "преступник законов, что окрадывал Государя, разорял ближнего, утеснял сирого, вдовицу и всех бедных, судил по мзде", — но надеется вполне оправдаться перед Богом во всех этих беззакониях внешним соблюдением благочестия. "Я исполняю церковные предания", говорит он, — "службу Божию слушаю с сокрушенным сердцем: посты, среды и пятки все сохраняю, не только сам, но и домочадцев своих к тому принуждаю". Дальше дядя уговаривает племянника бросить вредное занятие науками: "оставь сии пагубные книги, которые делают вас толико гордыми, и вспомни, что гордым Господь противится, смиренным же дает благодать". Вместо того, чтобы заниматься науками, надо поступить на службу и, следуя примеру старших, пользоваться всеми выгодами службы, другими словами — брать взятки. «Во всякой службе и должности слабому человеку не можно пробыти без греха", — пишет судья. "Вы твердите: я бы не брал взяток. Знаете ли вы, что такие слова — не что иное, как первородный грех, гордость? Разве думаете, что вы сотворены не из земли, и что вы крепче Адама? Когда первый человек не мог избавиться от искушения, то как вы, будучи в толико крат его слабее, колико крат меньше его живете на земле, гордитесь несвойственною сложению вашему твердостию?".

Лучше всего удались Новикову "Письма к Фалалею", в которых он затрагивает почти все темные стороны современной ему жизни: невежество, нечестность, ужасающую грубость нравов, дурное обращение с крестьянами. "Письма к Фалалею" писаны отцом, матерью и дядей из деревни к молодому дворянину Фалалею, живущему в городе. В первом письме отец жалуется на будто бы трудное положение дворян и на свою бедность. "Сказывают, что дворянам дана вольность!" пишет он, "но на самом деле ничего не можно своею волею сделать, — нельзя у соседа и земли отнять". Денег взять неоткуда: "с мужиков ты хоть кожу дери, так немного прибыли. Я, кажется, и не плошаю, да что изволишь сделать! Секу их нещадно, а все прибыли нет; год от году все больше и больше мужики нищают". Отец негодует на писателей, которые пишут в журналах о дурном обращении помещиков с крестьянами. «Что за живописец такой у вас проявился? Какой-нибудь немец, а провославный этого не написал бы. Говорит, что помещики мучат крестьян и называет тиранами, а того, проклятый, не знает, что в старину тираны бывали некрещены и мучили святых: посмотри сам в Четьи-Минеи; а наши мужики ведь — не святые? Как же нам быть тиранами?"

Второе письмо отец начинает угрозами и упреками за то, что Фалалей отдал напечатать его первое письмо: "Я писал к тебе окаянному в наставление, а ты это письмо отдай напечатать!" — "Да знаешь ли ты это, что я тебя за непочтение к родителям, в силу указов, велю высечь кнутом!" — "У меня один месяц проохаешь, лишь бы мне до тебя дорваться". На этот раз, ради просьб матери, отец обещает простить сына, но с условием, чтобы он немедленно бросил военную службу, т. к. всегда есть страх: "неравно, как пошлют в армию", а там может случиться война: зачем рисковать своей жизнью? — "Есть кому и без тебя служить". Лучше вернуться домой, в деревню, жениться на уже намеченной отцом для него невесте. Следует описание качеств выбранной для сына невесты. Главное ее качество то, что она приходится двоюродной племянницей местному воеводе, а «это", пишет отец, "не шутка: все наши спорные дела будут решены в нашу пользу".

Уже в самом конце письма, как бы между прочим, отец сообщает Фалалею, что мать его больна, "лежит при смерти". Рассказ о болезни матери и рассуждения по этому поводу особенно ярко характеризуют неимоверную грубость нравов семьи Фалалея, т. е., — всех подобных помещиков. — "Занемогла она (мать)", пишет отец, "от твоей охоты: Налетку твою (собаку), кто-то съездил поленом и перешиб крестец; так она, голубушка моя, как услышала, так и свету Божьего не взвидела; так и повалилась. А после, как опомнилась, то и пошла это дело разыскивать, и так надсадила себя, что чуть жива

пришла и повалилась на постелю; да к тому же выпила студеной воды целый жбан, так и присунулась к ней огневица. Худа, друг мой, мать твоя, очень худа. Я то и жду, как пошлет Бог по душу. Знать, что, Фалалеюшка, расставаться мне с женой, а тебе — и с матерью, и с Налеткой. Тебе, друг мой, все-таки легче моего: Налеткины щенята, слава Богу, живы: авось таки, который нибудь удастся по матери; а мне уж эдакой жены не нажить". — "Тошно, Фалалеюшка, с женою расставаться; я было уж к ней привык; тридцать лет жили вместе; как у печки погрелся. Виноват я перед нею: много побита она от меня на своем веку; ну, да как без этого! Живучи столько вместе и горшок с горшком столкнется: как без этого! Я крут больно, а она — неуступчива: так, бывало, хоть маленько, так тотчас и дойдет до драки".

В "Живописце" Новиков поместил статью под заглавием "Отрывки из путешествия И. Т.". Здесь он выражает свое негодование по поводу тяжелого положения крепостных крестьян и уже без всякой сатиры, мрачными красками рисует картину их жизни. "Бедность и рабство встречались со мною во образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение. Маленькие, покрытые соломой хижины из тонкого заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшие адонья хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составлять должны. Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причине бедности крестьянской. И, слушая их ответы, к великому огорчению всегда находил, что помещики их сами тому были виною. О, человечество! Тебя не знают в сих селениях. О, господство! Ты тиранствуешь над подобными тебе человеками. О, блаженная добродетель, любовь к ближнему, ты употребляешься во зло: глупые помещики сих бедных рабов изъявляют тебя более к лошадям и собакам, а не к человекам!" — Дальше следует мрачное описание деревни Разоренной, несчастная жизнь ее обитателей.

Нескрываемое негодование Новикова, открытый протест против крепостного права возмущали некоторых дворян-помещиков, которые чувствовали себя задетыми за живое; некоторые из них считали, что Новиков наносит оскорбление всему дворянскому сословию. Недовольна была и Екатерина; она считала, что сатира должна быть всегда "в улыбательном роде", никого не должна обижать. Свое неудовольствие императрица выразила в журнале "Всякая всячина". Новиков в своем журнале возражал императрице; высказывая свой взгляд на сатиру, Новиков говорил, что лучше обличать пороки, чем потворствовать им снисходительностью, или, как он выразил-

ся: “шить пороком кафтан из человеколюбия”. Но все же Новиков был принужден сбавить тон своей сатиры. В “Живописце” рядом с сатирическими статьями он начал помещать разные переводные статьи, стихи. Третий его журнал, “Кошелек”. всецело посвящен осмеянию пети-мэтров и щеголих; Новиков уже не рискует затрагивать тяжелых общественных вопросов крепостничества, неправосудия и т. п.

Изданием “Кошелька” заканчивается первый период литературной деятельности Новикова. Некоторое время он посвятил себя собиранию разных исторических материалов и издал обширный исторический сборник “Древняя Российская Вивлиофика”.

В 1775-м году Новиков вступил в масонский орден; с этого момента его литературная деятельность приняла совсем иной характер.

Масонство впервые появилось в Англии в начале XVIII-го века, оттуда оно перешло в Европу, где получило большое распространение. Мистическое и тайное учение масонского ордена служило противовесом материалистическому учению энциклопедистов.

Организацию свою франк-масоны” (вольные каменщики) связывали с средневековыми гильдиями и товариществами каменщиков, строивших храмы в Германии, Англии, Франции; но начало масонства сами масоны относили к временам еще гораздо более древним, связывая его с построением Иерусалимского храма царем Соломоном. Подобно средневековым гильдиям каменщиков, масоны делились на три степени: учеников, товарищей и мастеров; впрочем, в некоторых странах этих степеней было гораздо больше. Масоны разделялись на общества, которые назывались “ложами”; братья-масоны собирались на заседания или собрания ложи под председательством одного из мастеров. Во всех странах и во все времена своего существования масонство было окружено величайшей тайной. Вступающие в орден, обязаны были хранить тайну, которую им доверяли. Разные степени и разные ложи хранили свои различные тайны.

В то время, как Церковь во всем мире открыто проповедовала христианское учение, масоны покрывали свое учение тайной.

В разных странах масонство принимало разные формы, выливалось в разные “системы”. Некоторые масонские организации увлекались темными науками: астрологией, алхимией, магией; разыскивали “философский камень”, старались найти лекарство (“панацею”), при помощи которого будто бы мож-

но прожить несколько сот лет, искали способ превращать простые металлы в золото и т. п.

Другие масонские ложи, как, например, в Англии, ставили себе высокую моральную цель самоусовершенствования, благотворительности; на собраниях в ложе мастера произносили поучения. Некоторые масонские общества преследовали политические цели, старались влиять на действия правительства. Иногда в орден вступали только для устройства своей личной служебной карьеры.

В Россию масонство проникло еще в царствование Елизаветы, но особенно распространилось при Екатерине Великой. Русские масоны увлекались мистической стороной масонства, его таинственностью; прием в ложу нового члена, "ищущего", был связан со сложным таинственным и странным ритуалом, с разными символическими обрядами. Масон должен был всегда помнить о смерти; его устрашали и испытывали видом мертвых костей, черепов, гроба, покрытого окровавленной простыней и т. п.*).

Но среди русских масонов были и такие, которые преследовали нравственные цели, стремились к добродетели, занимались благотворительностью. К числу таковых принадлежал и Новиков.

Императрица Екатерина не любила масонов и с большим подозрением относилась к ним. Узнав, что Новиков вступил в масонский орден, она поручила митрополиту Платону "испытать его в вере". После подробной беседы с Новиковым, митрополит написал Екатерине отзыв о Новикове, называя его образцовым христианином.

Сделавшись масоном, Новиков начал издавать новый журнал: "Утренний свет". Сатирических статей в этом журнале не было: масонство не признавало ни сатиры, ни смеха. Рядом с чисто нравоучительными статьями появлялись научные статьи по истории, географии, этнографии. Специфически масонских статей в нем не было. Новиков высказывал свои мысли о суетности земной жизни, о бесполезности земной славы, завоеваний и т. д. Доходы от этого журнала должны были идти на содержание двух школ.

В Москве Новиков основал кружок, называвшийся сперва "Дружеским Обществом", позднее — "Типографической компанией". Членами этого общества были выдающиеся русские масоны, единомышленники Новикова: Шварц, Гамалей, князь Трубецкой, Тургенев, Лопухин, Походяшин, — богатый человек, пожертвовавший все свое состояние обществу для благотворительных целей.

Новиков со своим кружком развил большую обществен-

---

*) В своем романе «Война и мир», Толстой прекрасно описывает ритуал принятия в масонскую ложу Пьера Безухова.

ную деятельность. Кроме чисто благотворительной деятельности, он очень серьезно поставил дело книгоиздательства, задавшись целью распространения просвещения в истинно христианском духе. Было издано огромное количество учебников, научных и популярных книг, переводов лучших произведений иностранной литературы, — первый детский журнал, "Детское Чтение". Для переводов с иностранных языков была создана особая школа "Переводческая семинария"; Новиков сам следил за работой учеников семинарии, следил за стилем переводов, требовал, чтобы переводчики писали простым понятным языком. Между прочим, Карамзин окончил Переводческую семинарию, которая несомненно способствовала выработке его литературного стиля.

Кроме Переводческой, Новиков создал "Учительскую семинарию", для подготовки учителей и профессоров в гимназии и университеты. Самых способных учеников Новиков посылал за границу для довершения и пополнения образования.

В то время, как Новиков занимался чисто филантропической и благотворительной деятельностью, его друзья — масоны, Шварц и другие, создали тайную типографию, в которой печатались произведения чисто масонского характера и направления. Мистические идеи масонства были чужды Новикову, а тайные обряды и ритуалы отталкивали его. Новиков охладел к масонству и стал отдаляться от своих прежних друзей. В последних журналах, изданных "Типографической компанией", — "Вечерняя заря", "Покоющийся трудолюбец", рядом с педагогическими и просветительными статьями, появляются статьи Новикова, напоминающие первый период его литературной деятельности, напоминающие журналы "Живописец" и "Трутень". Вновь Новиков осмеивает пети-мэтров, щеголих, негодуя говорит о жестоком обращении с крестьянами, о неправосудии; несколько статей посвящено осуждению и осмеянию дуэлей, которые тогда были в моде.

Было уже сказано, что императрица Екатерина не любила масонов. В последние же годы своего царствования, тогда, когда во Франции разыгрывались кровавые события французской революции, Екатерина особенно подозрительно стала относиться ко всяким тайным обществам и организациям. В 1792-м году Типографическая компания, заподозренная в политической деятельности, была закрыта, Новиков — отдан под суд и заключен в Шлиссельбургскую крепость, где он оставался до самой смерти Екатерины. Павел I-й в 1796-м году освободил его; Новиков удалился в деревню, в свое имение, где и прожил до конца своей жизни (1814) совершенно устранившись от всякой литературной и общественной деятельности.

48.

Д. И. Фонвизин.

(1745-1792).

Одним из самых выдающихся писателей екатерининской эпохи был Денис Иванович Фонвизин (1745-1792). Предок Фонвизина, Ливонский рыцарь, был взят в плен Иоанном Грозным и остался навсегда в России. Потомки его совершенно обрусели, и при Екатерине II-ой род Фонвизиных был уже вполне русским дворянским родом. Отец Дениса Ивановича был сам человеком мало образованным, но сыну своему он постарался дать лучшее по тем временам образование. Уклад семейной жизни Фонвизиных был старинный, патриархальный, церковный. Отец, человек глубоко религиозный, сумел и сына своего воспитать в этом духе. Фонвизин с детства выучился читать по-славянски и, по желанию отца, нередко читал во время церковных богослужений, совершавшихся иногда у них на дому. Впоследствии Фонвизин писал: "сему (т. е. — церковному чтению) обязан я, если имею в российском языке некоторое знание; ибо, читая церковные книги, ознакомился я с славянским языком, без чего российского языка и знать невозможно". — От одного из крепостных слуг отца Фонвизин слышал много народных рассказов, сказок, т.ч. познакомился еще в детстве с народной русской речью. С крепостными людьми в семье Фонвизиных обращались хорошо, мягко и человеколюбиво; доброе и справедливое отношение к слугам было внушено Фонвизину с детства; впоследствии это отразилось в его произведениях.

Когда в Москве была открыта гимназия при университете, отец определил туда Дениса Ивановича. Но учение в московской гимназии было поставлено первое время не блестяще. Сам Фонвизин впоследствии рассказывал, не без комических преувеличений, что на экзамене географии один ученик на вопрос: "куда впадает Волга?" ответил: "в Белое море"; другой: "в Черное"; когда тот же вопрос поставили Фонвизину, он ответил: "не знаю" — и за это будто бы получил награду. На латинском экзамене учитель всячески старался помочь своим ученикам, для чего заранее уславливался с ними: во время грамматического разбора они должны были смотреть, за которую пуговицу на камзоле будет держаться учитель; — если за вторую, то, значит, слово — второго склонения, и т. д.

Несмотря на все это, Фонвизин учился прекрасно и 18-ти лет (1758) был послан в числе лучших учеников в Петербург, для представления Ив. Ив. Шувалову, известному вельможе и меценату, основателю Московского университета и гимназии.

В доме Шувалова Фонвизин впервые увидел Ломоносова, тогда уже известного и всеми уважаемого писателя и ученого. Тогда же в Петербурге молодой Фонвизин в первый раз попал в театр, который произвел на него огромное впечатление.

В 1759-м году Фонвизин перешел из гимназии в университет. Среди своих товарищей-студентов Фонвизин славился остроумием, шутками, — не всегда добродушными, — и прекрасным умением читать вслух. Начало литературной деятельности Фонвизина относится именно к университетскому периоду его жизни. Первые его произведения были переводные.

Окончив университет в 1762 г., Фонвизин поступил на службу в Коллегию Иностранных Дел, под начальство известного вельможи графа Никиты Ивановича Панина, который очень ценил своего умного и дельного секретаря. В Петербурге Фонвизин познакомился с некоторыми русскими литераторами, а, кроме того, через одного своего приятеля, князя Козловского, попал в веселое и довольно беспутное общество русских вольтерианцев. Написанное в это время Фонвизиным "Послание к слугам" носит на себе отпечаток поверхностного, легкомысленного скептицизма. Но Фонвизин, воспитанный в строго-религиозном духе, сам глубоко верующий и умный человек, недолго оставался под чуждым ему влиянием. Он сам рассказывает ("Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях"), что, ужаснувшись легкомыслию и безнравственности своих новых знакомых, он отдалился от их общества и, будучи еще совсем молодым человеком, серьезно продумал и уяснил себе свое религиозное мировоззрение.

В 1766 г. Фонвизин написал свое первое крупное произведение, комедию "Бригадир", доставившую ему в очень скором времени известность и славу. Он несколько раз сам читал свою комедию в разных светских и литературных кругах, читал ее при дворе императрицы Екатерины II-ой.

Н. И. Панин, награжденный императрицей за воспитание наследника Павла Петровича большими поместьями, в свою очередь наградил своего секретаря Фонвизина порядочным имением. Обеспеченный таким образом материально, Фонвизин вышел в отставку и женился.

В 1782-м году он написал свою знаменитую комедию "Недоросль", которая тогда же и была поставлена на сцене. Успех комедии был громадный. Рассказывают, что князь Потемкин, бывший школьным товарищем Фонвизина, на первом представлении "Недоросля" хохотал до слез, а затем сказал автору: "Умри, Денис, или больше уж никогда не пиши" — другими словами: лучше этого ничего не напишешь.

Фонвизин совершил два больших путешествия за границу, для поправления здоровья жены, потом — для собственного лечения, объехал Германию, Италию и Францию. От этих

путешествий сохранились интереснейшие письма, которые он писал из разных европейских городов.

После второго своего путешествия за границу Фонвизин был разбит параличем, но до конца жизни сохранил ясность мыслей и остроумие. Умер он в 1792 г. в Петербурге, всего 47-ми лет от роду.

Фонвизину было всего 21 год, когда он написал свою первую комедию "Бригадир"; неопытностью и молодостью автора можно объяснить некоторые недостатки этой комедии, в которой в то же время чувствуется большой талант.

Недостатки комедии заключаются в отсутствии действия и какой-то искусственности развязки. Действующие лица делятся на две группы: бригадир, бригадирша и Иванушка, их сын; советник, советница и Софья, дочь советника. Вся завязка комедии состоит в том, что бригадир влюблен в советницу, советник — в бригадиршу; Иванушка и советница влюблены друг в друга. Из-за этой путаницы происходят комические сцены и разговоры. Несмотря на бедность сюжета, характеры некоторых действующих лиц очерчены талантливо и ярко, но с известным карикатурным преувеличением.

В лице Иванушки и советницы изображен тип пети-мэтра и щеголихи. Фонвизин тонко подметил в этом новомодном типе соединение внешнего щегольства и подражания европейским манерам с необычайной невежественностью и грубостью. Речь свою Иванушка и советница пересыпают французскими словами вперемешку с грубыми русскими выражениями. Иванушка получил образование в пансионе, который содержал француз-кучер, сумевший внушить своим воспитанникам крайнее презрение ко всему русскому. Затем Иванушка побывал в Париже и вернулся оттуда совершенным пети-мэтром. "Тело мое", говорит он, "родилось в России; однако дух принадлежит короне французской". Иванушка необыкновенно глуп. По его рассказам видно, что появление его в парижских салонах всегда вызывало общий смех; он думал, что везде ему радуются, и что все ценят его качества, не понимая, что все смеются над его глупостью. Вращался он, повидимому, в распущенной и безнравственной среде парижан и проникся модным, по его мнению, духом непочтения к родителям, цинизмом и безнравственностью. "Я", говорит он, "индиферан во всем том, что надлежит до моего отца и матери"; намекая на родителей, он говорит, что "живет с животными". Узнав о том, что его отец, так же, как и он сам, влюблен в советницу, Иванушка собирается вызвать его на дуэль, говоря, что если "щенок не обязан респектировать того пса, кто был его отец", то почему же он должен отцу "хотя малейшим респектом?"

Иванушка считает, что учение и ученость — ни к чему не нужны: “На что грамматика?” — говорит он, “я сам писывал тысячу бильеду, а мне кажется, что “свет мой”, “душа моя”, “Adieu, ma reine”, можно сказать, не заглядывая в грамматику”. — “Кружева и блонды составляют голове наилучшее украшение”, говорит он советнице. “Педанты думают, что это — вздор, и что надобно украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! чорт ли видит то, что скрыто? а снаружи всяк видит”. Советница совершенно согласна с Иванушкой: “так, душа моя; я сама с тобой одних сентиментов; я вижу, что у тебя на голове пудра, а есть ли что в голове, того, чорт меня возьми, приметить не могу”. Вот как изящно выражается эта щеголиха, которая каждый день проводит часа три за туалетом, примеряя разные головные уборы. Чувства ее столь же грубы, как и выражения. На вопрос бригадирши, получают ли ее люди жалованье деньгами, или пищей? “Свой ли овес едят лошади, или купленный?” — “Шутишь, радость”, отвечает советница, “я почему знаю, что ест вся эта скотина”. Таким образом она людей приравнивает к лошадям. Советница никогда во Франции не бывала, но все же научилась вставлять французские словечки в свою не всегда изящную речь. “Полно скиляжничать”, говорит она своему мужу, “я капабельна с тобою развестись, ежели ты еще меня так шпетить будешь”.

Бригадир, именем которого названа комедия, очерчен довольно слабо. Это — тип грубого служаки, деспота в своей семье, вымещающего на своей жене все, чем его “в строю раздразнили”, “вину каждого рядового”. Роль человека, влюбленного в модную щеголиху, советницу, совершенно ему не подходит.

Советник, плут и взяточник, нажил себе “достаточек в силу указов” и “пошел в отставку в том году, как вышел указ о лихоимстве”. Он увидел, что ему в Коллегии делать нечего стало. Вспоминая свою прошлую службу, он с наивным цинизмом говорит своей дочери: “я сам бывал судьею; виноватый, бывало, платит за вину свою, а правый — за свою правду”, — таким образом он, как многие другие нечестные люди, нажил себе состояние, умея при том всякий закон истолковать в свою пользу: “наш брат, судья, манеров на двадцать один указ истолковать может”, говорит советник. К тому же он еще и ханжа, думает, что может внешним благочестием искупить свои грехи. “Мой урод”, говорит про него советница, “ужасная ханжа, не пропускает ни обедни, ни заутрени, и думает, что за одну всенощную ему простится все то, что днем наворовано”.

В лице бригадирши, Акулины Тимофеевны, Фонвизин хотел изобразить скупую, глупую, невежественную женщину.

Глупость ее и любовь к деньгам действительно доходят до невероятных размеров: услыхав, что Иванушка что-то потерял, она пугается; но когда муж объясняет, что Иванушка ум потерял, она облегченно вздыхает: "Тьфу, какая пропасть! Я было обмерла, испугалась. Думала, что и впрямь не пропало ли что-нибудь". Потерять кошелек, по ее мнению, гораздо хуже, чем ум. Несмотря на свою глупость и вечное дрожание над каждой копейкой, Акулина Тимофеевна изображена простой русской женщиной, доброй, отзывчивой на чужое горе; она бесконечно предана своему мужу и терпеливо сносит его грубости. Думают, что Фонвизин изобразил в лице бригадирши одну знакомую ему московскую барыню. Акулина Тимофеевна, действительно, — самое живое лицо в пьесе. "Ваша бригадирша — всем родная", говорил граф Панин автору, "никто сказать не может, что такую же Акулину Тимофеевну не имеет или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу".

Другие действующие лица комедии, Софья и Добролюбов, очерчены очень бледно; это — резонеры, добродетельные лица, не имеющие никаких характерных черт.

Как уже было сказано, "Бригадир" пользовался в свое время большим успехом. Недостатки комедии не умаляют ее значения в истории нашей литературы, как первой комедии "в наших нравах" (выражение графа Панина), местами очень остроумной и забавной.

Самая известная комедия Фонвизина, "Недоросль", написана на 16 лет позже "Бригадира". Чувствуется, что талант Фонвизина возмужал, окреп и развился, автор уже вполне владеет сюжетом; "Недоросль" является одной из первоклассных комедий в нашей литературе. Основные задачи комедии, во-первых — изображение невежественного старинного воспитания дворянских детей; во-вторых, — обличение грубого произвола помещиков, бесчеловечного обращения с крепостными крестьянами.

Главное действующее лицо пьесы, госпожа Простакова, изображена ярко и реально. Перед нами живое лицо, мы видим Простакову, понимаем всю ее несложную примитивную психологию, понимаем, почему и как сложился характер этой "презлой фурии", как называет ее Правдин. Первое, что бросается в глаза, когда читаешь "Недоросль", или видишь постановку этой комедии, это — необычайная грубость г-жи Простаковой: первое действие начинается с того, что она бранит портного Тришку, называя его "скотом, воровской харей и болваном". Та же грубость видна в ее словах, обращенных к мужу, к брату. Но в обращении со слугами видна не только грубость, но и бесчеловечная жестокость. Узнав, что девка Палашка заболела, слегла и бредит, Простакова восклицает: "Ах, она, бестия! Лежит! Бредит, бестия! Как будто она бла-

городная!" — Тришку портного она велит мужу наказать за то, что, по ее мнению, кафтан, который он сшил Митрофану, плохо сидит. "Плуты! воры! мошенники! всех прибить до смерти!" — кричит она людям. Дурное обращение со слугами Простакова считает не только своим правом, но и своим долгом: "Все сама управляюсь, батюшка", говорит она Правдину, "с утра до вечера, как за язык повешена, рук не покладаю: то бранюсь, то дерусь, тем дом и держится!" Крепостных своих она совершенно разорила оброками и сама это говорит: "с тех пор, как все, что у крестьян было, мы обобрали, ничего уже содрать не можем". То же самое делает и брат ее, Скотинин, со своими крестьянами: "Сколько меня соседи ни обижали, сколько убытку ни делали", говорит он, "я ни на кого не бил челом: а всякий убыток, чем за ним ходить, сдеру со своих же крестьян, так и концы в воду".

Брат и сестра получили одинаковое воспитание, которым отчасти объясняется грубость их нравов. Простакова сама рассказывает, что их у отца было восемнадцать человек братьев и сестер, но, кроме нее с братом, все "примерли"; видно, что дети росли без всякого присмотра: "иных из бани мертвых вытащили; трое, похлебав молочка из медного котлика, скончались; двое о Святой с колокольни свалились; а достальные сами не стояли..." Детей дома ничему не учили. Отец сердился, когда "добрые люди" уговаривали его отдать сына в школу, и кричал: "прокляну ребенка, который что-нибудь переймет у басурманов, и не будь тот Скотинин, кто чему-нибудь учиться захочет". В разговоре с Стародумом, Простакова дорисовывает портрет своего отца: "Покойник батюшка", говорит она, "воеводою был пятнадцать лет, а с тем и скончаться изволил, что не умел грамоте, а умел достаточек нажить и сохранить. Челобитчиков принимал, бывало, всегда, сидя на железном сундуке. После всякого сундук отворит и что-нибудь положит". При этом он "эконом" великий был, другими словами, — скупой скряга; "покойник, свет", оканчивает Простакова свой рассказ, "лежа на сундуке с деньгами, умер, так сказать, с голоду". Пример такого отца и воспитание, данное им детям, отразилось на характере и взглядах Простаковой.

Однако, соглашаясь с отцом в том, что "без наук люди живут и жили", Простакова старается дать сыну своему Митрофанушке какое-то образование. Следуя требованиям времени, она даже сама говорит Митрофану: "век живи, век учись". Она понимает, что теперь без грамоты больших чинов не получишь. Поэтому семинарист Кутейкин уже третий год как учит Митрофана грамоте, отставной солдат Цыфиркин — арифметике, а немец Вральман, пользующийся в доме особым почетом, как иностранец, всем наукам. Простакова ничего не жалеет для того, чтобы вывести Митрофанушку в люди, но,

сама не понимая ничего в науках, она вмешивается в уроки, глупо мешает учителям делать свое дело и потакает лени Митрофана.

Безумная любовь Простаковой к сыну — единственная хорошая черта ее характера, хотя, по существу, это — примитивное, грубое чувство; сама Простакова сравнивает свою любовь к сыну с естественной привязанностью собаки к своему щенку. Но любовь к сыну, какая бы она ни была, занимает первое место во всех поступках и мыслях госпожи Простаковой. Митрофан — центр и смысл ее жизни. Ради него она готова совершить преступление, пытается увезти Софью и насильно обвенчать ее с Митрофаном. Поэтому, когда все ее злодеяния раскрыты, когда Правдин берет в опеку ее имение за бесчеловечное обращение с слугами и грозит отдать ее под суд, видя, что власть и сила у нее отняты, она бросается к своему обожаемому сыну: "Один ты остался у меня, мой сердечный друг, Митрофанушка!" — И когда Митрофан, в ответ на этот крик материнского сердца, грубо ее отталкивает: "Да отвяжись, матушка, как навязалась!" — она не выдерживает своего горя и со словами: "И ты! И ты меня бросаешь!" лишается чувств. В этот момент невольно становится жалко г-жу Простакову; автор сумел изобразить ее действительно, как живое лицо. Указывая на нее, Стародум говорит известные заключительные слова комедии: "Вот злонравия достойные плоды!"

Имя самого "Недоросля", Митрофанушки, стало нарицательным. Недорослями в те времена назывались дворянские дети, записанные с детства на службу, но по малолетству своему еще не начавшие служить. По указу императрицы Анны Иоанновны, дворянские дети имели право оставаться в недорослях до 20-ти лет.

Митрофану 16 лет. Это — здоровый малый, ленивый, грубый, избалованный матерью, которая потакает всем его дурным наклонностям. Он — достойный маменькин сынок. В грубости он ей не уступает; учитель его Цыфиркин говорит, что он "завсегда без дела лаяться изволит". Со своей няней Еремеевной, бесконечно ему преданной, он не только груб, но еще — бессердечен. Он подло грозит навести на нее гнев матери: "Еще слово молви, старая хрычевка, уж я те отделаю!" говорит он Еремеевне. "Я опять пожалуюсь матушке, так она тебе изволит дать таску по вчерашнему". Когда же Скотинин хочет его поколотить, он прячется за ту же бедную Еремеевну, — "мамушка, заслони меня", как самый подлый трус. Грубость и невежество Митрофана обнаруживаются во всей красе, когда, по просьбе матери, Стародум и Правдин испытывают его знания по всем наукам. — "Дверь", спрашивает Правдин, — "какое имя: существительное, или прилагательное? —

“Котора дверь? осведомляется Митрофан. “Эта — прилагательна”. — “Почему же?” — “Потому, что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще не навешана: так та покамест существительна”. Все, что говорит Митрофан, — глупо и как-то тупо. Однако, он твердо знает, чего ему хочется: — “час моей воли настал”, грубо говорит он матери: “не хочу учиться, хочу жениться”. Когда дело касается его выгоды, то, несмотря на свою глупость, он умеет хитрить. Так, подлаживаясь к матери, он говорит, что всю ночь видел во сне, будто она “изволит бить батюшку” и прибавляет: “так мне и жаль стало тебя, матушка, ты так устала, колотя батюшку”. Это — явная хитрость, т. к. настоящей любви к матери у Митрофана нет, он не способен ни на какое хорошее чувство; в этом он даже хуже своей матери. Вся черствость и полное бессердечие Митрофана обнаруживаются в последнем действии, когда он отталкивает обожающую его мать: “Отвяжись, матушка, как навязалась...”

Муж Простаковой, отец Митрофана, — робкий и безвольный человек, до того забитый и запуганный своей женой, что не имеет ни своих желаний, ни своих мнений. “При твоих глазах”, говорит он жене, “мои ничего не видят”.

Скотинин, брат Простаковой, — комическое лицо. Он изображен немного карикатурно со своей преувеличенной страстью к свиньям, которую он сам простодушно объясняет так: “Люди передо мною умничают, а между свиньями я сам всех умнее”. Он получил то же воспитание, что и сестра его, и так же груб, как и она: со свиньями обращается “не в пример лучше, нежели с людьми”; но во всей его фигуре есть какое-то комическое добродушие, происходящее, впрочем, от необычайной глупости. Его имя, так же, как имена других действующих лиц, подобраны автором в соответствии со свойствами их характеров или занятий.

Несколькими штрихами, но очень живо, изображены учителя Митрофана, отставной сержант Цыфиркин и семинарист Кутейкин. Цыфиркин обучает Митрофана арифметике, на что намекает его имя; это — честный старый солдат. Кутейкин рассказывает, что ушел из семинарии, не окончив курса: “убоюся бездны премудрости”. Он — совершенно невежественный человек; единственное, что осталось у него от пребывания в семинарии, это — манера употреблять часто церковнославянские выражения; притом же, Кутейкин—алчный и корыстолюбивый, “ненасытная душа”, как его характеризует Простакова. Имя учителя-немца — Вральман — очень удачно составлено из русского слова “враль” и немецкого “манн” (мужчина). В лице Вральмана Фонвизин показывает, какого рода учителя-иностранцы в те времена обучали дворянских детей “всем наукам”. Вральман долгое время был кучером: потеряв место,

он сделался учителем, только для того, чтобы не умереть с голоду. В доме Простаковых ему, в качестве иностранца, оказывают особый почет и предпочтение перед другими учителями. Он получает жалованья триста рублей в год, тогда как честный Цыфиркин должен получать всего десять. Простакова перечисляет все блага, которые Вральман получает у них в доме: "сажаем за стол с собою; белье его наши бабы моют; куда надобно — лошадь; за столом — стакан вина; на ночь — сальная свеча". Простакова довольна немцем: "он ребенка не неволит". Хитрый Вральман нашел прекрасный способ угождать госпоже, скрывая в то же время свое невежество: он не только сам ничему не учит Митрофанушку, но и другим учителям мешает заниматься с ним, потакая лени Митрофана, всячески восхваляя его перед обожающей матерью.

В лице Еремеевны, "мамы" Митрофана, Фонвизин впервые изобразил тип бесконечно преданного, самоотверженного крепостного слуги, который в русской литературе отразился в нескольких образах, мужских и женских. Савельич, в "Капитанской дочке", Евсеич, в "Детстве Багрова внука" Аксакова, Наталья Савишна — в "Детстве и отрочестве" Л. Толстого. В жизни тип этот всем известен в лице Пушкинской няни, Арины Родионовны. Да у скольких из нас с именем "няни" связано дорогое, любимое лицо... Удивительно, что самый тип этот встречается только в русской литературе, в русском народе!

Но Еремеевна — единственная из этой серии однородных типов, — совершенно несчастное, никем не оцененное существо: недаром она служит в доме Простаковых! За свою верную сорокалетнюю службу и любовь она получает только оскорбления, брань и побои. "Я не усердна Вам, матушка?" в слезах говорит она Простаковой, "уж, как больше служить, не знаешь... рада бы не токмо, что... живот не жалеешь... а все — неугодно". Цыфиркин и Кутейкин спрашивают ее, сколько она получает за свою службу? — "По пяти рублей в год, да по пяти пощечин на день", грустно отвечает Еремеевна. Даже ее питомец, Митрофанушка, грубит ей и оскорбляет ее.

Положительные лица комедии удались Фонвизину гораздо хуже: Правдин, Милон и Софья относятся к типу резонеров; все они говорят общим добродетельным языком и не отличаются никакими характерными чертами. Известно, что авторы ложно-классических пьес пользовались резонерами для того, чтобы высказывать собственные мысли и мнения. В "Недоросле" Фонвизин говорит, главным образом, устами Стародума, который, видимо, особенно ему симпатичен. Стародум выделяется среди других резонеров более простым и естественным языком; актер, исполняющий его роль, может с успехом изобразить живое лицо. Называя дядюшку Софьи Стародумом, Фонвизин хотел показать, что образ его мыслей отно-

сится не к современной ему екатерининской эпохе, а к старому петровскому веку. На самом деле, хотя Стародум и не одобряет многого в современном ему обществе, но отчасти сходится во взглядах и мнениях с самой Екатериной и с некоторыми современными философами. “Честный человек”, говорит Стародум”, “должен быть совершенно честный человек”, т. е., — должен обладать зараз всеми достоинствами. Замечательно его понимание значения и смысла дворянства. Обычно слово “дворянин” понимается в смысле — человек благородного происхождения. Стародум считает, что настоящий дворянин — тот, у кого мысли и поступки благородны, — “дворянин, недостойный быть дворянином, — подлее его ничего на свете не знаю!” восклицает он. Обязанность дворянина, прежде всего — служить, не для того, чтобы получать чины и награды, а потому, что “бесчестье — не делать ничего, когда есть столько дела: есть люди, которым помогать, есть отечество, которому служить!” Это — понятие, внушенное дворянам Петром Великим. Стародум, конечно, не одобрял “Указа о вольности дворянства” Петра III-го, тем более, что видел пример таких дворян, как Скотинин и Простакова, понимавших дворянскую вольность, как право безнаказанно предаваться произволу и жестоко обращаться со своими крестьянами. Фонвизин, устами Стародума, высказывает свои взгляды на обязанности царя, на вред придворной лести и вообще на придворную жизнь; говорит о семейной жизни, о супружеских отношениях и о воспитании детей; в этом последнем вопросе заметно влияние Руссо, взгляды императрицы Екатерины. Стародум ставит воспитание сердца, “добронравие”, выше ума, умственного развития.

В комедии “Недоросль” Фонвизин вполне подчиняется правилам ложно-классической теории, — соблюдает единство времени, места и действия, выводит резонеров, оттеняющих своей добродетелью злонравие других действующих лиц; — но в то же время в “Недоросле” впервые мы встречаемся с реализмом, автор художественно изображает настоящую реальную жизнь; действующие лица говорят простым разговорным языком; некоторые выражения, как, например: “мастерица указы толковать”, — “не хочу учиться, хочу жениться”, сделались поговорками.

Несколько лет после того, как была написана комедия “Недоросль”, Фонвизин хотел издать журнал под названием “Стародум, или друг честных людей”. В статьях, написанных для этого журнала, Фонвизин обличает те же общественные недостатки, которые изображаются в его комедиях. Тон его сатиры становится все более резким и беспощадным. Это не понравилось императрице Екатерине, которая считала, что сатира должна быть “в улыбательном роде”. Кроме того, в не-

которых статьях автор прямо осмеивает двор Екатерины и критикует некоторые взгляды и мнения самой императрицы. Все это повело к тому, что Екатерина запретила издание журнала.

В конце своей жизни, Фонвизин начал писать свою автобиографию, под заглавием "Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях". К сожалению, он не довел ее до конца, но все, что мы знаем о детстве и ранней юности писателя, описано им самим в этом произведении.

Как уже было сказано, Фонвизин совершил два заграничных путешествия, первое (в 1778-м году) — во Францию, второе (в 1784-м г.) — в Германию и Италию. Большой интерес представляют его письма из-за границы, написанные большею частью к сестре и к гр. Н. И. Панину. Писал он, особенно сестре, не для печати; это — простые семейные письма, в которых известия о здоровье, своем и жены, и разные домашние подробности перемешаны с описанием путешествия и дорожных впечатлений. Тем более поражают необыкновенная легкость языка этих писем, непосредственное остроумие, яркие, талантливые картины.

Во Франции Фонвизин с женой побывал во многих городах; некоторое время они жили в Монпелье, но больше всего времени провели в Париже.

В России Фонвизин привык ко всем удобствам и роскоши спокойной барской жизни. Поэтому неудивительно то, что при въезде во Францию первое впечатление его было — грязь на улицах французских городов, грязь и неудобство в гостиницах и на постоялых дворах, где ему приходилось останавливаться. Фонвизин — сатирик от природы, поэтому во всем, что он только ни встречает в жизни, он видит сперва отрицательную или смешную сторону. Признавая, что французы — "нация просвещенная, чувствительнейшая и человеколюбивая", он все же критикует и высмеивает эту нацию. По его словам, знаменитая французская вежливость заменяет добродетель и прикрывает пороки; легкость и изящество языка превратили разумную речь в болтливость. Французы ценят остроумие выше разума, причем "все остроумные люди на две части разделяются: те, которые не очень словоохотны и каких, однакоже, весьма мало, называются philosophes, а тем, которые врут неумолчно и каковы почти все, дается титул aimables".

Фонвизин говорит, что главные недостатки французов: невежество, легкомыслие и нравственная распущенность; по его словам, обман не считается дурным делом; все признают, что "обмануть не стыдно, но не обмануть — глупо".

Главная цель жизни французов — деньги и забавы. "Забава есть один предмет желаний. А так как на забавы потребны деньги, то на приобретение их употребляет он (француз) всю

остроту, которою природа его наделила". — "Корыстолюбие несказанно заразило все состояния, не исключая самих философов нынешнего века. В рассуждении денег не гнушаются и они человеческой слабости. Д'Аламберты, Дидероты в своем роде — такие же шарлатаны, каких видывал я всякий день на бульваре".

Фонвизин резко отзывается о французских писателях; он не видит светлой стороны философии XVIII-го века и судит о ней по невысоким нравам ее представителей. Только о Руссо говорит он с некоторым уважением; но с ним Фонвизину так и не удалось встретиться, так как Руссо, по его словам, "нелюдим и ни с кем не общается, зарылся в своей комнате, как медведь в берлоге".

Вольтера Фонвизин видел "и был свидетелем оказанных ему почестей". Вольтер присутствовал на первом представлении своей трагедии "Ирена или Алексей Комнин". Актеры и публика приветствовали его шумной овацией, "аплодировали ему многократно, с неописанным восторгом", а после представления "бесчисленное множество народа с факелами провожало его до самого дома, крича непрестанно: «Vive Voltaire!»

Французские ученые и писатели, узнав, что Фонвизин — «русский homme de lettres», — оказали ему большое почтение и внимание. Он побывал в Академии, был приглашен на собрание, называемое «Le rendez-vous de la Republique des lettres et des arts». — "Сам директор сего собрания", пишет Фонвизин, "у меня был, и комплиментам конца не было". На собрании наш писатель сидел близко от Вольтера "и не спускал глаз с его мощей".

То, что Фонвизин оценил во Франции больше всего и безусловно, это — театр. Он очень часто посещал театральные представления и с восхищением пишет об игре французских актеров.

Второе путешествие Фонвизин совершил в 1784 г.; на этот раз он объездил Германию и Италию. В Германии он побывал в Лейпциге, в Мемеле, Франкфурте (на Одере), Нюренберге. Немецкая опрятность, чистота улиц, чистота в домах, здоровые и вкусные кушанья очень ему понравились. В городах он осматривал все достопримечательности, музеи, картинные галлереи; в Нюренберге побывал в бедных "чердаках" художников, смотрел, как они работают.

В Лейпциге Фонвизин очень оценил устройство городских ванн и снова восхитился немецкой чистотой. Однако, сами немцы ему надоели; встретив в Лейпциге случайно русских мужиков с лошадьми, которые из Москвы привезли в Германию какого-то профессора-немца, он сейчас же с радостью нанял их для дальнейшего путешествия; немцы толпами собирались

и с удивлением показывали друг другу на бороду русского кучера Фонвизина.

Объехав всю Германию, Фонвизин вынес следующее заключение: “здесь во всем генерально хуже нашего”. — “У нас все лучше и мы больше люди, нежели немцы”.

Первое впечатление от Италии было неприятное, — грязь, вонь, мерзость, пишет Фонвизин. “Трое итальянцев в комнате нашумят больше 20-ти немцев”. После опрятных немецких гостиниц — “неизреченная мерзость, вонь и сырость” выгоняли его из итальянских трактиров. Фонвизин пишет, что в одном трактире в комнате, которая была лучшей, “такая грязь и мерзость, какой, конечно, у моего Скотинина в хлевах не бывает”.

Но неудобства жизни не мешали Фонвизину наслаждаться красотами Италии. Во всех итальянских городах он осматривал церкви, соборы, картины в музеях и частных домах, и был совершенно захвачен красотой всего виденного. Объехал он много итальянских городов; дольше всего останавливался в Риме, красота которого его поразила; письма из Рима пересыпаны восторженными восклицаниями. “Чем больше видим мы его (Рим), тем, кажется, больше смотреть остается”. Собор св. Петра Фонвизин называет “чудом”. Но великолепие католического богослужения не понравилось русскому писателю, он его находит театральным и считает, что наша архиерейская служба “несравненно почтеннее и величественнее”.

Среди неописуемой красоты и великолепия римских зданий, Фонвизина поражает невероятное количество нищих, убогих, калек, — тысячи бедняков, “которые не знают, что такое рубашка”.

Когда читаешь письма Фонвизина, невольно знакомишься с симпатичной личностью автора; вырастает крупная фигура нашего писателя, умного, живого человека, тонкого наблюдателя. Фонвизин интересовался решительно всем, вникал в жизнь страны, по которой путешествовал; общался с иностранцами, старался познакомиться со всем лучшим, что было в каждой стране, пополнял свое образование. Например, в Париже он слушал курс экспериментальной физики. Во время своего путешествия Фонвизин часто ходил на концерты и в театры. В Германии и, главное, — в Италии, он осматривал произведения искусства, глубоко переживая красоту живописи знаменитых художников. Восхищаясь истинной красотой, он все же везде видел недостатки, критиковал и вышучивал все дурное и смешное. За границей Фонвизин никогда не забывал России, не забывал, что он — русский; любовь его к родине как-то крепла в чужих краях. “Много приобрел я пользы от путешествия”, пишет он сестре, “выучился быть снисходительнее к тем недостаткам, которые оскорбляли меня в моем отечестве. Я увидел, что во всякой земле худого гораздо больше, нежели доброго; что

люди — везде люди; что умные люди везде редки, что дураков везде — изобильно и, словом, что наша нация не хуже ни которой, и что мы дома можем наслаждаться истинным счастьем, за которым нет нужды шататься в чужих краях".

Письма Фонвизина, благодаря их живости, остроумию и легкости языка, можно считать в числе его лучших произведений.

49.

И. Ф. Богданович.

Русская литература екатерининской эпохи отличается большим богатством и разнообразием. Встречаются самые различные образцы, самые различные формы литературного творчества. Рядом с такими крупнейшими писателями, как Фонвизин, Новиков и Державин, о котором будем говорить позднее, мы видим многих второстепенных писателей, пользовавшихся в свое время большим успехом. Для нас они интересны, как историческое явление в развитии нашей литературы; в их произведениях, которые не отличаются большой художественной ценностью, отражается современная им эпоха.

К числу таких писателей относятся Богданович, Херасков, Хемницер, Капнист и некоторые другие.

Поэма Богдановича, "Душенька", была очень популярна и пользовалась огромным успехом в свое время. Двор Екатерины, все общество екатерининской эпохи любило посмеяться, пошутить, повеселиться; легкая поэма Богдановича, написанная "в улыбательном роде", пришлась по вкусу. Во Франции в XVIII веке шутливые, легкие стихотворения такого рода встречаются в поэзии Вольтера, Парни и других поэтов.

Богданович писал, как бы шутя; он не гнался за литературной славой, не стеснял себя строгими рамками стихосложения. В первой же песне своей поэмы он заявляет:

«Люблю свободу я мою,
Не для похвал себе пою,
Но чтоб в часы прохлад, веселья и покоя
Приятно рассмеялась Хлоя».

Другими словами, он писал, чтобы развлекать, забавлять читателей. Поэма "Душенька" — вольная переделка повести "Les amours de Psyché" Лафонтэна, который в свою очередь заимствовал сюжет из романа латинского писателя Апулея "Золотой осел". "Psyche" по-гречески означает "душа"; Богданович нежно назвал ее — Душенька.

«У греков (царска дочь) Психея называлась,
У русских — Душенька она именовалась».

Содержание поэмы — следующее. Душенька — дочь какого-то сказочного царя. Оракул возвещает этому последнему, что Душенька должна выйти замуж за чудовище, и что ее надо отвезти на вершину необитаемой горы. Царь исполняет совет оракула и отвозит Душеньку на гору, где она должна остаться. Автор комически изображает прощанье отца с дочерью:

«И напоследок царь, согнутый скорбью в крюк,
Насильно вырван был у дочери из рук».

Душенька оказывается во владениях Амура, который женится на ней и окружает ее всевозможной сказочной роскошью, богатством, развлечениями; все это — под тем условием, что Душенька никогда не должна видеть своего супруга: он является к ней только в темноте.

Прелестно описывает Богданович саму Душеньку и ее волшебное окружение. Сама Душенька — очаровательна:

«Во всех ты, Душенька, нарядах хороша;
По образу ль какой царицы ты одета,
Пастушкою ли где сидишь у шалаша, —
Во всех ты — чудо света».

Волшебные прислужники окружают Душеньку, исполняя все ее желания. Кокетливая и шаловливая Душенька развлекается тем, что наряжается то в одно, то в другое платье:

«Угоден ли какой наряд,

спрашивают ее волшебные слуги,

И надобны ль тебе обновы?
Увидишь, что они готовы,
Что твой уже примечен взгляд,
И из твоей воздушной свиты
Зефир пришел тебе донесть,
Что все обновы были сшиты;
Когда прикажешь их принесть?»

Автор хотел бы описать подробно чудесные палаты, где живет Душенька,

«Где все пленяло взгляд
И было бесподобно;
Но всюду там умом
Я Душеньку встречаю,
Прельщаюсь, и потом
Палаты забываю».

Дворец Душеньки окружен чудесными садами, в которых можно встретить все чудеса природы, всю ее красоту. Чтобы забавить Душеньку, когда она отправлялась “побегать, погулять”, — “толпа к царевне слуг навстречу прилетала”, и каждый старался чем-нибудь ее развлечь. Прелестная царевна, окруженная своей воздушной свитой, гуляла по саду, где вечно сияло солнце, где круглый год было лето. Душистые цве-

ты, деревья, покрытые сочными фруктами, прозрачные ручьи, в которых плескались наяды, фонтаны, которые

« ... силились подняться в высоту,
Чтоб лучше видеть им царевны красоту,
Которую толпа окружных заслоняла;
И если Душенька вблизи от них гуляла,
Они стремились пасть с высот к ее ногам».

Развлекая царевну, прислужники показывают ей ожившие картины из истории, мифологии, сказок; перед ней проходят, рассказывая каждый свою историю,

«Богини, боги, феи,
Могучие богатыри
И славные цари».

Богданович не постеснялся для забавы Душеньки смешать в пестрой картине греческих богов, амуров и наяд с русскими богатырями и разными личностями из русских сказок; появляются Кощей бессмертный, баба-яга; во владениях Амура протекает молочная речка в кисельных берегах. Стиль не соблюден и не выдержан, но ведь все это писалось для забавы, в “улыбательном роде”.

Душенька любопытна, как все избалованные и хорошенькие девушки. Она не может долго подчиняться условию, поставленному ей супругом, хочет его непременно увидать, и однажды, когда он является к ней в темноте, она освещает его; в наказание Душенька лишается всего своего богатства и великолепия: она оказывается одна в бесплодной пустыне.

В древнем мифе, который послужил образцом Лафонтэну и Богдановичу, рассказывалось, что девушка, лишенная всех окружавших ее благ, — девушка, символически изображавшая душу, плакала и каялась; слезами она искупила свою вину и, в награду за раскаяние, вновь получила потерянное блаженство.

Душенька тоже начинает плакать, но ее горе и слезы не похожи на раскаяние, а скорее напоминают жалобы капризной модной щеголихи. Тем не менее, поэма благополучно заканчивается тем, что Душенька возвращается в свои великолепные чертоги и продолжает счастливо там жить.

Как уже было сказано, “Душенька” Богдановича пользовалась в свое время огромным успехом. Это объясняется не только забавным содержанием поэмы, которая в сущности лишена настоящей художественной ценности, но еще и той прелестной легкой формой, в которую ее облек Богданович. После тяжелых стихов Тредьяковского и напыщенных, трескучих фраз Сумарокова, с удовольствием читается легкий, изящный стих Богдановича. Сам образ Душеньки не выдержан и психологически не вполне логичен, но он — очарователен. Молодой Пуш-

кин несомненно был под влиянием Богдановича, создавая "Руслана и Людмилу". Образ Душеньки отражается в прелестном образе Людмилы.

50.

М. М. Херасков.
(1733-1807)

Михаил Матвеевич Херасков известен в русской литературе, как автор двух классических поэм, "Россиады" и "Владимира". В современном ему обществе Хераскова также знали, как директора московского университета и как одного из учредителей "Дружеского ученого общества", душой которого был Новиков. Имея известное положение в обществе, Херасков оказывал поддержку многим молодым писателям и ученым; он был человеком добрым, высоко нравственным, умным и образованным; но он не обладал настоящим литературным талантом, и хотя поэмы его были очень популярны в свое время и сыграли свою роль в истории русской литературы, они не имеют большой художественной ценности.

Героические поэмы, написанные в подражание "Илиаде" и "Одиссее" Гомера, а затем и "Энеиде" Виргилия, были очень популярны в XVIII-м веке. Почти во всех странах Европы известна какая-нибудь подобная поэма, название которой оканчивается часто, в подражание "Илиаде", на "ада": "Генриада" Вольтера во Франции, "Мессиада" Клопштока в Германии, "Луизиада" Камоэнса в Португалии, "Потерянный рай" Мильтона в Англии, "Освобожденный Иерусалим" Торквато Тассо в Италии. У нас — "Россиада" и "Владимир" Хераскова.

Обе поэмы написаны по всем классическим правилам, которые сводились к следующему: сюжетом поэмы должно быть какое-нибудь выдающееся историческое событие; автор начинал поэму традиционным словом "пою"..., объявляя читателям, кого и какое событие он будет воспевать; в поэме часто появлялся элемент чудесного, таинственного.

"Россиада" написана в 1779 г. В этой поэме Херасков воспевает взятие Казани Иоанном Грозным; событие это, конечно, — значительное в русской истории, но не достаточно крупное для того, чтобы служить сюжетом героической поэмы; Херасков преувеличивает его значение.

«Пою от варваров Россию свобожденну,
Попрану власть татар и гордость низложенну,
Движенье древних сил, труды, кроваву брань,
России торжество, разрушенну Казань».

Херасков идеализирует Иоанна Грозного, говоря только о его высоких душевных качествах, о перерождении царя под

благотворным влиянием Адашева; он забывает свирепую жестокость Иоанна; даже опричники, окружающие Грозного, идеализированы: автор называет их “цветом Иоаннова войска”. Элемент чудесного встречается в разных местах поэмы: старец Вассиан является к царю и показывает ему сперва души его предков, а затем — картины из будущего, до царствования Екатерины включительно; в другом месте описываются волшебные чары татарской царицы Сумбеки, которая вызывает адские силы для того, чтобы повредить русским; поднимаются ветры, начинается буря на Волге.

Херасков хотел высказать в своей поэме высокую мысль: добро всегда торжествует над злом, правда — над ложью; хотел он также выразить свою любовь к родине, свой горячий патриотизм; он говорит в предисловии к “Россиаде”, что эта поэма написана “для людей, умеющих чувствовать, любить свою отчизну”. И действительно, язык “Россиады”, тяжелый и высокопарный, достигает некоторой плавности и поэтической красоты в тех местах, где автор высказывает свои патриотические чувства.

Нам, людям XX-го века, “Россиада” кажется невозможно тяжеловесной и устаревшей; но в XVIII-м и XIX-м веке ее ценили: Тургенев в детстве увлекался Херасковым; забравшись в глушь сада, он зачитывался “Россиадой”, заучивал наизусть любимые места.

“Поэма “Владимир” написана в 1785 г., шестью годами позже “Россиады”. За это время Херасков вступил в масонский орден и весь проникся мистическими идеями масонства. Сюжет “Владимира”, крещение Руси, — событие очень важное в русской истории, выбран удачнее, чем сюжет “Россиады”. Но Херасков пользуется своей поэмой для того, чтобы высказать свои масонские взгляды и часто совсем отвлекается от темы. Автор хочет изобразить “странствование внимательного человека путем истины”, — “сокровенные чувствования души, с самой собой борющейся”. В поэме часто встречаются разные масонские фантастические верования. Так, например, где-то в пещере над Днепром князь Владимир видел необыкновенное явление: “душу серебра”, солнечные лучи, освободившиеся из металла, — намек на учение масонов о зарождении металлов из солнечных лучей. В другом месте Херасков говорит, что языческие жрецы ввели в Россию “черную”, а не “священную” магию, подразумевая, вероятно, под “священной” — масонскую магию. “Владимир” — слабее “Россиады”. Только в тех местах, где автор говорит о своих патриотических чувствах, он так же, как и в первой поэме, возвышается до истинной поэзии.

Херасков написал еще несколько торжественных од и стихотворений, среди которых известен гимн: "Коль славен наш Господь в Сионе".

51.

В. В. Капнист.
(1757-1829)

Василий Васильевич Капнист происходил из хорошей дворянской семьи Полтавской губернии. В молодости он служил в Преображенском, затем в Измайловском полку, потом перешел на гражданскую службу, был генеральным судьей и предводителем дворянства в Полтавской губернии. По делам своего имения ему пришлось однажды судиться с соседним помещиком, и он хорошо узнал, испытав на себе, всю судейскую неправду, волокиту и взяточничество. Капнист всегда увлекался театром. Уже в царствование Павла I написал он свою комедию "Ябеда", в которой он резко обличает неправосудие и взяточничество. Комедия создала Капнисту известность, но возбудила против него большое недовольство людей, чувствовавших себя задетыми его сатирой; по их проискам сначала цензура чинила Капнисту разные препятствия; потом те же недоброжелатели добились того, что постановка пьесы была на некоторое время запрещена.

В художественном отношении "Ябеда" стоит несравненно ниже "Недоросля" и даже "Бригадира", но по роду своей обличительной сатиры Капнист является прямым продолжателем Фонвизина.

Содержание "Ябеды" несложно: помещик Праволов, плут, "злой ябедник", хочет нечестным образом отнять у своего соседа Прямикова имение, подает на него в суд и подкупает всех членов Гражданской палаты, которая и решает дело в его пользу. Но в самый неожиданный момент, когда кажется, что неправда уже торжествует, все члены Гражданской палаты по распоряжению Сената отдаются под суд Уголовной Палаты за неправосудие и взяточничество, а Праволов арестован.

Для соблюдения традиции ложно-классической комедии, Капнист ввел в свою пьесу любовную интригу: добродетельный помещик Прямиков любит Софью, дочь председателя Палаты; но этот любовный элемент как-то совсем неуместен, к тому же все добродетельные лица комедии, резонеры, очерчены очень слабо и безлично.

Отрицательные типы изображены ярче, но крайне односторонне, в каждом выведена какая-нибудь одна черта характера или особенность. Всех чиновников однако объединяет общая страсть к взяткам и узаконенная ими нечестность. Кри-

восудов, "гражданский председатель, есть сущий истины Иуда и предатель", он

«И ошибкою дел прямо не вершил
И с кривды пошлиной карманы начинил».

Человек он притом слабовольный и во всем подчиняется своей властной и алчной жене; он взятки

«Хоть и сам всей пятерней берет,
Но вящую его супруга дань дерет».

Прокурор недаром носит фамилию Хватайко. О нем один из резонеров, Добров, говорит:

«... о, прокурор!
Чтоб в рифму Вам сказать, — существеннейший вор.
За праведный донос, за ложный он берет.
Не цапнет лишь того, чего не досягнет».

Во время именинного пира у Кривосудова, прокурор Хватайко поет песенку, им самим сочиненную, которую все чиновники радостно подхватывают:

«Бери, большой в том нет науки,
Бери что только можно взять,
На что ж привешаны нам руки,
Как не на то, чтобы брать!»

«Брать, брать, брать!»

хором подхватывают чиновники. В этой песенке сказывается весь цинизм взяточничества. Впоследствии Островский воспользовался этой песенкой Хватайко: в комедии "Доходное место" ее поет герой, Жадов. Остальные члены Гражданской Палаты имеют каждый свою особую страсть или слабость, на что и намекают их фамилии: пьяница Бульбулькин, Атуев — страстный охотник ("ату его, ату его!" — клич охотников, натравливающих собак на зверя), Паролькин — картежник, предлагающий во время заседания Палаты от скуки сыграть в карты; секретарь, Кохтин, — ловкий плут,

«Указы знает все, как пальцев пять своих,
Экстрактец сочинить без точек, запятых,
Подчистить протокол, иль лист прибавить смело,
Иль стибрить документ — его все это дело».

Все искусство секретаря состоит в том, чтобы уметь "подвести законы", т. е. разным толкованием законов и указов оправдать беззаконное решение дел. Из его разговора с председателем мы узнаем, на какие темные дела они пускались сообща. Вспоминается, например, какой-то документ, на котором секретарь, по приказанию председателя, "подскоблил", "подчистил" надпись об уплате векселя. В другом месте, когда во время заседания приходит очередь решить дело, которое уже три года лежит в Палате, Кривосудов восклицает:

«Пусть еще лежит три года смело»,

намекая при том, что это дело — бедного человека, который не может дать взятки. Когда все эти темные дела наконец открыты, и Сенат отдает всех членов Гражданской Палаты под суд Уголовной Палаты, чиновники чувствуют, что они пропали, погибли; но и тут является проблеск надежды спастись опять-таки неправдой, "кривым судом", так как

«С Уголовною Гражданская Палата
Ей-ей частехонько живет за панибрата».

В то же время Капист проводит ясно ту мысль, что верховный суд, Сенат, — всегда справедлив и карает неправосудие.

Содержание комедии "Ябеда", как уже было сказано, несложно и мало интересно; автор растянул его на традиционные пять действий, тогда как в сущности материала не больше, чем на три действия; это — один из недостатков комедии. Другой недостаток — одностороннее изображение действующих лиц. "Ябеда" написана стихами, но и поэтический язык Капниста тяжелее яркой Фонвизинской прозы. Несмотря на все эти недостатки, "Ябеда" пользовалась большим успехом в свое время, и Капнист несомненно сыграл немаловажную роль в истории русской литературы и русского театра.

52

Я. Б. Княжнин.
(1742-1791)

В конце XVIII-го века трагедии Княжнина пользовались успехом в русском театре, но литературными достоинствами они не обладали и скоро сошли со сцены. Пушкин, остроумно характеризуя писателей XVIII-го века, называет Княжнина "переимчивым" ("Евгений Онегин"). У Княжнина действительно нет ничего оригинального и, хотя действие его трагедий происходит в России, и герои носят русские имена ("Росслав", "Владимир и Ярополк" и др.), по содержанию и форме произведения его являются подражанием иностранным образцам. Временный успех трагедий Княжнина объясняется тем, что написаны они языком гораздо более легкими и естественным, чем напыщенные трагедии Сумарокова.

53.

И. И. Хемницер.
(1738-1784)

Из второстепенных писателей екатерининской эпохи самым выдающимся был несомненно Хемницер, писавший исключительно басни. Хемницер, по происхождению, — немец: отец его выехал из Саксонии при Петре Великом и служил в Рос-

сии врачем; но Хемницер не только прекрасно овладел русским языком, но изучил и ввел в свои басни самые настоящие простонародные русские выражения.

Хемницер написал всего около 100 басен, из которых 60 — оригинальных; остальные заимствованы им у немецкого писателя Геллерта и несколько — у Лафонтэна.

Самая известная басня Хемницера — "Метафизик"; известны также "Богач и бедный", "Лисица и сорока", "Чужая беда", "Чиж и соловей" и др. Басню "Чужая беда", можно привести, как образец употребления простонародного русского языка:

«Ужли чужой беде не должно помогать?
Мужик воз сена вез на рынок продавать.
Случился косогор; воз на бок повалился.
Мужик — ну воз приподымать,
И очень долго с возом бился,
Да видит, одному ему не совладать,
Прохожих в помощь призывает,
Того, другого умоляет;
Тот — мимо, и — другой,
Всяк про себя ворчит:
Да что-ста, воз — не мой, — чужой...
Услуга никогда в потерю не бывает».

Выражения "случился косогор", "ну воз приподымать", "да что — ста, воз — не мой", — чисто русские обороты речи; подобные выражения позднее встречаются в баснях Крылова.

В лучшей своей басне "Метафизик" Хемницер осмеивает педантизм молодых людей, вернувшихся в Россию из заграницы, где они оканчивали свое образование. Это — новый тип, появившийся немного позднее пети-мэтров. Нахватавшись в чужих странах "учености", но не усвоив ее, эти молодые педанты критиковали все в своем отечестве и, вместо того, чтобы показать на деле свои знания, пускались в отвлеченные и бесплодные рассуждения.

Такой педант описывается в басне "Метафизик". Рассказывается, что отец его

«решился
Детину за море послать,
Чтоб доброму он там понаучился,
Но сын глупее воротился.
. . . .
Бывало, с глупости он по-просту болтал,
Теперь все свысока без толку толковал;
Бывало, глупые его не понимали,
А ныне разуметь и умные не стали».

Этот молодой педант, "в метафизическом беснуясь размышленьи", старался истолковать происхождение самых про-

стых вещей, не требовавших никакого объяснения. Однажды, гуляя в поле со своим отцом, он оступился и упал в глубокую яму; отец его

«Скорее бросился веревку принести,
Премудрость изо рва на свет произвести».

Между тем, сидя в яме, ученый юноша размышлял, по какой причине он оступился и пытался объяснить свое падение “землетрясением”, “центральным влечением”, или “воздушным давлением”. Когда же отец, вернувшись, бросил ему в яму веревку со словами:

«. . . . . ухватися,
Я потащу тебя, держися» —

сын пустился в рассуждения о том, что веревка есть вещь простая, надобно выдумать специальное орудие для того, чтобы вытаскивать людей из ям. Отец возразил, что на это нужно время, тогда как веревка, — вот она, здесь. — “А что такое время?” — спросил педант, продолжая сидеть в яме. Отец потерял терпение:

«А время вещь такая,
Которую с глупцом не стану я терять.
Сиди, сказал отец, пока, приду опять».

54.

Г. Р. Державин.
(1743-1816)

Державин — самый выдающийся поэт екатерининской эпохи и всего XVIII-го века. Среди других писателей и поэтов своего времени, он возвышается, как гигант. Белинский*), разбирая его творчество, сказал: “Державин был первым живым глаголом юной поэзии русской”; “Державин — отец русских поэтов”.

Гавриил Романович Державин родился в 1743 году в небогатой дворянской семье. Род Державиных татарского происхождения, — предок Гавриила Романовича, мурза Багрим, выехал из Орды в Россию в XV-м веке, в княжение Василия Темного. Отца Державин потерял в раннем детстве. Мать его с детьми жила сперва в Оренбурге, потом в Казани. Учиться Державин начал в Оренбурге у ссыльного немца Розе. Из иностранных языков он и знал один только немецкий, которому выучился в детстве. Более последовательное образование будущего поэта началось в Казани, в только что открывшейся там гимназии. Но и там ученье было очень неважно поставлено. Державин сам впоследствии рассказывал о казанской гимназии: “нас учили тогда: вере — без катехизиса, язы-

*) В. Г. Белинский — известный русский критик XIX-го века.

кам — без грамматики, музыке — без нот". Но ему не удалось окончить Казанской гимназии, так как уже 19-ти лет (в 1762 году) он должен был поступить на военную службу, в Преображенский полк.

Мы видим, что, таким образом, образование Державин получил самое неудовлетворительное. Конечно, впоследствии он пополнил свои знания чтением, но все же можно сказать, что все то, чего он достиг в своем творчестве, было плодом его собственного, оригинального ума, сильной личности и огромного поэтического дара.

В звании нижнего чина Державин прослужил в Преображенском полку 10 лет. Тогда уже начали проявляться его литературные способности: в казармах он часто писал письма и прошения для солдат, а иногда и для офицеров, сочинял любовные послания в стихах, полковые песни, стишки; затем начал писать оды, в которых он подражал Ломоносову и Сумарокову, но уже тогда в его стихах встречались оригинальные черты его собственного творчества.

Не имея никаких связей, ни покровителей в высших сферах, Державин прослужил нижним чином целых 10 лет и только в 1773 году был произведен в офицеры.

Под начальством генерала Бибикова, он участвовал в усмирении Пугачевского бунта, — выказал свои служебные способности, большую расторопность и, по окончании бунта, был награжден поместьем в Белоруссии. После этого Державин перешел с военной службы на штатскую и поступил в Сенат. С этого момента началась его удачная и, можно сказать, головокружительная карьера. Но, несмотря на все свои многочисленные и разнообразные обязанности по службе, Державин в течение всей своей жизни никогда не оставлял литературных занятий, которые были для него необходимостью, потребностью его богатой и даровитой натуры.

Еще будучи офицером, Державин издал анонимно маленькую книжечку: "Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае".

В конце 70-х годов Державин сблизился с кружком молодых писателей, в числе которых были Львов*), Хемницер и Капнист. Все эти писатели были образованнее Державина и, хотя он был старше их всех, оказали большое влияние на его культурное и художественное развитие.

Служа в Сенате, Державин написал свою знаменитую оду "Фелица", в которой он воспевает Императрицу Екатерину; искренно и глубоко восхищаясь Императрицей, Державин писал свою оду просто для себя, не для распространения. Но через друзей Державина, ода эта попала в руки кн. Дашковой, бывшей в то время президентом Академии Наук и редактором

---

*) Н. Львов издал сборник народных песен.

журнала "Собеседник любителей российского слова"; ода была помещена в этом журнале без ведома автора. Екатерина, польщенная похвалами Державина, вызвала поэта во дворец и наградила его на память о "Фелице" золотой табакеркой с червонцами.

Вскоре после этого Державин был назначен сперва Олонецким, затем Тамбовским губернатором. Во всю свою жизнь, Державин отличался неуживчивым, прямым и трудным характером; он всегда ссорился и с начальниками и с подчиненными. Сам глубоко честный и прямолинейный, он требовал того же от своих сослуживцев; никогда не брал взяток и никому вокруг себя не позволял этого делать, высказывая самые неприятные истины прямо в лицо людям. Сослуживцы за это его не любили. Кончилось тем, что Державин, будучи Тамбовским губернатором, был отдан под суд Сената за "превышение власти и дерзость". Однако, Сенат оправдал его. В 1791 году Державин был назначен личным секретарем императрицы. Он уже тогда был известен, как поэт, и пользовался славой певца Екатерины. Но, после того, как Державин сделался статс-секретарем, лира его, воспевавшая Фелицу, умолкла; воспевал он императрицу издали, восхищаясь ее умом и мудрыми распоряжениями, но, познакомившись с ней как с человеком, узнав некоторые ее слабости, он изменил свое отношение к ней; благодаря своему трудному характеру, он начал постоянно ссориться с государыней, вмешивался во все ее дела, надоедал ей своей придирчивостью, честностью, так что Екатерина не знала, как от него отделаться и через два года назначила его сперва сенатором, а потом Президентом Коммерцколлегии. Это была почетная опала. Державин служил и при Павле I-м, но скоро поссорился с царем, так как он и ему говорил правду в глаза и часто бывал очень резок. Удивительно даже, как долго Павел, известный своей вспыльчивостью, терпел не менее вспыльчивого Державина. В конце концов, по указу царя, Державин был отставлен — "за непристойный ответ им учиненный".

При Александре I-м Державин был назначен первым министром юстиции, но и тут он неукротимо вел свою линию, ссорился с другими министрами и сенаторами и через год сам подал в отставку.

Последние 13 лет своей жизни он прожил на покое, зимой в Петербурге, в доме на Фонтанке, летом, в своем любимом имении "Званка", в Новгородской губернии.

Державин был женат два раза. Первая его жена, Екатерина Яковлевна, рожденная Бастидон, скончалась в 1794 году. Державин горячо любил свою "Пленилу", как он называл жену, и горько оплакивал ее смерть. Второй раз он женился уже в старости на Дарье Алексеевне Дьяковой, которую называл "Миленой".

В конце своей жизни Державин писал очень интересные “Записки”, в которых, кроме своей автобиографии, он оставил нам живую и пеструю бытовую картину эпохи XVIII-го века.

За год до смерти, Державин — знатный вельможа и прославленный поэт — был приглашен почетным гостем на публичный экзамен в Царскосельский Лицей. Во время экзамена словесности некоторые лицеисты читали перед ним наизусть его оды. Другие декламировали Хераскова, Сумарокова. И вот один из лицеистов, маленький, курчавый, пятнадцатилетний мальчик, прочел перед знаменитым поэтом свое собственное стихотворение, — “Воспоминание о Царском Селе”...

Это был Пушкин.

Волнительный, знаменательный момент, встреча великого и величайшего русского поэта, — прошлого и будущего России.

Державин был растроган. В юношеских, еще не самостоятельных стихах этого курчавого мальчика, он почуял искру великого гения, понял, что в России есть поэт. Сам Пушкин писал впоследствии: “Державин был в восхищении”. “Он меня требовал, хотел меня обнять”. Но Державину не удалось обнять юного поэта, так как Пушкин, взволнованный, смущенный, убежал из залы и куда-то спрятался...

Умер Державин в 1816 году в своем любимом имении “Званка”.

Державин — крупнейшее явление в русской литературе XVIII-го века. Он известен главным образом своими одами, кроме которых он оставил еще и чудесную лирику. Соблюдая как будто внешние формы классицизма, Державин в своих одах произвел целый поэтический переворот: он порывает с условными требованиями классицизма там, где они мешают его поэтическому творчеству. Так, например, в похвальные оды он вводит сатирический элемент, переходит от высокого торжественного слога к самому простому, иногда шутливому тону; употребляет простые слова, обыденные выражения, не соблюдая “высокого штиля”, которого строго придерживались Ломоносов, Сумароков.

Все это мы видим уже в оде “Фелица”, создавшей Державину известность.

Имя “Фелицы”, в которой Державин олицетворяет Императрицу Екатерину, взято из ее же сказки “О царевиче Хлоре” (гл. 46).

«Богоподобная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы

Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает:
Подай, найти ее, совет».

Так начинает Державин свою оду. Восхваляя Екатерину — Фелицу, он говорит о ее вкусах и образе жизни, сравнивая ее с окружающими ее вельможами, которых он называет "мурзами". Самого себя он тоже называет "мурзой", намекая на свое татарское происхождение; — но часто этот мурза, от лица которого будто написана ода, изображает одного из известных вельмож, — Потемкина, Орлова, Нарышкина, Вяземского; Державин беспощадно осмеивает их.

В противоположность своим вельможам, Екатерина любит простоту:

«Мурзам своим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом.
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь!

(намек на "Наказ" Екатерины).

Затем следуют портреты разных вельмож. Прекрасно изображен Потемкин, — "Великолепный князь Тавриды", с его огромными государственными замыслами, фантастической роскошью и богатыми пирами:

«А я, проспавши до полудня,
Курю табак и кофе пью;
Преобращая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю,

(намек на Византийский проект Потемкина)

То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом,
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол сребром и златом,
Где тысячи различных блюд,
Там славный окорок Вестфальский
Там звенья рыбы Астраханской,

Там плов и пироги стоят,
Шампанским вафли запиваю
И все на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат».

В этих двух строфах, изображающих Потемкина, мы видим пример того, как Державин, в похвальную оду, свободно вводил элемент сатиры, — шутливой, насмешливой. Здесь же мы видим употребление самых простых, обыденных слов. Что бы сказали Тредьяковский, Ломоносов, Сумароков, если бы они узнали, что в похвальной оде поэт будет говорить — об окороке, пирогах, вафлях и других вкусных, но прозаических вещах?

Дальше изображается гр. Орлов, с его страстью к псовой охоте, кулачным боям и другим бурным забавам; Нарышкин, устроивший у себя оркестр роговой музыки, с которым он любил ночью разъезжать на лодках. Более зло изображен кн. Вяземский, его наивные, домашние развлечения, простоватость и некультурность.

«То сидя дома, я прокажу,
Играю в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой:
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю,
За Библией зевая сплю».

Осмеяв таким образом вельмож, Державин продолжает восхвалять Фелицу за ее кротость и всепрощение:

«Едина ты лишь не обидишь
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного».

Затем он говорит о той свободе мысли и слова, которые Екатерина даровала своим подданным, называя это “неслыханным делом” и вспоминая при этом мрачные времена Анны Иоанновны; в светлом царстве Фелицы —

... «свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож...
И сажей не марают рож».

Заканчивает Державин свою оду, красивой витьеватой фразой в восточном вкусе:

«Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайших тока
И лицезренья насладжусь».

Екатерина, прочитав "Фелицу" и узнав портреты своих приближенных, разослала им экземпляры оды, подчеркнув каждому то, что к нему относилось. Кн. Вяземский, бывший тогда в Сенате прямым начальником Державина, не мог простить ему своего каррикатурного изображения и начал делать поэту разные неприятности по службе.

Многие другие вельможи, возмущаясь дерзостью Державина, или завидуя вниманию, оказанному ему Императрицей, называли его льстецом, воспевшим Фелицу только для того, чтобы выдвинуться.

В ответ на такие толки, желая оправдаться, Державин написал другую оду, "Видение Мурзы"; прекрасно изображена сама Фелица, которая "сошла со облаков" в светлом сумраке лунной ночи и предстала пред своим мурзой. Но не кроткое виденье увидел испуганный мурза:

«Как в гневе, иль в жару блеснув
Сапфиросветлыми очами»,

она упрекает мурзу-поэта в лести. В ее уста, Державин вкладывает возводимые на него обвинения, и пред ней, своей Фелицей, он смело защищается, оправдывается, говоря, что он —

. . . . «не из числа льстецов,
Что сердца (своего) товары
За деньги (он) не продает».

Похвалы его Фелице выражают самое искреннее восторженное восхищение ее делами:

«Я пел, пою и петь их буду; — говорит он:
— Как солнце, как луну поставлю
Твой образ будущим векам;
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой бессмертен буду сам!»

И действительно, Державин прославился, как певец Екатерины. Вознесенный ею на необычайную высоту, сделавшись сам вельможей, но сохраняя везде и всегда независимость, правдивость и горячность своего характера, он не мог простить другим, недостойным вельможам их эгоизма, роскоши и тщеславия.

В большой оде "Вельможа", он обличает эти недостатки некоторых высокопоставленных лиц. В оде "Фелица", сатира Державина шутливая, насмешливая; "Вельможа" служит примером сатиры негодующей, обличительной. Поэт говорит, что вельможами должны быть те:

«... которые собою сами
Сумели титлы заслужить
Похвальными себе делами;
Кого ни знатный род, ни сан,
Ни счастие не украшали;
Но кои доблестно снискали
Себе почтенье от граждан».

Не таковы современные вельможи: гоняясь за славой, честью и богатством, они не думают о пользе отечества, о благополучии подвластных им людей. Негодующий поэт сравнивает таких вельмож с "глыбой грязи позлащенной". Добиваясь высокого положения, сановники эти иногда и не способны справиться с возложенной на них ответственной работой:

«Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.
О, тщетно счастия рука
Против естественного чина
Безумца рядит в господина,
Или в шумиху дурака».

Не род, не знатное происхождение, или богатство должны отличать вельмож от других людей, а его душевные качества.

«Я князь, — коль мой сияет дух,
Владелец, — коль страстьми владею,
Болярин, — коль за всех болею,
Царю, закону, Церкви друг!»

Затем Державин изображает роскошную, эгоистическую жизнь вельможи, в котором не трудно узнать князя Потемкина.

«А ты, второй Сарданапал!
К чему стремишь всех мыслей беги?
На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и неги?
Чтоб пурпур, злато всюду взор
В твоих чертогах восхищали,
Картины в зеркалах дышали,
Мусия*), мрамор и фарфор?»

Поэт изображает обычное утро вельможи, который еще сладко нежится в постели, тогда как:

...«там израненный герой
Как лунь во бранях поседевший,
Начальник прежде бывший твой, —
В переднюю к тебе пришедший
Принять по службе твой приказ,
Меж челядью твоей златою,
Поникнув лавровой главою
Сидит и ждет тебя уж час.

А там вдова стоит в сенях
И горько слезы проливает

*) Мусия — мозаика.

С грудным младенцем на руках,
Покрова твоего желает.
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
В тебе его знав прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А там, на лестничный восход
Прибрел на костылях согбенный
Бесстрашный старый воин тот,
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти:
Он хочет руку ту простерти
Для хлеба от тебя куска».

Проснися, Сибарит, ты спишь,

восклицает Державин, —

Ты в сладкой неге дремлешь,
Несчастных голосу не внемлешь!»

Но в славном русском народе, его прошлом и настоящем, Державин видит и других вельмож, великих людей правдой и честью служащих своему отечеству. Последние три строфы оды посвящены Румянцеву, который в глазах поэта является образцом вождя, славным героем. Румянцев был в это время в опале, но это обстоятельство нимало не беспокоило Державина: он всегда независимо высказывал свои мнения и взгляды. Румянцев и Суворов, особенно последний, были любимыми героями Державина. Про Суворова, которого он воспел во многих одах и стихотворениях, поэт писал, что он "превосходней всех героев в свете был".

Потемкин изображен сперва в "Фелице", потом в "Вельможе"; о нем же говорится в оде "Водопад". Могущественный князь Потемкин, этот "второй Сарданапал", как его только что называл Державин, сыгравший такую громкую роль в царствование Екатерины, — умер внезапно, объезжая подвластный ему Крым, среди дороги; почувствовав себя плохо, Потемкин попросил остановить лошадей и положить себя на землю, где он и умер, в безлюдной степи, без помощи врачей, далеко от обычной роскоши и славы, окружавшей его всю жизнь. Этот контраст блестящей, великолепной жизни и одинокой, убогой смерти, поразил и вдохновил Державина. Смерть князя Потемкина он сравнивает с водопадом, который, низвергаясь с необычайной высоты, с шумом, грохотом, брызгами и пеной, исчезает в темной, неведомой бездне. Начинается ода с описания известного водопада Кивач (на реке Суне, недалеко от Петрозаводска). Державин посетил этот водопад, будучи Олонецким губернатором.

«Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу, бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Седая пена по брегам
Лежит буграми в дебрях темных;
Визг пил и стон мехов подъемных:
О, водопад! В твоем жерле
Все утопает в бездне, в мгле».

Любуясь этим страшным и великолепным зрелищем, поэт спрашивает себя:

«Не жизнь ли человеков нам
Сей водопад изображает?

После длинного рассуждения, он рисует картину смерти Потемкина:

«Чей труп, как на распутьи мгла,
Лежит на темном лоне нощи?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрывают очи,
Прижаты к хладной груди персты,
Уста безмолвствуют отверсты.

Чей одр — земля; кров — воздух синь;
Чертоги вкруг пустынны воды?
Не ты ли, счастья, славы сын,
Великолепный князь Тавриды,
Не ты ли с высоты честей*).
Внезапно пал среди степей?»

Изобразив грустную, одинокую смерть Потемкина, Державин восклицает:

«Где слава? — Где великолепье?
Где ты, о сильный человек?»

Ничтожество и беспомощность человека перед смертью поражают поэта. Эту мысль он развивает в одной из своих лучших од, “На смерть князя Мещерского”, о которой будет сказано ниже.

“Водопад” — одна из самых больших од Державина, — в ней много длиннот. Но картины природы и смерть “великолепного князя Тавриды” написаны сильными, яркими красками.

Державин любил вставлять в свои оды картины природы, украшая их необыкновенно смелыми и удачными олицетво-

*) Честей — почестей.

реньями и образами. Так, например, “Осень во время осады Очакова”, описана в ярких красках:

«Уже румяна осень носит
Снопы златые на гумно
И роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степям,
Шумящи, красножелты листья
Растлались всюду по тропам.

Запасшися крестьянин хлебом,
Ест добры щи и пиво пьет;
Обогащенный щедро небом
Блаженство дней своих поет».

Мирная, бытовая картина осени в деревне внезапно сменяется смелым, сказочным олицетвореньем зимы:

«Борей на Осень хмурит брови
И Зиму с Севера зовет:
Идет седая чародейка,
Косматым машет рукавом.
И снег и мраз и иней сыплет,
И воды претворяет в льды;
От хладного ее дыханья
Природы взор оцепенел.

Ушел олень на тундры мшисты,
И в логовище лег медведь,
По селам Нимфы голосисты
Престали в хороводах петь;
Дымятся серым дымом домы,
Поспешно едет путник в путь,
Небесный Марс оставил громы
И лег в туманы отдохнуть».

Державин, не смущаясь, называет русских крестьянских девушек Нимфами, упоминает Марса среди такой чисто русской картины зимы: в этом он отдает дань классицизму; зато как удачен образ Марса, отдыхающего в туманах.

А вот другая прекрасная картина зимы в оде, посвященной будущему императору Александру I-му (“На рожденье в Севере порфироносного Отрока”).

«С белыми Борей власами
И с седою бородой,
Потрясая небесами
Облака сжимал рукой;
Сыпал инеи пушисты,
И метели воздымал,

Налагая цепи льдисты,
Быстры воды оковал.
Вся природы содрогала
От лихого старика;
Землю в камень претворяла
Хладная его рука;
Убегали звери в норы,
Рыбы крылись в глубинах,
Петь не смели птичек хоры,
Пчелы прятались в дуплах;
Засыпали Нимфы с скуки
Средь пещер и камышей,
Согревать сатиры руки
Собирались вкруг огней».

В этой оде поэт высказывает свое пожелание родившемуся в зимнее время "порфироносному отроку", будущему царю:

«Будь страстей своих владетель,
Будь на троне человек!»

В соблюдении человеческого достоинства, в умении побеждать свои страсти Державин видит высший идеал царя.

Очень трудно разделить оды Державина по их содержанию на оды: похвальные, сатирические, философские, как это делают некоторые его исследователи; свободное творчество Державина не поддается строгому подразделению. Как уже было сказано, в его одах постоянно встречаются разные элементы: сатирический, рядом с торжественным, описания природы рядом с философскими рассуждениями.

Отдельно стоят две оды, чисто философского содержания, которые относятся к лучшим произведениям Державина; это ода: "На смерть князя Мещерского" и самая известная ода — "Бог".

В замечательной оде "На смерть князя Мещерского", Державин высказывает мысль, видимо угнетавшую его, — о неизбежности смерти, о ничтожестве и тленности человеческой жизни перед тайной гроба. Эта ода написана в 1783 году, за 10 лет до "Водопада", где эта мысль повторяется.

Державин часто бывал в богатом доме кн. Мещерского, любившего давать веселые, роскошные пиры. Внезапная смерть этого блестящего, веселого вельможи поразила поэта. Он писал свои вдохновенные строки, вероятно, под впечатлением унылого похоронного звона:

«Глагол времен! Металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет и к гробу приближает».

Сильными и мрачными красками рисует Державин картину смерти, перед которой ничто устоять не может; человек родится для того, чтобы умереть:

«без жалости все смерть разит».

Обращаясь к умершему, он восклицает:

«Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерский, ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился.
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? — Он там. — Где там? — Не знаем.
Мы только плачем и взываем:
О горе нам, рожденным в свет!»
«Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали
У всех там цепенеет кровь
И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит,
Где пиршеств раздавались клики,
Надгробные там воют лики,
И бледна смерть на всех глядит».

Смерть не щадит никого, ей должны покоряться: царь, вельможа, красота молодости, люди во цвете сил, на всех глядит она "и точит лезвее косы". "Смерть, трепет естества и страх!" Державин передает чувство беспомощности и трепетного ужаса перед неизбежностью смерти и ничтожностью жизни.

Только в самом конце, в последней строфе оды чувствуется, что смятенная душа поэта нашла какое-то разрешение, выход из хаоса нахлынувших мыслей; кончается ода утешительными словами, обращенными к другу Мещерского, Перфильеву:

«Жизнь есть небес мгновенный дар,
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар».

Державин всю свою жизнь был глубоко верующим человеком. В поражающих своей силой словах:

Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? — Он там. — Где там? — Не знаем» —

чувствуются внезапные сомнения мятущейся души, как бы отголосок скептицизма XVIII-го века. Но сомнения и колебания были несвойственны прямой, цельной натуре поэта, несвойственны его верующему сердцу. В знаменитой оде "Бог" мы видим поразительную глубину его религиозной мысли, вдохновенный религиозный подъем.

Оду "Бог" Державин начал писать в 1780 году, а окончил

лишь через четыре года. Он сам рассказал в своих "Записках", что первые строфы этой оды он написал в порыве вдохновения, ночью, вернувшись домой с пасхальной заутрени. Написав начало, он долго не мог окончить своей оды; наконец, уже в 1784 году, Державин решил уединиться для того, чтобы в тишине поработать над этим произведением; он уехал из Петербурга в Нарву и там, запершись ото всех в своей комнате, работал целую неделю над своей знаменитой одой. Закончил он ее, как и начал, ночью; во сне поэт увидал необычайный свет, осиявший его; проснувшись с чувством божественного откровения, посетившего его, он сразу, в слезах благодарности и любви к Богу, написал заключительные строки.

Первые строфы оды посвящены восхвалению различных свойств Божиих: бесконечности, троичности, вездесущия, неизмеримости, всемогущества, величия. Почти каждая строчка Державинской оды могла бы послужить темой целому богословскому трактату. Возвышенным поэтическим языком Державин поет хвалу Богу:

«О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех Лицах Божества.
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: — Бог.

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий,
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны
От света Твоего рожденны
Исследовать судеб Твоих:
Лишь мысль к Тебе взнестись дерзает,
В Твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг».

Затем Державин говорит о мире вещественном, сотворенном "единым словом" Божиим и вещающем о Его неизмеримом величии. Удивительно красивыми образами изображает он сотворение светил:

«Как искры сыплятся, стремятся,
Так солнцы от Тебя родятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,

Вратятся, зыблются, сияют:
Так звезды в безднах под Тобой».

И все же все эти "миллионы светил", проливающих по воле Божией свои животворящие лучи, — перед Богом — "как нощь пред днем". Как ничтожен весь мир по сравнению с величием Божиим!

«Как капля в море опущенна,
Вся твердь перед Тобой сия,
Но что мной зримая вселенна,
И что перед Тобою я!»

Здесь начинается как бы вторая часть оды. Изобразив по возможности величие Божие, Державин сознает ничтожество человека перед Богом:

«Я перед Тобой — ничто», говорит он.

Ничто! Но Ты во мне сияешь
Величеством Твоих доброт.
Во мне Себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод».

Да, в этом и заключается весь смысл человеческого существа: человек носит в себе образ Божий, отражает в себе лик Божий, — "как солнце в малой капле вод". Одно это сознание нашей духовной природы, нашего существования, утверждает в нас несомненную веру в бытие Божие.

Смело и как бы горделиво говорит поэт о том значении, которое он, человек, имеет в творении всей вселенной, говорит о свойствах человеческой природы, соединяющих в себе небесное и земное начало. Обращаясь к Богу, он говорит, что Творец поставил человека "в середине естества", там:

«Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных,
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь, — я раб; — я червь, — я Бог».

Но откуда же произошло это удивительное существо человеческое, повелевающее громам и дерзающее, живя "в прахе" на земле, рассуждать о самых возвышенных свойствах Божиих? "Сам собой (человек) быть не мог". На этот вопрос Державин отвечает словами, исполненными любви и благодарности к Богу:

«Твое созданье я, Создатель,
Твоей премудрости я тварь,

Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! — в бессмертие Твое.

Неизъяснимый, непостижный,
Я знаю, что души моей
Воображения бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славославить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить».

Эти чудные заключительные строфы звучат как хвалебный гимн Богу. В оде "Бог" Державин выразил свои самые возвышенные, сокровенные мысли, все лучшее, что было в его душе. Во всем произведении чувствуется необыкновенная стройность, планомерность и единство; трудно себе представить, что такое цельное произведение было написано с промежутком 4-х лет.

Ода "Бог" самая известная изо всех произведений Державина. Она переведена на множество иностранных языков; существует 15 переводов на один французский язык, 8 на немецкий; кроме того она переведена на: английский, голландский, шведский, итальянский, испанский, польский, чешский, латинский, ново-греческий и японский языки.

В творчестве Державина, кроме од, важное место занимает чудесная лирика, необыкновенно разнообразная по своему содержанию. Надо сказать, что главный элемент лирики, т. е. откровенное высказывание **своего** личного, — мы встречаем во всем творчестве Державина. Из его од и других стихотворений мы узнаем о всей его личной жизни: о преклонении его перед Екатериной, о столкновениях его с вельможами, о неприятностях по службе, — о любви к жене его, "Пленире", и семейном счастье с нею, о смерти Плениры и втором браке с "Миленой"; Державин вводит нас в привольную, спокойную жизнь в своей любимой Званке ("Евгению. Жизнь Званская"); кается в своих недостатках ("К самому себе"); говорит о своей старости и приближении смерти ("Уж я стою при мрачном гробе"; "Река времен"). На всем его творчестве лежит отпечаток его личности, — сильной, своеобразной, оригинальной и горячей.

В творчестве своем Державин любил прежде всего свободу; он не стеснял себя никакими рамками, никакими правилами. В лирических стихотворениях он испробовал всевозможные способы и формы стихосложения, в чем далеко опередил свой век. Так, например, в стихотворении "Соловей во сне", он создает настроение летней ночи и пения соловья сочетанием известных звуков; частым повторением "л" и открытых гласных "а" и "я" создается впечатление мягкости, неги, ласки; в сочетании свистящих "з", "с" и гортанных "к", "х" мы как бы слышим щелканье соловья; во всем стихотворении нет ни одной буквы "р", не соответствующей настроению ночи:

Соловей во сне.

«Я на холме спал высоком,
Слышал глас твой, Соловей,
Даже в самом сне глубоком
Внятен был душе моей:
То звучал, то отдавался,
То стенал, то усмехался
В слухе издалече он;
И в объятиях Калисты
Песни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкий сон».

Подобное звукоподражание, передача настроения звуками, мы встречаем позднее у Пушкина (описание Полтавского боя в "Полтаве"), в некоторых стихотворениях Лермонтова, и уже в XX-м веке у поэтов-символистов.

Державин нарушал ритм стихотворения, когда этого требовало его художественное чутье, так же, как поэты XX-го века, которые узаконили свободное нарушение ритма. Например, в стихотворении "Ласточка", посвященном жене его, Пленире, Державин сознательно нарушает дактиль, которым написано начало стихотворения; неровность ударений, перебивающих размер и ритм стиха, необыкновенно удачно передает быстрый, неровный полет ласточки.

«О, домовитая Ласточка!
О, милосизая птичка!
Грудь краснобела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя поешь,
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
В нем смелые круги даешь;

Иль стелешься долу, несешься,
Иль в небе простряся плывешь.
. . . .
Ты часто, как молния реешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успеешь
Невидимы видеть следы»... и т. д.

В этих прелестных стихах действительно чувствуется легкий, порывистый полет ласточки. Многие поэты и критики возмущались вольным обращением Державина с правилами стихосложения, возмущались нарушением ритма, как, например, в этих двух очаровательных строчках:

«Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь»,

— которые не поддаются правильному размеру. Но художественное чутье Державина подсказывало ему, что именно так, а не иначе передаются движения ласточки, оживает в стихах "милосизая птичка".

Даже Пушкин, правда молодой Пушкин, возмущался этими вольностями Державина и ставил его, как поэта, ниже Ломоносова. — "Этот чудак", писал Пушкин про Державина своему другу Дельвигу (1825 г., Михайловское), "не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка. Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии, — ни даже о правилах стихосложения". Дальше Пушкин пишет, что гений Державина "думал по-татарски, а русской грамоты не знал за недосугом". В безграмотности Пушкин обвиняет Державина на том основании, что он не церемонился со склонениями и спряжениями, так же, как не церемонился и с правилами стихосложения: когда ему было удобно, оставлял существительное в именительном падеже, тогда как требовался родительный или предложный. — "Сын время, случая, судьбины" ("На счастие"), — пишет он, вместо: "сын времени". — "В водах и пламе" ("Осень во время осады Очакова"), вместо: "в водах и пламени". Если Державину требовалось сократить слишком длинное слово, он и перед этим не останавливался: — "Целуя раскрасневши щеки", пишет он "Львову"), вместо: "раскрасневшиеся"; или "кравы", вместо "коровы": он слушает "в кустах свист соловьев, рев крав" ("Евгению, Жизнь Званская"). Не стеснялся Державин и с рифмами, — явление это мы встречаем так же у поэтов XX-го века; у него рифмуют: "потемки — Потемкин", "быстроногий — роги", "весь — песнь", "неизмерны — бездны" и т. д.

Кроме такой неточной рифмовки, Державину свойственно вставлять в свою поэзию самые непоэтические, простонародные выражения и обороты. В том же стихотворении "Ласточка" мы видим простонародное выражение "туды и сюды", — вместо "туда и сюда".

Державин любил в своих одах рассказывать об обедах и разных вкусных блюдах. В длинном стихотворении "Евгению. Жизнь Званская" он описывает вкусные блюда деревенского обеда:

«Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и с голубым пером
Там щука пестрая — прекрасны».

Дальше, еще более прозаично он рассказывает о том, как проводит время после обеда: — "Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток". И гостя своего приглашает ("К гостю"): "Вздремли после стола немножко, приятно часик похрапеть".

Будучи по существу все же классиком, Державин впервые ввел в поэзию черты подлинного реализма. Нас поражает суровая и строгая критика Пушкина. Но тот же Пушкин дает и оценку Державина все в том же письме к Дельвигу:

— "Что ж в нем", пишет он: "мысли, картины и движения истинно поэтические"*). И ниже: "Державин, современем переведенный, изумит Европу". В последние годы своей жизни Пушкин глубже оценил творчество Державина и считал его своим предшественником.

Сам Державин дал оценку всего своего творчества в прекрасной оде "Памятник":

Памятник.

«Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! — Весь я не умру: но часть меня большая
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь Славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.

---

*) Подчеркнуто самим Пушкиным.

О, Муза! Возгордись заслугой справедливой
И презрит кто тебя, сама тех презирай.
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей бессмертия венчай».

Какое величие, какое торжественное сознание своего таланта и исполненного жизненного долга высказано в этом стихотворении!

"Памятник" — произведение не совсем самостоятельное; Державин заимствовал мысль у Горация и написал свое стихотворение в подражание его оде "К Мельпомене". Однако, есть значительная и существенная разница в этих двух произведениях: Гораций говорит, что известность и славу он заслужил тем, что был великим поэтом и хорошо пел; Державин считает, что ценность и смысл его творчества заключается в том, что он всю жизнь свою служил П р а в д е.

Конец первой части.

ЧАСТЬ II-ая

Общий обзор литературных направлений до Пушкина

ВВЕДЕНИЕ

С Державиным заканчивается обзор писателей екатерининской эпохи. Раньше, чем перейти к следующему периоду, необходимо сделать вкратце общий обзор литературных течений и направлений от начала письменности в России до Пушкина.

Письменность, начавшаяся на Руси вместе с христианством в самом конце X-го века, носила сперва чисто духовный характер и была главным образом переводная*) Но уже в XI-ом веке появились самостоятельные произведения, — жития, поучения, — а в XII-ом веке замечается уже богатый расцвет самобытной литературы, носившей иногда и светский характер, но всегда проникнутой глубоким религиозным духом. К XII-му веку относятся сокровища нашей древней литературы, как «Повесть временных лет», «Поучение Владимира Мономаха», «Хождение игумена Даниила в святую землю» и выдающееся произведение дружинной поэзии, «Слово о Полку Игореве».

Развитие нашей литературы, временно приостановленное в период татарского ига, продолжается и особенно усиливается в XV-ом веке с возвышением Москвы.

До XVI-го века литература наша носит чисто национальный, самобытный характер.

В XVI-ом веке с Запада проникает в Киев через юго-западные области России, граничащие с Польшей, схоластическое направление**), распространяется и на Московскую Русь и надолго накладывает свой тяжелый отпечаток на русскую литературу. Кроме некоторых житий святых и популярных народных повестей, литература подчиняется стеснительным и сухим требованиям схоластики.

В петровскую эпоху в нашей литературе начинается новое на-

*) См. часть I-ую, главу 18.
**) См. часть I-ую, главу 33.

правление. Литература теряет свой чисто-национальный, самобытный характер, становится подражательной; только благодаря таланту отдельных выдающихся писателей литературные произведения этого периода интересны и значительны.

Петр Великий, порывая со старыми формами и традициями русской жизни, властно облек Россию в западную одежду. Отвергая самобытную красоту древней русской культуры, он хотел подчинить ее западной европейской цивилизации, привить западно-европейскую культуру.

Тяжелый язык петровской эпохи отличается множеством иностранных слов, большей частью технических, встречающихся наряду с чисто славянскими словами и оборотами речи.

Как уже было сказано, литература становится подражательной. За образец берется Западная, — главным образом французская литература; в эту эпоху на Западе царствовало классическое направление, увлечение древне-греческой литературой, подражание греческим писателям. Классическое западное направление переходит в Россию. У нас оно называется также классическим, но чаще псевдоклассическим или ложно-классическим, так как наши писатели подражали западным авторам и только через них — древне-греческим классикам. Русские писатели XVIII-го века главными авторитетами своими считали Буало («L'art poétique»), Корнеля, Расина, Вольтера и других французских писателей. Представителями ложно-классического направления в русской литературе являются: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Фонвизин, Державин и другие. Несмотря на стеснительные правила теории ложного классицизма, русская литература обогащается талантливыми произведениями этих авторов.

Каковы же отличительные черты ложно-классического направления? Сюжетом для своих произведений авторы должны были выбирать какое-нибудь значительное событие, носящее исторический или героический характер; главными действующими лицами являлись не простые смертные, а выдающиеся, героические личности; изображались сильные душевные переживания. Литературными формами ложно-классического периода были: ода, сатира, эпопея, трагедия и комедия.

Самыми талантливыми произведениями русской литературы в екатерининскую эпоху являются оды Державина, комедии Фонвизина.

Сентиментальное направление в литературе, или, как его называют, **сентиментализм**, появившийся в России а самом конце XVIII-го века, является реакцией и как бы протестом против ложного классицизма. Главные представители этого направления в России — Карамзин и Дмитриев. Сентиментализм появился в Европе, как противовес французскому рационализму (Вольтер). Зарождается сентиментальное направление в Англии, затем распространяется в Германии, Франции и проникает в Россию.

В противовес ложно-классической школе авторы этого направления выбирают сюжеты из обыкновенной, будничной жизни, героями — людей простых, среднего или низшего сословия. Интерес сентиментальных произведений заключается не в описании исторических событий или героических выступлений героев, а в психологическом анализе их переживаний и чувств в обстановке повседневной жизни. Авторы задавались целью разжалобить читателя, показывая глубокие и трогательные переживания простых, незаметных людей, привлекая внимание на их грустную, часто драматическую судьбу.

От постоянного описания переживаний и чувств героев у авторов этого направления развился **культ чувства,** — от этого и произошло название всего направления (чувство — sentiment), **сентиментализм.** Наряду с культом чувства развивается **культ природы**, появляются описания картин природы, располагающей душу к чувствительным размышлениям.

Выбирая героев из низкой среды, авторы старались приблизиться к простому, народному языку, обращали внимание на характерные черты простонародной жизни. Отсюда интерес и стремление к народности, типичный для этого периода.

В литературе сентиментализм выражается главным образом в форме чувствительных романов, сентиментальных путешествий и так называемых мещанских драм; в поэзии, — в элегиях. Первым автором сентиментальных романов был английский писатель Ричардсон. Его романами, «Чарльз Грандисон», «Кларисса Гарлоу» зачитывалась Пушкинская Татьяна. В этих романах выведены типы простых, чувствительных героев и героинь и рядом с ними яркие типы злодеев, оттеняющих их добродетель. Недостаток этих романов — их необыкновенная растянутость; в романе «Кларисса Гарлоу» — 4.000 страниц! (Полное название этого произведения в русском переводе: «Достопримечательная жизнь девицы Клариссы Гарлов, истинная повесть»). В Англии первым автором так называемых сентиментальных путешествий был Стерн. Он написал «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии»; в этом произведении внимание обращается главным образом на переживания и чувства героя в связи с местами, по которым он проезжает. В России Карамзин написал свои «Письма русского путешественника» под влиянием Стерна.

Мещанские драмы, прозванные «Слезными комедиями» (Comédies larmoyantes), появившиеся тоже сперва в Англии, распространились в Германии и Франции и появились в переводах в России. Еще в начале царствования Екатерины Великой в Москве была поставлена пьеса Бомарше «Евгений», в переводе Пушникова. Сумароков, убежденный сторонник ложно-классического направления, негодовал на постановку этой «слезной комедии» и искал сочувствия и поддержки Вольтера (см. главу 45-ю).

В поэзии, как уже было сказано, сентиментализм выразился главным образом в элегиях. Это — лирические стихотворения и раз-

мышления, чаще всего грустные. «Чувствительность», грусть, меланхолия, — вот главные отличительные черты сентиментальных элегий. Авторы элегий часто описывали ночь, лунный свет, кладбище, — все, что могло создать таинственную, мечтательную атмосферу, соответствовавшую их чувствам. В Англии одним из самых известных поэтов сентиментализма был Грей, написавший «Сельское кладбище», которое впоследствии так удачно было переведено Жуковским.

Сентиментализм в литературе, постепенно развиваясь, незаметно переходит в романтизм. Мировоззрение Жан-Жака Руссо, известного французского писателя и мыслителя, оказало огромное влияние на авторов как сентиментального, так и романтического направления во многих странах Европы. Педагогическими идеями Руссо увлекалась еще Екатерина Великая (см. часть І-ю, гл. 46-ю); влияние его в России распространяется даже до второй половины XIX-го века и сказывается в некоторых произведениях Л. Толстого.

В Европе влияние Руссо отразилось несомненно на ранних произведениях Гёте («Вертер»), Шиллера («Братья разбойники»), отразилось и на Байроне и на всем так называемом «байронизме». Культ природы у Руссо возрастает и переходит в отрицание всего того, что **не** природа, т. е. в отрицание всякой культуры и цивилизации. Культ чувства в романтизме развивается и переходит в культ личности, индивидуализм. Развитие индивидуализма, культ собственного «я» (байронизм) ведет к культу сильной героической личности. Но героические личности романтического периода отличаются от героев ложно-классической эпохи; в романтизме главный центр внимания обращен на внутренние переживания, борьбу чувств героев, стоящих как бы выше общей человеческой среды. Часто этих героев окружают таинственные, иногда мистические явления, создающие подходящую атмосферу для романтических переживаний. В поэзии романтизм выразился главным образом в **балладах**, стихотворениях, в которых описываются необыкновенные, часто таинственные происшествия и переживания.

Впервые баллада проявилась в Германии (Бюргер — «Ленора», Шиллер — «Кубок», «Перчатка» и др., Гёте — «Лесной царь»); Жуковский, главный представитель романтизма в России, переводит множество западных баллад и создает собственные, оригинальные.

Как сентиментализм, так и романтизм недолго продержались в России, будучи по существу чужды русскому духу. Еще во время господства романтизма замечается новая **вспышка классицизма**, вызванная протестом против крайностей романтизма. Но это позднее классическое направление в России сильно отличается от ложнаго классицизма. Представители его, — Батюшков, Гнедич, — были под непосредственным влиянием античной, греческой литературы.

Крупнейшие русские писатели, — Грибоедов и Крылов, были оба сторонниками классического направления, но в их произведениях мы уже встречаем черты самого подлинного реализма. Не-

смотря на этот талантливый реализм, Грибоедов еще не освободился от условных форм и требований классицизма.

И только Пушкин, наш самый великий поэт, окончательно освободился от всяких литературных условностей и положил начало самобытного русского творчества.

Пушкина мы можем считать как бы отцом русской национальной литературы.

I.

Н. М. Карамзин (1766 г. — 1826 г.)

Карамзин в русской литературе является, во-первых, представителем сентиментализма, создателем сентиментальных писем и повестей; во-вторых, он известен как историк, автор обширной "Истории Государства Российского". Кроме этого Карамзин сыграл большую роль в преобразовании и развитии русского литературного языка.

Николай Михайлович Карамзин происходил из старой дворянской семьи; родился он в 1766 году в имении своего отца, на Волге, недалеко от Симбирска. Мать он потерял в раннем детстве, но помнил ее, — и унаследовал от нее, как он сам выразился в одном стихотворении, ее "тихий нрав". Красота природы, широкие заволжские дали, уединение, "тихий нрав" — все это развило в душе мальчика мечтательность, чувствительность. К этому прибавилось раннее чтение сентиментальных романов, которые он нашел в библиотеке отца. Впоследствии Карамзин описал свое детство в повести "Рыцарь нашего времени". В лице "маленького Леона" он изображает самого себя и в довольно слащавых выражениях, типичных для писателя сентиментального направления, говорит о том, какую пользу принесло ему чтение чувствительных романов: "В нежной Леоновой душе неприметным образом, но буквами неизгладимыми, начерталось следствие: итак, любезность и добродетель одно! итак, зло безобразно и гнусно! итак, добродетель всегда побеждает, а злодей гибнет!"

Двенадцати лет Карамзина отдали в известный тогда в Москве пансион профессора Шадена. В пансионе Карамзин хорошо изучил французский и немецкий языки, увлекался чтением иностранной литературы уже в оригиналах, а не в переводе; профессор Шаден сам преподавал нравственную философию и умел возбуждать интерес в своих учениках. К сожалению Карамзин меньше 4-х лет провел в пансионе и впоследствии должен был чтением пополнять недостатки своего обра-

зования. Пятнадцати лет он переехал из Москвы в Петербург и поступил на военную службу в Преображенский полк. В Петербурге Карамзин подружился с И. И. Дмитриевым, тоже будущим писателем сентименталистом; к этому времени можно отнести начало его литературной деятельности.

После смерти своего отца Николай Михайлович вышел в отставку, вернулся в родное имение под Симбирском и здесь провел некоторое время, ведя веселую светскую жизнь, совсем несвойственную его натуре. Симбирское светское общество, игра в карты, визиты, любезные светские разговоры, дамы, — вероятно, довольно провинциальные, — все это развлекало молодого человека, но не питало его душу. В то время в Симбирск приехал И. П. Тургенев, известный масон и друг Новикова. Познакомившись с Карамзиным и оценив его ум и способности, Тургенев убедил его переехать в Москву и заняться серьезной деятельностью.

В Москве Карамзин познакомился с Новиковым и его кружком и вошел в "Дружеское общество"*). Но, несмотря на свою молодость, Карамзин проявил большую духовную самостоятельность: за 4 года жизни в Москве и постоянного сношения с членами Новиковского кружка, Карамзин не поддался масонскому влиянию и, принимая живое участие в просветительной работе "Дружеского общества", держался в то же время в стороне от масонской деятельности.

Вместе с большим своим другом, Петровым, очень образованным молодым человеком, Карамзин принял участие в редакции журнала "Детское чтение", для которого сам писал и переводил с немецкого и французского (Mme de Genlis). Работа в переводческой семинарии, созданной Новиковым, была очень полезна для Карамзина; он выработал стиль, вполне овладел литературным языком. К этому времени относятся его переводы из Лессинга, Геллера, а также перевод "Юлия Цезаря" Шекспира. Увлечение Шекспиром было одной из характерных черт западных писателей той эпохи, оно было как бы противовесом французской рационалистической философии. Культ Шекспира передал Карамзину немецкий поэт Ленц, бывший в юности другом Гете, живший тогда в России, где он и умер.

В 1789 году Карамзин предпринял заграничное путешествие в Германию, Швейцарию, Францию и Англию. Путешествие это длилось 1½ года и было как бы завершением образования Карамзина; он познакомился с европейскими странами, которые знал до тех пор только из книг или по рассказам друзей, главным образом Ленца. Во время своего путешествия Карамзин вел дневник, который послужил материалом

---

*) См. часть I-ую, главу 47-ую.

для первого его крупного произведения "Писем русского путешественника".

Вернувшись в 1791 году в Москву, Карамзин занялся изданием "Московского журнала" (1791-92 гг.), в котором и были напечатаны его "Письма русского путешественника", и сентиментальные повести, "Бедная Лиза", "Марфа Посадница", "Наталья, боярская дочь". Но журнал выходил всего два года, Карамзин должен был прекратить его издание, так как он не окупал себя. Во время царствования Павла I-го невозможно было возобновить издательство журнала из-за строгости цензуры и только со вступлением на престол Александра I-го, в 1802 году Карамзин вновь выпустил журнал под названием "Вестник Европы"; в этом журнале большой отдел был посвящен литературной критике, а также и политическим статьям. Несмотря на свой серьезный характер журнал имел большой успех, но через два года Карамзин передал его в другие руки для того, чтобы всецело отдаться работе по истории. Он отказался от двух очень интересных предложений харьковского и дерптского университетов, приглашавших его занять кафедру истории, поселился в Москве, где и провел 12 лет, работая над созданием своей "Истории Государства Российского".

Интерес к русской истории проявился у Карамзина уже давно. Еще в "Письмах русского путешественника" часто встречаются исторические размышления и рассуждения. Государь Александр I-й узнал о намерении Карамзина писать русскую историю, назначил ему ежегодную пенсию, дал титул "государственного историографа" и открыл ему свободный доступ в государственные архивы и библиотеки.

В Москве Карамзин жил очень уединенно, выезжал только изредка в некоторые монастыри, где он разыскивал древние рукописи. Один раз, в 1811 году, Карамзин ездил в Тверь, где он был лично представлен Государю Александру I-му и подал ему "Записку о древней и новой России", в которой высказывал свои исторические и отчасти политические взгляды. Критикуя либеральные взгляды и начинания молодого царя, Карамзин высказывает свою приверженность к неограниченной монархии, доказывает ее необходимость для России. Высказывая свое мнение относительно реформ Петра Великого, которого в "Записках русского путешественника" он очень превозносит, в "Записке о древней и новой России" Карамзин, после долгого изучения русской истории, критикует Петра, который в своих реформах совершенно пренебрегал национальными ценностями русской культуры и старался привить русскому народу западную цивилизацию. Зная, что Государь Александр I-й во многом не согласен с его взглядами, Карамзин все же смело отстаивал свое мнение.

В 1816 году были окончены 8 томов "Истории Государства

Российского". Карамзин переселился в Петербург и в течение двух лет лично следил за печатанием своей "Истории". Государь назначил ему субсидию в 60.000 рублей для издательства и наградил орденом св. Анны I-й степени.

"История" Карамзина вышла из печати в 1818 году в очень удачный момент, когда после окончания отечественной войны, после Венского конгресса, в русском обществе особенно чувствовался национальный патриотический подъем. "История" имела огромный успех: в 25 дней разошлось все издание. 3.000 экземпляров.

Молодой Пушкин, который в это время только недавно окончил лицей и поправлялся от болезни, писал в своих заметках: "Первые 8 томов Русской истории Карамзина вышли в свет; я прочел их в своей постели с жадностью и со вниманием... Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом". Действительно, в то время общество мало знало русскую историю, Карамзин впервые пробудил в читающей публике интерес к родной старине.

Ободренный таким успехом, Карамзин решил продолжать свой труд. Государь предоставил ему один из дворцовых флигелей в Царском Селе, где он проводил лето со своей семьей. Здесь, гуляя в парке, он часто встречался с Государем, запросто с ним беседовал и горячо к нему привязался.

К 1825 году были готовы к изданию еще 3 тома "Истории". Конец царствования Александра I-го, восстание декабристов сильно потрясли Карамзина и повлияли на его здоровье, расшатанное усиленным, напряженным трудом. Государь Николай I-й, ценя заслуги историографа, предложил ему поехать за границу для поправления здоровья, предоставил ему фрегат, который должен был доставить его до Марселя, и назначил ему пожизненную пенсию. Но Карамзину не удалось воспользоваться этим предложением Государя, здоровье его все ухудшалось и он скончался в мае 1826 года; он погребен в Александро-Невской лавре.

12-й том "Истории" вышел в свет уже после смерти писателя.

В 1855 году в Симбирске, родном городе Карамзина, ему был поставлен памятник.

Как уже было сказано, Карамзин в русской литературе является представителем сентиментализма, появившегося на смену ложного классицизма.

Сентиментализм Карамзина проявляется впервые в "Письмах русского путешественника", которые определенно написаны под влиянием Стерна*). "Стерн несравнен-

*) См. часть II. Введение.

ный", пишет Карамзин в одном из своих писем, "в каком университете научился ты столь нежно чувствовать?". Чувствительность, культ природы, некоторая идеализация жизни, все это было тогда совершенно ново в русской литературе; надо сказать, что настроение сентиментализма подходило душевному складу Карамзина, — недаром он сам называет "Письма русского путешественника" — "зеркалом души" своей.

Впервые "Письма русского путешественника" были напечатаны в "Московском журнале", потом были изданы отдельной книжкой. Письма эти составлены по путевым запискам автора.

В каждой стране, в каждом городе, через который он проезжал, Карамзин обращал внимание, главным образом, на интеллектуальные достопримечательности литературы, науки и искусства; — много места отведено описанию красот природы, характеру и нравам жителей, а также собственным размышлениям, вызванным новыми впечатлениями. Часто описания и размышления эти написаны в таких сентиментальных выражениях, что кажутся нам смешными; но надо помнить, в какую эпоху они написаны, помнить, что это были первые шаги в новом литературном направлении, сменившем школу ложного классицизма.

Карамзин начал свое путешествие с Германии. В Кенигсберге, он посетил знаменитого философа Канта и долго беседовал с ним на самые возвышенные философские, религиозные темы. Приводя некоторые слова и мнения Канта, Карамзин восклицает: "почтенный муж! прости, если в сих строках обезобразил я мысли твои!".

Приехав в Веймар, Карамзин первым долгом осведомился: "здесь ли Виланд? Здесь ли Гердер? Здесь ли Гёте?" — Но Гёте ему не удалось повидать. Поэт Виланд сперва как-то неохотно и недоверчиво принял незнакомого ему русского писателя в первое его посещение, но Карамзин сумел победить эту недоверчивость и очаровать немецкого поэта своей горячей искренностью.

«Я пришел к Виланду в назначенное время. Маленькие, прекрасные дети его окружили меня на крыльце. Батюшка вас дожидается, сказал один. Подите к нему, сказали двое вместе. Мы вас проводим, сказал четвертый. Я их вместе перецеловал и пошел к их батюшке.

«Простите, сказал, вошедши, если давешнее мое посещение было для вас не совсем приятно. Надеюсь, что вы не сочтете наглостью того, что было действием энтузиазма, произведенного во мне вашими прекрасными сочинениями». «Вы не имеете нужды извиняться, отвечал он, я рад, что этот жар к поэзии так далеко распространяется, тогда как он в Германии пропадает».

Тут сели мы на канапе. Начался разговор, который минута от минуты становился для меня занимательнее».

Прощаясь с Карамзиным, Виланд обнял и поцеловал его.

В Дрездене Карамзин с восторгом и восхищением описывает красоту Эльбы, вида, открывающегося из городского парка на поля и дали, освещенные вечерним солнцем: "Я смотрел и наслаждался", пишет он; "смотрел, радовался и — даже плакал: что обыкновенно бывает, когда сердцу моему очень, очень весело! Вынул бумагу, карандаш, написал: любезная природа! и больше ни слова!...".

Теперь такая чувствительность нам смешна, но Карамзин был вполне искренен; красота природы отражалась в его душе. В другом месте он пишет: "Как ясно было небо, так ясна была душа моя".

В письмах из Швейцарии это сентиментальное выражение культа природы достигает высшей точки: "Уже я наслаждаюсь Швейцарией, милые друзья", пишет Карамзин. В одном особенно красивом месте дороги, недалеко от Базеля, он попросил остановить лошадей: — "я выскочил из кареты, упал на цветущий берег Рейна, и готов был в восторге целовать землю. Счастливые швейцарцы! Всякий ли день, всякий ли час благодарите вы небо за свое счастье, живучи в объятиях прелестной Натуры?".

Сентиментальному писателю кажется, что люди, живущие в прекрасной рамке природы, и сами должны быть прекрасны. Еще в Германии он признается в этом: "молодая крестьянка с посошком была для меня Аркадскою пастушкой". Здесь же в Швейцарии, ему хотелось бы самому стать "пастушком". Разговаривая с двумя молодыми крестьянками где-то на альпийских лугах, он высказал им свое желание разделить их простую жизнь, близкую к природе, "вместе с ними доить коров". Швейцарские пастушки весело рассмеялись в ответ на его слова.

Во Францию Карамзин попал как раз, когда разгоралась революция. Но в своих письмах он почти не говорит о политических событиях. Бунт, злоба и насилие, всегда связанные с революцией, были чужды его душе и возмущали ее. Во Франции, как и в других странах, он интересовался историческими памятниками, интересовался французской культурой. Несколько теплых слов он посвящает памяти Жан Жака Руссо, которого очень высоко ценит и который оказал такое большое влияние на образ мыслей самого Карамзина.

В одном письме Карамзин говорит о характере французов: "скажу — огонь, воздух, — и характер французов описан. Я не знаю народа умнее, пламеннее, ветреннее..." Ему нравится во французах их любезность, порывистость, способность увлекаться. Но больше всего Карамзин оценил во Франции театр:

“Характер французов, пишет он, выражается главным образом в их любви к театру. Немца надо изучать в его ученом кабинете, англичанина на бирже, француза в театре”.

Карамзин часто посещал театры, видел множество французских пьес и выше всего ценит французскую комедию, которую он считает бесподобной; но трагедии французские ему не очень понравились, он критикует игру французских трагических актеров и, конечно, ставит шекспировские трагедии несравненно выше. О Шекспире Карамзин говорит в одном письме из Англии:

“В драматической поэзии англичане не имеют ничего превосходного, кроме творений одного автора; но этот автор — Шекспир, и англичане богаты!”

Как уже было сказано, увлечение Шекспиром было характерной чертой XVIII-го века и явилось протестом против французской рационалистической философии. — “Легко смеяться над ним (Шекспиром)”, продолжает Карамзин, “не только с Вольтеровым, но и с самым обыкновенным умом; кто же не чувствует красоты его, с тем я не хочу говорить и спорить. Забавные шекспировские критики похожи на дерзких мальчишек, которые окружают на улице странно одетого человека и кричат: какой смешной, какой чудак. Величие, истина характеров, занимательность приключений, откровение человеческого сердца и великие мысли, рассеянные в драмах британского гения, будут всегда их магией для людей с чувством. Я не знаю другого поэта, который имел бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображение”.

— “О Шекспир, Шекспир!” пишет Карамзин в другом письме, “кто знал так хорошо сердце человеческое, как ты! Кто убедительнее твоего представил все безумство злословия!”

Шекспир вызывает у Карамзина подлинное восхищение.

Сравнивая Лондон с Парижем, Карамзин говорит: “Лондон прекрасен! Какая разница с Парижем! Там огромность и гадость (намек на грязь Парижских улиц), здесь простота с удивительною чистотою; там роскошь и бедность в вечной противуположности, здесь единообразие общего достатка; там палаты, из которых ползут бледные люди в разодранных рубищах; здесь из маленьких кирпичных домиков выходят Здоровье и Довольствие с благородным и спокойным видом”. Но в общем чувствуется ясно в письмах из Англии, что французы симпатичнее Карамзину, чем англичане. Он ценит просвещенность англичан, ценит многое в их государственном устройстве, — особенно законодательство, но остается холоден. Говоря о характере англичан, Карамзин объясняет их холодность и склонность к “сплину” — дурным английским климатом, туманом, серым небом и... чрезмерной любовью к комфорту. Как

истинно русский человек он тяготился некоторой сухостью и холодностью англичан, но это не мешает ему отдавать полную справедливость их просвещенности.

Во всех письмах Карамзина яркой нитью проходит его любовь к родине, ко всему русскому. Искренне восхищаясь всем, что он видит за границей, он ни на минуту не забывает России, и потому особенно восторженно звучит его последнее письмо из Кронштадта на обратном пути: "Берег! отечество! Благословляю вас! Я в России, и через несколько дней буду с вами, друзья мои!.. Всех останавливаю, спрашиваю единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать Русских людей".

Для современников "Письма русского путешественника" были интересны тем, что знакомили читателей с Европой.

Сентиментализм Карамзина больше всего проявился в его повести "Бедная Лиза", напечатанной, как уже было сказано, в 1792 году в "Московском журнале". Содержание повести несложно. В окрестностях Москвы, недалеко от старинных стен Симонова монастыря, в бедной хижине жила старушка-вдова со своей прекрасной дочерью Лизой. "Отец Лизин", говорит Карамзин, "был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вел всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обеднели". Заметим, что крестьян Карамзин часто называет — "поселянами", это звучит как-то деликатнее. "Поселяне" Карамзина обыкновенно все добродетельны, чувствительны и говорят изысканным и довольно сентиментальным языком. Мать Лизы не могла работать, она почти совсем ослепла, "беспрестанно проливая слезы о смерти мужа своего, — ибо и крестьянки любить умеют!" — Лиза зарабатывала рукоделием, а летом рвала цветы, собирала ягоды и носила продавать в Москву. Однажды она продавала ландыши, "молодой хорошо одетый человек приятного вида" обратил на нее внимание; он купил у нее цветы, разговорился с ней и, пораженный ее красотой, спросил, где она живет. Не трудно догадаться, что между молодыми людьми вспыхнула любовь. Скоро Эраст, так звали молодого человека, появился в бедной хижине. Подойдя к окну, он спросил у Лизиной матери, нет ли у нее свежего молока? Сцена этой встречи описана в выражениях, типичных для писателя-сентименталиста.

«Услужливая Лиза побежала в погреб, принесла чистую кринку, покрытую чистым деревянным кружком, вытерла его белым полотенцем, налила и подала в окно, но сама смотрела в землю. Незнакомец выпил — и нектар из рук Гебы не мог бы показаться ему вкуснее. Всякий догадается, что

он после этого благодарил Лизу, и благодарил не столько словами, сколько взорами». Пока старушка рассказывала Эрасту все обстоятельства своей жизни, он «слушал со вниманием, но глаза его были — нужно ли сказывать, где? И Лиза, робкая Лиза, посматривала изредка на молодого человека; но не так скоро молния блестит и в облако исчезает, как быстро голубые глаза ее обращались к земле, встречаясь с его взором». — «Щеки ее пылали, как заря в ясный летний вечер; она смотрела на левый рукав свой и щипала его правою рукою...».

Эраст, молодой, богатый дворянин, искренно увлекся простой крестьянской девушкой. Он "читывал романы, идиллии" и "ему казалось, что он нашел в Лизе то, чего сердце его давно искало. "Натура призывает меня в свои объятия, к чистым радостям", думал он.

Знакомство завязалось. Молодые люди часто встречаются то ранним утром, то лунной ночью недалеко от Лизиного дома. Любовь их разгорается. Лиза удивлена тем, что Эраст просит ее не говорить матери об этих встречах, но она вполне доверяет своему другу и всем существом своим отдается новому чувству. Через несколько недель Эраст объявляет ей, что они должны расстаться на некоторое время, так как он едет на войну, в свой полк, куда его призывает долг чести. Прощание молодых людей описано в самых трогательных и грустных выражениях. "Прощаясь с ним (Эрастом), Лиза прощалась с душой своей". — В тоске и слезах проводит она два месяца. "В один день Лиза должна была идти в Москву, затем, чтобы купить розовой воды, которою мать ее лечила глаза свои". На одной из больших улиц она увидала проезжавшую великолепную карету, а в ней Эраста. Лиза побежала за каретой, которая скоро остановилась около огромного дома. Эраст вышел, и Лиза бросилась к нему. Ничего не отвечая на ее восклицания, он ввел ее в свой кабинет, запер дверь и сказал ей, что обстоятельства переменились, и они должны расстаться навсегда, так как он помолвлен жениться. Сказав это, он положил в ее карман сто рублей и, позвав слугу, приказал ему проводить девушку со двора... Можно себе представить, в каком положении, в каком состоянии Лиза очутилась снова на улице...

Эраст действительно некоторое время был в армии; но затем, проиграв много в карты, он расстроил свое состояние и решил жениться на богатой вдове для того, чтобы поправить свои дела.

Оставшись одна на улице, Лиза лишилась чувств. Придя в себя, она встала и пошла, сама не зная куда. Выйдя из города, она скоро очутилась "на берегу глубокого пруда, под тенью древних дубов", на том самом месте, где за несколько недель

до того происходили ее свидания с Эрастом. “Воспоминания потрясли ее душу”, не в силах выдержать сердечного мучения, Лиза бросилась в воду... “Собрались люди и вытащили Лизу, но она была уже мертва”.

“Таким образом окончила жизнь свою прекрасная душою и телом”, пишет Карамзин. “Когда мы ТАМ, в новой жизни, увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза”.

> «Ее погребли близ пруда, под мрачным дубом, и поставили деревянный крест на ее могиле». «Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь ее от ужаса охладела, глаза навек закрылись. Хижина опустела. В ней воет ветер, и суеверные поселяне, слыша по ночам сей шум, говорят: там стонет мертвец, там стонет бедная Лиза!».

Как уже было сказано, в повести “Бедная Лиза” особенно ярко выражено сентиментальное направление Карамзина. Но несмотря на некоторое сгущение чувствительных и сентиментальных красок, “Бедная Лиза” имеет несомненные качества и литературную ценность. Во-первых, тип Эраста в русской литературе является первым из целой серии подобных характеров, появившихся впоследствии у разных авторов с различными видоизменениями; Эраст — прототип Пушкинского Онегина, Лермонтовского Печорина. Карамзин впервые в русской литературе изобразил тип молодого человека, разочарованного, пресыщенного жизнью, испорченного цивилизацией. В душе Эраста есть хорошие чувства и побуждения; встретив Лизу, он искренно увлекается не только прелестью молодой девушки, но надеждой найти счастье в простой, примитивной жизни, близкой к природе, с ее чистыми радостями. Но условность светской жизни, ложные взгляды и понятия, усвоенные целым обществом, препятствуют Эрасту в осуществлении его намерения, — он слишком испорчен светом и не может примениться к жизни простых людей, — и, подчиняясь условностям света, он губит Лизу, губит чистое, любящее сердце.

Карамзин первый из русских писателей описал в своей повести жизнь простых, бедных людей. Это было совершенной новизной в русской литературе, — и тоже является заслугой Карамзина. В свое время “Бедная Лиза” имела огромный успех, в обществе ею зачитывались; устраивались даже целые сентиментальные поездки к Симонову монастырю, к пруду, описанному Карамзиным. Какой-то поэт-шутник вырезал на одном из дубов, стоявших над этим прудом, четверостишие, чтобы посмеяться над общим увлечением “Бедной Лизой”:

«Здесь в воду бросилась
Эрастова невеста...

Топитесь, девушки!
В пруду довольно места!»

Но оставим в стороне шутки и насмешки над излишней сентиментальностью. Нельзя не признать за Карамзиным большой заслуги в том, что он первый постарался изобразить судьбу простых и несчастных людей, первый постарался вызвать в читателях жалость к “униженным и оскорбленным”. “Бедная Лиза” открывает путь таким замечательным произведениям русской литературы, как “Станционный смотритель” Пушкина, “Шинель” Гоголя, открывает путь Достоевскому.

“Письма русского путешественника” и повесть “Бедная Лиза” относятся к первому периоду литературной деятельности Карамзина. Во втором и главном периоде своей литературной деятельности, Карамзин всецело отдался работе над историей и заслуга его, как историка, — очень значительна.

“История Государства Российского” — огромный труд, над которым Карамзин усиленно и добросовестно работал в течение многих лет. В то время не было готовых материалов, которыми в наше время может пользоваться историк; не было пособий по истории искусства, иконописи, этнографии и другим подобным наукам, которые облегчают труд историка. Карамзину пришлось много потрудиться, разыскивая различные исторические материалы, сверяя и проверяя исторические документы. Он использовал для своей истории все сохранившиеся древнейшие летописи, все исторические труды, написанные до него.

Мы знаем о существовавших тогда таких исторических трудах, как “История Российская” Татищева, история кн. Щербатова, исследования немецких историков Шлецера и Миллера, но все эти труды были односторонни, не охватывали всей русской истории.

Кроме того, до Карамзина читающая публика не интересовалась родной стариной, не знала русской истории. Карамзин сумел пробудить интерес к истории, к прошлому России. “История Государства Российского” имела огромный успех и стала известна широким кругам русского общества, благодаря тому, что Карамзин сумел придать своей истории художественные формы; это не сухое изложение исторических событий, а живой рассказ, украшенный описаниями. Читается история легко, несмотря на плавный, периодический, немного торжественный язык, которым она вся написана. Карамзин нарочно писал этим приподнято-торжественным тоном, подходящим, по его мнению, к изложению истории и сильно отличавшимся от тона и языка, которыми были написаны “Письма”

и "Бедная Лиза". В учебниках теории словесности язык Карамзина в его "Истории" обыкновенно ставится в пример, как образец плавной периодической речи. Вот пример такого периода, а вместе с тем и пример художественного описания из истории Карамзина; описывается момент перед началом Куликовской битвы:

«Стоя на высоком холме и видя стройные, необозримые ряды войска, бесчисленные знамена, развеваемые легким ветром, блеск оружия и доспехов, озаряемых ярким осенним солнцем; слыша всеобщие громогласные восклицания: «Боже! даруй победу государю нашему!» и вообразив, что многие тысячи сих добрых витязей падут чрез несколько часов, как усердные жертвы любви к отечеству, — Димитрий в умилении преклонил колена и, простирая руки к златому образу Спасителя, сиявшему вдали на черном знамени великокняжеском, молился в последний раз за христиан и Россию, сел на коня, объехал все полки и говорил речь к каждому, называя воинов своими верными товарищами, милыми братьями, утверждая их в мужестве и каждому из них обещая славную память в мире, с венцом мученическим за гробом".

Язык Карамзина в "Истории" необыкновенно чистый, он избегает употребления иностранных слов и выражений. В описании отдельных исторических лиц он пользуется приемом народной поэзии, употребляя часто эпитеты, характеризующие эти лица: "храбрый князь", "благоразумный советник", "надменный враг". Иногда в этих повторяющихся эпитетах проглядывает сентиментализм первого периода творчества Карамзина: "добрые россияне", "сладкие слезы радости", "нежная чувствительность". Несмотря на эти, не всегда удачные и иногда стереотипные эпитеты, Карамзин дает яркие живые характеристики некоторых выдающихся исторических лиц, как, например, Иоанна III-го, своего любимого героя, Иоанна Грозного, святого митрополита Филиппа, Бориса Годунова, Василия Шуйского.

В своей "Истории" Карамзин преимущественно говорит о развитии государственной жизни в России, интересуется политическим ее развитием и мало касается жизни и быта русского народа. Недаром Карамзин назвал свой труд "Историей Государства Российского". Впоследствии известный историк Соловьев очень удачно назвал "Историю" Карамзина "величественной поэмой, воспевающей государство". Некоторые критики упрекали Карамзина в такой односторонности его истории. Первый, обративший на это внимание, историк Н. Полевой, написал в противовес Карамзину "Историю русского народа", но этот труд далеко не имеет ценности "Истории" Карамзина, основанной на огромной исторической работе.

Очень ценны, например, примечания к "Истории" Карамзина, занимающие почти половину всего труда; по этим примечаниям мы видим, какую колоссальную работу проделал автор, проверяя и сверяя различные исторические документы, — как велика библиография, которой он пользовался для своего труда.

Вся "История" Карамзина проникнута горячим патриотическим и национальным духом, проникнута идеей монархизма.

Историю России, доведенную до воцарения дома Романовых, Карамзин делит на три периода; в первом периоде, до Ярослава Мудрого, Карамзин видит рост государства в единодержавии; во втором, удельном периоде, дробление земли, раздел власти ведет к ослаблению государства, которое поэтому подпадает под татарское иго. В третьем, Московском периоде, вновь торжествует единодержавие. Русь "собирается" вокруг Москвы, крепнет и растет ее сила. Иоанн III-й, как "собиратель Руси", является любимым героем Карамзина. Еще в исторической "Записке", поданной Государю Александру I-му, Карамзин высказывал свое восхищение Иоанном III-м, ставя его заслуги выше заслуг Петра Великого.

"История" Карамзина проникнута глубоко-религиозным духом. В ходе исторических событий Карамзин всегда видит Провидение, волю Божию. Для него ясна моральная победа добра над злом, он дает моральную оценку не только историческим событиям, но и отдельным людям. Восхищаясь Дмитрием Донским, он в то же время осуждает его за то, что он обманул кн. Михаила Тверского, заманил его в Москву и взял в плен. Осуждает он и первого "собирателя" Руси, Ивана Калиту, за борьбу и интриги в Орде против кн. Александра Тверского. — "Суд истории не извиняет и самого счастливого злодейства", говорит Карамзин. Религиозно-моральную оценку дает Карамзин всей истории и судьбе царя Бориса. Считая его убийцей царевича Дмитрия, Карамзин видит явную кару Божию во всех несчастиях царствования Бориса. Оценка исторических событий этого периода, яркие характеристики царя Бориса, Василия Шуйского, Лжедмитрия — несомненно оказали влияние на Пушкина при создании его драмы "Борис Годунов".

Как уже было сказано, "История" Карамзина имела огромный успех и разошлась по всей России. После первого восторга начали раздаваться голоса критиков разного направления. Либералы упрекали Карамзина в консерватизме; нашлись и такие консерваторы, которые, наоборот, видели в Карамзине либерала...

В русской литературе "История Государства Российского", среди других исторических трудов, занимает видное место и имеет большую ценность. Главные заслуги Карамзина

состоят в исторически правильной и глубоко моральной оценке событий, в горячей любви к родине и художественности изложения. Эти достоинства на много превышают некоторые недостатки "Истории".

Говоря о заслугах Карамзина, нельзя не сказать о той огромной роли, которую он сыграл в преобразовании русского литературного языка.

Со времени Ломоносова, которого можно назвать основателем русского языка, который написал первую русскую грамматику, русские писатели более или менее подчинялись ломоносовской "Теории трех штилей"*). Теория эта часто ставила писателей в затруднительное положение, так как приходилось употреблять тяжелые, устаревшие славянские выражения там, где в разговорном языке они были уже заменены другими, более легкими и изящными. Действительно, эволюция языка, начавшаяся еще при Екатерине, продолжалась. Вошло в употребление множество таких иностранных слов, которых не существовало в точном переводе на славянском языке. Объяснить это можно новыми требованиями культурной, интеллектуальной жизни.

Карамзин первый решился как бы узаконить эти требования самой жизни и смело начал в литературном языке употреблять эти вновь появившиеся слова, а иногда и сам придумывал новые. Он говорил, что видит в языке своей эпохи "приятность, называемую французами élégance".

Мы знаем, что еще в петровскую эпоху в русском языке появилось множество иностранных слов, но они большею частью заменяли уже существовавшие в славянском языке слова и не являлись необходимостью; кроме того эти слова брались в необработанном виде и потому были очень тяжелы и неуклюжи ("фортеция", вместо "крепость", "виктория", вместо "победа" и т. п.). Карамзин, напротив, старался придавать иностранным словам русское окончание, приспосабливая их к требованиям русской грамматики. Вот примеры таких слов, введенных Карамзиным: "серьезный", "моральный", "эстетический", "аудитория", "гармония", "энтузиазм". Иногда Карамзин переводил иностранные слова, выражавшие какие-нибудь отвлеченные понятия на русский язык: "влияние" (influence), "утонченный" (raffiné), "трогательный" (touchant). В некоторых случаях он позволял себе придумывать новые выражения, как например: "будущность", "промышленность", "начитанность".

---

*) См. часть I-ую, главу 44.

То, что все эти слова являются совершенно обычными выражениями нашей современной речи, доказывает насколько они были необходимы, и какую важную услугу Карамзин оказал русскому языку.

Большая часть молодых литераторов, современных Карамзину, приняли его преобразования и пошли за ним. Но не все современники были с ним согласны, многие не захотели принять эти нововведения и восстали на Карамзина, как на опасного и вредного реформатора. Во главе таких противников Карамзина стал старый адмирал Шишков, известный государственный деятель того времени.

Шишков был горячим патриотом, но не был филологом, поэтому нападки его на Карамзина не были филологически обоснованы и носили скорее моральный, патриотический, а иногда даже политический характер. Шишков обвинял Карамзина в порче родного языка, в антинациональном направлении, в опасном вольнодумстве и даже в порче нравов. В своем сочинении "Рассуждение о старом и новом слоге российского языка", направленном против Карамзина, Шишков говорит: — "Язык есть душа народа, зеркало нравов, верный показатель просвещения, неумолчный свидетель дел. Где нет в сердце веры, там нет в языке благочестия. Где нет любви к отечеству, там язык не изъявляет чувств отечественных".

Шишков хотел сказать, что только чисто славянскими словами можно выражать чувства благочестивые, чувства любви к отечеству. Иностранные слова, по его мнению, искажают, а не обогащают язык: — "Древний славянский язык, отец многих наречий, есть корень и начало российского языка, который сам собой изобилен был и богат", он не нуждается в обогащении французскими словами. Шишков предлагает заменить уже установившиеся иностранные выражения старыми славянскими; например, заменить "актер" словом "лицедей; "героизм" — "добледушие"; "аудитория" — "слушалище"; "рецензия" — "рассмотрение книг" и т. д.

Нельзя не признать горячей любви Шишкова к русскому языку; нельзя не признать и того, что увлечение всем иностранным, особенно французским, зашло в России слишком далеко и повело к тому, что язык простонародный, крестьянский стал сильно отличаться от языка культурных классов; но нельзя также не признать того, что нельзя было остановить естественно начавшуюся эволюцию языка; нельзя было насильно вернуть в употребление уже устаревшие выражения, которые предлагал Шишков, как например: "зане", "убо", "иже", "яко" и другие.

Карамзин даже не отвечал на обвинения Шишкова, зная твердо, что им всегда руководили исключительно благочестивые и патриотические чувства (так же как и Шишковым!), но

что понять они один другого не могут! За Карамзина отвечали его последователи.

В 1811 году Шишков основал общество "Беседа любителей русского слова", членами которого были Державин, Крылов, Хвостов, кн. Шаховской и другие. Общество имело свой устав, целью его было поддержание старых традиций и борьба с новыми литературными течениями.

Кн. Шаховской писал сатирические комедии на злободневные темы. Впоследствии Пушкин в "Евгении Онегине", вспоминая сцену Петербургского театра, говорит:

— «Здесь вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой».

В одной из своих "колких" комедий ("Новый Стерн") Шаховской осмеял Карамзина, намекая на его "Письма русского путешественника". В другой комедии, "Липецкие воды", он осмеял Жуковского, изобразив его карикатурно в лице "балладника Фиалкина". За Карамзина и Жуковского обиделись их друзья. Они тоже создали литературное общество, и на своих шутливых собраниях высмеивали и пародировали торжественные заседания "Беседы любителей русского слова".

Так возник знаменитый "Арзамас", борьба которого с "Беседой" напоминает отчасти борьбу des anciens et des modernes во Франции в XVIII-м веке. Это была борьба не только за литературный язык, но и за литературное направление нового поколения писателей. "Арзамас" мог бы сыграть еще гораздо более значительную роль, если бы он не носил такого исключительно шуточного характера. Все члены общества имели особые клички: Жуковский назывался "Светланой" или "Sweet William", кн. Вяземский — "Асмодеем", Батюшкова прозвали "Ахилл", производя его имя от слов: "ах! хил!", и высмеивая в этом слабую филологию Шишкова, который будто бы слова "высоко", "широко" производил от "высь+око", "ширь+око".

А. С. Пушкин, который был много моложе основателей "Арзамаса", был принят в общество под названием "Сверчка"; но ему пришлось присутствовать всего на двух собраниях "Арзамаса", который прекратил свое существование в 1818 году.

С Карамзиным заканчивается в русской литературе период чистого сентиментализма. Из числа других писателей сентименталистов, последователей Карамзина, назовем только И. И. Дмитриева, автора сентиментальных романсов, пользовавшихся в свое время большим успехом ("Стонет сизый голубочек", "Всех цветочков боле" и др.). Дмитриев писал также басни;

наибольшую известность доставила ему его сатира “Чужой толк”, в которой он высмеивает высокопарные оды, написанные сторонниками классического направления, в подражание одам Ломоносова и Державина.

Сентиментализм недолго господствовал в русской литературе; он непосредственно перешел в романтизм, главным представителем которого был Жуковский.

2.

В. А. Жуковский (1783-1852 гг.).

Биография

Василий Андреевич Жуковский родился в 1783 году в селе Мишенском, Белевского уезда, Тульской губернии. Отец его был помещик А. И. Бунин, мать — пленная турчанка. Фамилию свою Жуковский получил от своего крестного отца, бедного дворянина, жившего в доме Буниных.

Старший сын Бунина умер, и Жуковский был единственным мальчиком среди старших сестер и племянниц, которые были только немного моложе его. Воспитание среди женского общества, баловство, ласка, общая любовь, положили отпечаток на мягкую, нежную душу будущего поэта. Учение свое он начал в Тульском народном училище, но учитель его не понял и не сумел оценить исключительных дарований своего ученика, а только сердился на неспособность мальчика к математике. В 1897 году Жуковский поступил в Благородный Пансион при Московском университете. Отец Жуковского поручил своего сына директору Московского университета И. П. Тургеневу, бывшему членом Новиковского кружка. В доме Тургенева Жуковский познакомился с многими выдающимися людьми того времени; познакомился с Карамзиным, Дмитриевым. Жуковский очень полюбил семью Тургеневых, особенно близко сошелся с одним из сыновей, Андреем. В Благородном Пансионе определились взгляды Жуковского, развились его способности и дарования. Учителя Пансиона всячески поощряли литературные вкусы и занятия учеников, которые устраивали между собой литературные состязания и издавали рукописный журнал. Жуковский скоро стал во главе этого литературного кружка; 14-ти лет, на акте пансиона, он прочел оду собственного сочинения — “На благоденствие России”. В оде этой чувствуется сильное влияние Ломоносова, Державина, самостоятельного мало, но уже видно легкое перо Жуковского, видны его несомненные литературные дарования.

Главное, что вынес Жуковский из Благородного Пансиона, было знание иностранных языков и знакомство с важней-

шими произведениями иностранной литературы, но в общем образование, полученное им за 3 года в пансионе, было скорее поверхностное, хотя и многостороннее. Впоследствии ему пришлось чтением пополнять пробелы своего образования.

По окончании Благородного Пансиона, в 1801 году, Жуковский поступил на службу в Соляную контору в Москве, но прослужил недолго, так как служба его совсем не интересовала. В этом же году бывшие ученики Благородного Пансиона образовали "Дружеское Литературное Общество", на котором еще отразились черты Новиковского кружка. Члены общества стремились к самосовершенствованию, поддерживали "культ дружбы" (типичная черта сентиментально-романтической эпохи), развивали свои литературные взгляды и вкусы. Через несколько лет все члены "Дружеского Общества", — Жуковский, кн. Вяземский, А. Тургенев, Воейков, Блудов, Мерзляков и др. вошли в состав "Арзамаса".

Выйдя в отставку, Жуковский поселился в деревне, в своем родном Мишенском, где он всецело отдался чтению и литературным занятиям. К этому времени можно отнести настоящее начало его поэтической деятельности. В 1802 году он написал элегию "Сельское кладбище", которая была напечатана в "Вестнике Европы" Карамзина и сразу обратила на себя внимание читающей публики.

Проведя некоторое время в Мишенском, Жуковский переехал к своей замужней сестре, Е. Протасовой, которая поселилась в г. Белеве, в 3-х верстах от Мишенского, со своими дочерьми, Марией и Александрой. Жуковский, который был всего на несколько лет старше своих племянниц, взялся давать им уроки словесности и литературы. Годы, проведенные в семье Протасовых, тихая жизнь провинциального городка, литературные занятия и беседы с милыми девушками, были может быть самым счастливым временем жизни Жуковского. Скоро он осознал, что глубоко полюбил свою старшую племянницу, Марью Андреевну. Чувство это, нежное, светлое и глубокое, положило отпечаток на все творчество Жуковского. Понимая, что брак между дядей и племянницей невозможен, Жуковский решил уехать из Белева. Всеми силами он старался побороть зародившееся в душе его чувство.

"Ты цветешь во цвете дня,

Ты цветешь не для меня...", писал он в одном из своих прелестных лирических стихотворений.

Поселившись в Москве, Жуковский взял на себя издание журнала "Вестник Европы", надеясь работой заглушить свое чувство. В "Вестнике Европы" были напечатаны многие произведения самого Жуковского, — повесть "Марьина роща" (напоминающая "Бедную Лизу" Карамзина), баллада "Людмила", доставившая Жуковскому известность, некоторые критические статьи.

Но ни разлука, ни время, ни литературные труды не могли победить чувства Жуковского к Маше Протасовой, и через 3 года, в 1811 году он вернулся в Мишенское, передав "Вестник Европы" в другие руки. Он был уверен, что Маша тоже его любит, и решился просить Е. А. Протасову согласиться на их брак, указывая на то, что он только ее полу-брат. Но Протасова наотрез ему отказала и разрешила видаться с ее дочерью только под условием, что он никогда не будет говорить Маше о своем чувстве. Через некоторое время она потребовала, чтобы Жуковский совсем уехал из Мишенского, так как в одном из его стихотворений ("Пловец") она увидала намек на его чувство к дочери. Жуковский был в отчаянии, но покорился и уехал. Это было в 1812 году. Вся Россия была в это время охвачена патриотическим подъемом Отечественной войны. Жуковский записался в Московское ополчение. Он не участвовал в Бородинском бою, так как был в резерве, но близко переживал Бородино и пожар Москвы.

После отступления французской армии, в Тарутине Жуковский написал стихотворение "Певец во стане русских воинов", которое в свое время пользовалось огромным успехом и доставило Жуковскому славу. Но литературная слава не радовала его. Он не мог забыть любимой девушки, хотя принимал с чисто христианским смирением посланное ему испытание. Несмотря на горе разлуки, светлое настроение никогда не покидало его: — "Много хорошего есть в жизни и без счастия", говорит он в одном из своих писем этого времени.

В стихотворении "Теон и Эсхин" Жуковский выразил свою теорию смирения, отречения от земного счастия, покорность воле Божией. Глубокая религиозность была руководящим началом всей его жизни.

Вскоре вторая племянница Жуковского, Александра Протасова, вышла замуж за школьного товарища Жуковского, писателя Воейкова*). Жуковский, со свойственной ему сердечностью, продал часть своего имения и подарил вырученные деньги в приданое своей племяннице. При его содействии Воейков получил кафедру в университете в Дерпте, куда и переехала вслед за молодыми Е. А. Протасова со старшей дочерью Марией. Жуковский тоже поехал в Дерпт и мечтал основаться там около близкой ему семьи. Но Воейков, властный и притом двуличный человек, восстановил Е. А. Протасову против Жуковского, да и сама она боялась его близости к Маше, и попросила его уехать из Дерпта, но не препятствовала ему изредка навещать их.

---

*) Воейков был одним из членов «Дружеского Литературного Общества», впоследствии членом «Арзамаса». Самое известное из его стихотворений была шутливая поэма «Дом сумасшедших», в которой он в виде сумасшедших изображает всех современных писателей, между прочим и Жуковского.

Жуковскому было очень тяжело, тем более, что он видел и знал, как страдала любимая им девушка от притеснений Воейкова. В 1815 году в судьбе Жуковского произошла большая перемена: он был назначен чтецом вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которой, по ее желанию, он был представлен еще раньше, как автор стихотворения "Певец во стане русских воинов". С этого момента началась многолетняя служба Жуковского при царском семействе, к которому он искренно привязался. Никогда не превозносясь и не гордясь своим положением при дворе, Жуковский часто пользовался своей близостью к царской семье, чтобы помогать своим друзьям, заступаться и ходатайствовать за них, когда они бывали в беде.

В этом же 1815 году был основан знаменитый "Арзамас". В предыдущей главе было уже сказано, что кн. Шаховской в комедии "Липецкие воды" карикатурно изобразил Жуковского в лице "балладника Фиалкина", который проливает "чувствительные слезы", слышит "звон костей в гробах" и изображает в своих балладах мертвецов и привидения, смягчая впечатление ужаса слащавыми выражениями:

«...милым все приятно,
Все восхитительно, хотя невероятно».

Тут осмеяно и "Сельское кладбище", и "Людмила" и другие баллады Жуковского. Говорят, что Жуковский, узнавая свою карикатуру, от души смеялся, — но друзья его были возмущены. На заседаниях "Арзамаса" писатели нового направления, "Карамзинисты", принялись высмеивать членов Беседы. Жуковский, прозванный "Светланой", был выбран секретарем общества и сочинял шуточные протоколы заседаний в стихах. Надо сказать, что благодаря своему исключительно шутливому тону, "Арзамас" не развился в более серьезное литературное общество, но на Жуковского, склонного к чрезмерной меланхолии, этот веселый, шутливый тон действовал благотворно.

Уже было сказано, что "Арзамас" просуществовал всего 3 года и закрылся в 1818 году. Молодой Пушкин, только что кончивший лицей, успел стать членом "Арзамаса", но присутствовал всего на двух заседаниях. С семьей Пушкина Жуковский был знаком и дружен через дядю поэта, Василия Львовича Пушкина, который был членом "Арзамаса" и тоже писал стихи. Жуковский понял и оценил огромное дарование Александра Сергеевича Пушкина, когда тот был еще мальчиком; несмотря на разницу лет, поэты читали друг другу свои произведения, часто говорили и спорили о поэзии.

К Пушкину Жуковский всегда относился с восхищенной, восторженной нежностью, за что и Пушкин платил ему горя-

чей дружбой. В юности Пушкин увлекался и зачитывался стихами Жуковского, который несомненно имел некоторое влияние на великого поэта. Но когда Пушкин по выходе из лицея окончил свою поэму "Руслан и Людмила", Жуковский подарил ему свой портрет с надписью: "Ученику-победителю от побежденного учителя". Это отношение двух поэтов лишний раз характеризует Жуковского: никакая литературная зависть, никакое мелкое чувство тщеславия не могли коснуться его светлой души.

В 1817 году Жуковский был назначен преподавателем русского языка Великой княгини Александры Федоровны, жены Вел. кн. Николая Павловича, будущего императора Николая I-го. Она была дочь прусского короля, Фридриха-Вильгельма III-го, получила прекрасное образование и очень любила поэзию. Для нее Жуковский перевел множество стихотворений и баллад немецких поэтов, Шиллера, Гете, Гебеля, и издал их отдельной книжечкой под названием «Für Wenige» (Для немногих).

Литературные и педагогические занятия отвлекали Жуковского, но не могли вылечить его душевной раны. Новое тяжелое испытание выпало на его долю. В 1818 году Марья Андреевна Протасова вышла замуж за профессора Дерптского университета Мойера. Сохранились письма Жуковского к Маше Протасовой, из которых видно, что она советовалась с ним относительно своего решения выйти замуж, как с самым ей близким другом, братом. Она знала, что Жуковский ее любит, несомненно тоже прежде любила его, но решила выйти замуж, чтобы избавиться от притеснений Воейкова и чтобы исполнить желание матери. Мойер был очень добрый и порядочный человек, и Жуковский, после тяжелой сердечной борьбы и колебаний, поддержал Машу в ее намерении, отказавшись навсегда от надежды на личное счастие. В стихотворении "к Мойеру" Жуковский пишет:

«Счастливец! Ею ты любим!
Но будет ли она любима так тобою,
Как сердцем искренним моим,
Как пламенной моей душою!»

По дневнику Жуковского видно, как тяжело он перенес этот удар, и как все же сумел смириться и не поддаться отчаянию. Он пишет, что хочет вырвать из сердца "все собственное, основанное на эгоизме". — "Та минута, говорит он дальше, в которую для этой цели я решился пожертвовать собой, была восхитительна, но это чувство восхищения часто пропадает, и я прихожу в уныние".

Образ Маши остался святыней его души на всю жизнь. Марья Андреевна была чистым, кротким, светлым существом,

достойным любви Жуковского. Ее замужняя жизнь длилась недолго, в 1823 году она скончалась. Жуковский посвятил ее кончине стихотворение, такое же поэтичное и светлое, как все его чувство к ней:

«Ты предо мною
Стояла тихо;
Твой взор унылый
Был полон чувств.
Он мне напомнил
О милом прошлом;
Он был последний
На здешнем свете.
Ты удалилась,
Как тихий ангел
Твоя могила,
Как рай, спокойна.
Там все земные
Воспоминанья;
Там все святые
О небе мысли.
Звезды небес!
Тихая ночь!..»

На могиле Марьи Андреевны Мойер, так же, как впоследствии и на могиле самого Жуковского, были вырезаны слова: "Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Мя веруйте".

После вступления на престол Государя Николая I-го, Жуковский был назначен воспитателем наследника Александра Николаевича, которому в это время было 8 лет. Жуковский не без колебаний принял это высокое назначение, он скромно сомневался в своих способностях. Но, когда он взялся за это дело, он отдался ему всей душой, целиком, добросовестно готовясь к своей должности. — "Мне не только надобно учить, но и учиться", пишет он в одном письме. С этой целью он ездил за границу, знакомился со всевозможными педагогическими системами и с разными выдающимися преподавателями.

"Моя настоящая должность берет все мое время", пишет он в другом письме. "В голове одна мысль, в душе одно желание... Какая забота и ответственность! Занятие питательное для души! Цель для целой остальной жизни!.. Прощай навсегда поэзия с рифмами! Поэзия другого рода со мною. Ей должна быть посвящена остальная жизнь".

Надо сказать, что у Жуковского вообще несомненно были педагогические дарования, и он любил заниматься этим делом: он давал уроки племянницам Протасовым, руководил воспитанием других племянников, братьев Киреевских, будущих известных славянофилов.

Жуковский составил план воспитания цесаревича Александра Николаевича на 12 лет. Он выбирал для него преподавателей по разным предметам, а сам преподавал русский язык, литературу и главное руководил всем воспитанием наследника. Главное внимание Жуковский обращал на воспитание сердца своего ученика, который в будущем должен был стать царем России. В своем послании к Вел. княгине Александре Федоровне по случаю рождения наследника, Жуковский высказывает пожелание, чтобы наследник, будущий царь, никогда не забыл бы: "...святейшего из званий: человек" он должен —

«жить для веков в величии народном,
Для блага всех — свое позабывать,
Лишь в голосе отечества свободном
С смирением дела свои читать».

Жуковский старался передать своему воспитаннику свое собственное христианское мировоззрение, развить в нем гуманное отношение к людям. Можно с уверенностью утверждать, что влияние Жуковского во многом сказалось в гуманных реформах Царя-Освободителя.

Жуковский горячо полюбил своего воспитанника, который также на всю жизнь сохранил к нему сердечную привязанность.

Несмотря на свою службу при царевиче Александре Николаевиче, Жуковский урывками занимался литературой. За этот период он написал "Ундину", несколько сказок и лирических стихотворений.

В 1837 году умер Пушкин. Жуковский тяжело перенес это горе, как утрату всей России и как личное горе близкого друга. Узнав, что Пушкин тяжело ранен на дуэли, Жуковский поспешил к нему и последние дни и часы поэта провел около его кровати. Уже после похорон Жуковский написал письмо Сергею Львовичу Пушкину, отцу поэта, описывая ему подробно последние часы жизни его сына. Это письмо, написанное со всей искренностью и горячим чувством, на какие был способен Жуковский, можно отнести к лучшим его произведениям.

Воспитание наследника Александра Николаевича закончилось большим путешествием сперва по России, затем за границей; Жуковский сопровождал своего воспитанника. В 1841 году образование цесаревича было окончено, и Жуковский, щедро награжденный, вышел в отставку.

В этом же году он женился в Германии на дочери своего друга, живописца Рейтерн. Ему было 58 лет, его невесте, Елизавете Рейтерн — 18... Это была поэтичная, мечтательная девушка, что-то в ее образе несомненно напоминало Машу Протасову. На старости лет осуществилась всегдашняя мечта Жу-

ковского о семейном счастьи. Конец своей жизни, 12 лет, он провел тихо и мирно со своей молодой женой и двумя родившимися у них детьми, дочерью и сыном. Единственное, что омрачило счастье Жуковского, это частые болезни его жены. Он не смог никогда вернуться в Россию, по которой, конечно, тосковал, но жена его не могла бы перенести русского климата. К концу жизни сам Жуковский начал страдать глазами и даже почти ослеп. Это не помешало ему в его литературных трудах, — он приобрел машинку и научился писать, не глядя. За последние 12 лет он написал очень много переводов, главным образом из народного эпоса. За этот период он перевел "Наль и Дамаянти" из индийского эпоса, "Рустем и Зораб" из персидской "Книги Царей" (Шах-Наме), "Одиссею", над которой трудился 6 лет. К переводу Гомера он относился с каким-то священным трепетом. "Мне хотелось", пишет он, "заглянуть в перво-мир-поэзию, в этот потерянный эдем, в котором во время оно дышалось так легко и целебно. Гомер отворил мне заповедную дверь в него, и я пожил счастливо с его светлыми созданиями". Кроме того он перевел стихами "Слово о полку Игореве", величайшее произведение нашего народного эпоса.

В последние годы своей жизни за границей Жуковский очень сблизился с Гоголем. Их сближало одинаковое христианское, мистическое настроение.

Жуковский не боялся смерти и часто говорил: "Смерть — великое благо". Умер он тихо и мирно в 1852 году, 69-ти лет. Тело его было перевезено в Россию, в Петербург, и погребено в Александро-Невской лавре, рядом с Карамзиным.

Творчество

В одном письме к Гоголю Жуковский сам определил свое творчество следующими словами: "У меня почти все чужое или по поводу чужого, — и все однако мое". Эти несколько слов дают необыкновенно верную и глубокую оценку всего творчества Жуковского, который прославился главным образом своими переводами и переделками произведений других авторов. — "И все однако мое", прибавил он. Да, на всем творчестве Жуковского действительно лежит отпечаток его личных чувств, мыслей и переживаний, везде мы встречаем черты его ясной, светлой души. Нам остается разобраться в том, что было "чужое", а что "свое" в творчестве Жуковского и оценить тот вклад, который он внес в русскую литературу.

Все творчество Жуковского можно разделить на три отдела: 1) Лирику, 2) Произведения эпические, — собственные и переделки и 3) Переводы.

Чисто лирических стихотворений у Жуковского сравнительно немного; они встречаются среди его эпических произ-

ведений и переводов на протяжении всей его жизни, и по ним мы можем проследить его личную жизнь, — любовь к Марии Протасовой, сменяющиеся переживания восторгов, борьбы чувств, горя и тоски, — и внутренней победы над горем и тоской. Примером таких стихотворений могут служить: “Песня” (“Мой друг, хранитель-ангел мой”), “К ней”, “Пловец”, “Песня” (“Минувших дней очарованье...”), “К Мойеру”, “19 марта 1823 года” (на смерть М. А. Мойер). На всех этих лирических стихотворениях Жуковского лежит отпечаток светлого оптимизма, покорности судьбе, большой нравственной чистоты и глубокого религиозного чувства.

Особенно ярко отражаются все эти чувства поэта в прелестном четверостишьи:

«О милых спутниках, которые нам свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
А с благодарностию: были».

В стихотворении “Теон и Эсхин” Жуковский высказывает самые свои задушевные мысли и взгляды. — Эсхин, возвращаясь в родную страну из далеких путешествий, встречает своего друга, Теона, у которого недавно умерла молодая жена; Теон не ропщет на свою судьбу, а говорит своему другу, Эсхину, слова, полные глубокого чувства:

«Что может разрушить в минуту судьба,
Эсхин, то на свете не наше;
Но сердца нетленные блага: любовь
И сладость возвышенных мыслей».

Он верит в свидание в будущей жизни с любимым существом и не дает тоске овладеть его сердцем, а напротив чувствует благодарность за все светлые дары, данные нам жизнью:

«Все небо дало нам, мой друг, с бытием;
Все в жизни к великому средство...».

Теон испытывает чувство благодарности за то, что он — человек:

«при мысли великой,
что я — человек,
всегда возвышаюсь душою».

Во всех этих словах Теона нельзя не узнать самого Жуковского, его религиозные взгляды и никогда не покидавший его оптимизм.

К отделу лирики надо отнести также патриотическое стихотворение “Певец во стане русских воинов”, доставившее в

свое время громкую славу Жуковскому. В этом стихотворении поэт воспевает Бородинскую битву, подымает заздравный кубок за всех ее героев, начиная с царя Александра, поименно восхваляет генералов, бывших в бою. Стихотворение это написано с большим патриотическим подъемом, с большим пафосом, но литературно оно довольно слабо; в нем перемешаны черты классической оды с элементами сентиментализма и романтизма. Русские генералы изображены, как греческие герои, которые несутся в бой, стоя на колесницах, пушки называются — "перунами", а в то же время отдается дань сентиментализму: "дева красоты", где-то за "синей далью" льет слезы о своем милом, ей чудится его "незабвенный глас".

Успех этого стихотворения можно объяснить тем, что оно было написано в момент всеобщего патриотического подъема и выражало национальные чувства русского общества.

Второй отдел творчества Жуковского, как уже было сказано, составляют произведения эпические. Любимой литературной формой Жуковского была баллада, за что "колкий Шаховской" и прозвал его "балладником" в комедии "Липецкие воды".

Что такое баллада? Возникли баллады в средние века на юге Франции. Это были небольшие песни, которые пели трубадуры, сопровождая пение музыкой и иногда пляской. Из Франции баллада проникла в Англию, Германию. В короткой эпической песне-балладе обыкновенно рассказывалось какое-нибудь поразительное событие, легенда или сказание, часто связанное с элементом фантастическим. Великие немецкие поэты эпохи романтизма, — Шиллер, Гете, — брали сюжетом для своих баллад события и из античного, древнего мира, но чаще из средних веков. Культ средневековья, культ старины, является одной из отличительных черт романтизма, который развился из сентиментализма. В отличие от произведений авторов сентименталистов, которые в своих произведениях говорили о простой жизни обыденных героев, авторы романтики выбирали сюжетом своих баллад моменты жизни, поражающие нашу душу каким-нибудь сильным чувством; для этого они вводили в балладу элемент фантастический, чудесный.

Одним из первых произведений Жуковского, обратившим на себя внимание литературных кругов, была элегия "Сельское кладбище" (1801 год). В разборе творчества Жуковского эта элегия должна была бы относиться к третьему отделу переводов и переделок, так как является именно переделкой элегии английского поэта Грея. Упоминаем здесь о "Сельском кладбище" потому, что эту элегию можно еще отнести к периоду сентиментализма; она является как бы переходом от сентиментализма к романтизму. Типичен сам выбор сюжета, описание деревенского кладбища, куда каждый день приходит юноша грустить и размышлять. Главная мысль этой элегии:

равенство всех людей перед смертью; никто не знает, кто лежит в этих могилах: герой ли, не успевший осуществить свое гражданское призвание, поэт ли, не высказавший своего таланта, или простой поселянин. Юноша, размышляющий в "беспечной горести" над "светлою рекой", охарактеризован типичными для сентиментализма чертами. "Он кроток сердцем был, чувствителен душою", — и "меланхолии печать была на нем". В конце элегии мы узнаем о безвременной смерти этого юноши, которого погребают на том же кладбище.

Обстановка кладбища также соответствует сентиментально-романтическому произведению: ночь, луна, "вдали унылый звон рогов", да "дикая сова", которая таится "под древним сводом башни...".

Все же надо сказать, что "Сельское кладбище" написано красивым, звучным стихом, и описания природы, несмотря на сентиментальную слащавость, красивы и поэтичны.

Первая баллада Жуковского, "Людмила", написана в 1808 году. Собственно говоря это переделка баллады "Ленора" Бюргера, который рассказывает известную древнюю легенду о женихе-мертвеце. Впоследствии (1831 год) Жуковский перевел Бюргеровскую "Ленору", и перевод этот сделан необыкновенно удачно и талантливо. По этим трем балладам: "Леноре", "Людмиле", переделанной Жуковским, и "Светлане", которая как бы завершает эти три баллады, можно проследить приемы творчества Жуковского и личный отпечаток, который он оставлял на своих произведениях.

Содержание баллады Бюргера следующее: жених Леноры погиб на войне; Ленора с другими женщинами, матерями, женами и сестрами воинов, напрасно ждет его возвращения. Убедившись в том, что ее милого нет среди вернувшихся с войны, Ленора в отчаянии начинает роптать на Бога, несмотря на увещания матери. То, что случается с Ленорой после этого, является наказанием именно за этот страшный ропот. Ночью Ленора слышит конский топот и к ней является ее жених, который зовет ее скорее ехать венчаться с ним. Ленора, не долго думая, "вспрыгнула" на коня к своему милому, и вот они несутся лунной ночью по полям и лесам. В переводе Жуковского не хуже, если не лучше, чем у Бюргера, описывается эта бешеная ночная скачка.

— «Помчались... конь бежит, летит
Под ним земля шумит, дрожит,
С дороги вихри вьются,
От камней искры льются.

И мимо их холмы, кусты,
Поля, леса летели;
Под конским топотом мосты
Тряслися и гремели».

Постепенно Леноре становится страшно, она не понимает странных речей своего жениха, намекающего на что-то жуткое, неясное. По дороге встречается им похоронное шествие, которое, оставив черный гроб, несется вслед за ними, чтобы поспеть на свадьбу Леноры. Дальше видит она у дороги чернеющую виселицу с телами повешенных преступников. Жених Леноры приглашает этих мертвецов на свой свадебный пир, и они тоже мчатся за ними. У Бюргера эти преступные духи названы довольно грубым словом. В переводе Жуковский смягчил до неузнаваемости это выражение, и у него эти мертвецы превращаются в "легкий рой":

«И летом, летом легкий рой
Пустился вслед за ними,
Шумя, как ветер полевой
Меж листьями сухими".

Наконец конь примчал их к кладбищу, они очутились над вырытой могилой; при свете месяца Ленора видит, как одежда и кожа кусками спадает с ее жениха, он обращается в скелет, сжимающий ее в своих объятиях и увлекающий ее вместе с собой в могилу.

Таков сюжет Бюргеровской "Леноры", которую Жуковскій перевел, смягчив слишком страшные и грубые выражения.

"Людмила" — переделка "Леноры". Жуковскому захотелось придать этой балладе национальные, русские черты, что мы видим в имени его героини. Действие происходит в России, могила жениха Людмилы — на берегу Нарвы. Передавая ропот своей Людмилы, Жуковский настолько его смягчил, что страшное наказание, постигающее ее, кажется несоразмерным с этим ропотом. Надо сказать, что кроме имени Людмилы в ней, да и во всей балладе, не чувствуется ничего специфически русского. Повторяем, что "Людмила" написана много раньше перевода "Леноры". Но написана "Людмила" прекрасными стихами, описания ярки, сжаты, — вот почему баллада эта пользовалась большим успехом.

Но Жуковский сам не был удовлетворен и через некоторое время написал новую балладу, "Светлану", в которой сюжет "Леноры" еще больше смягчен и изменен. "Светлана" относится к одним из лучших произведений Жуковского, недаром в "Арзамасе" ему самому была дана кличка — "Светлана".

Баллада начинается с описания чисто русского обычая, гадания девушек:

«Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;

Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном,
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат,
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны».

Одна из девушек, Светлана, тоскуя о своем женихе, решается ночью гадать одна: накрывается стол на два прибора, и Светлана со свечей сидит перед зеркалом, ожидая увидать в нем отражение своего жениха. В полночь действительно является жених Светланы, она выходит с ним в морозную ночь, садится к нему в сани, и кони мчат их по снежному полю. Ночная скачка Леноры с женихом превратилась в чисто русскую езду на санях. Но, как и в “Леноре”, все, что встречается на пути, наводит страх и жуть на душу девушки. То едут они мимо церкви, в которой идет отпевание покойника, то подымается метель, то черный ворон жутко каркает над ними. Наконец, кони останавливаются перед маленькой хижиной, внезапно и кони, и сани, и жених исчезают. Светлана одна входит в хижину, перед ней гроб со свечей у иконы. Светлане страшно и она начинает тихо молиться, — и что же? К ней на плечо откуда-то слетает белый голубок, воркует, ласкается. — Жуковскому захотелось смягчить впечатление жуткого страха, и он послал своей героине этого утешительного голубка. — Но нарастание страха продолжается: покров срывается с гроба, перед Светланой мертвец, в котором она узнает своего жениха... Он поднимается, протягивает к ней руки, — голубок старается ее защитить, — Светлана вскрикивает... и просыпается! Весь пережитой ужас был сном.

«Уж рассвело, —
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы».

Светлана слышит дальний звон колокольчика; ближе, ближе, и вот остановились сани у ворот:

«Статный гость к крыльцу идет...
Кто? Жених Светланы!»

Радостно заканчивает Жуковский свою балладу счастливой встречей женихов. Вот во что обратился страшный рассказ о Леноре... “Светлана” — действительно одна из лучших ориги-

нальных баллад Жуковского; она проникнута русским духом; на всем произведении лежит отпечаток светлой, мягкой души автора.

Самая обширная из оригинальных баллад Жуковского, над которой он работал около семи лет, — "Двенадцать спящих дев". Баллада эта разделяется на две части: "Громобой" и "Вадим". Основой "Громобоя" является старинная средневековая легенда о продаже души грешника дьяволу, — легенда Гётевского "Фауста".

Громобой, так называет Жуковский своего героя, продает свою душу дьяволу, за что тот на известный срок обещает ему наслаждение, богатство и все блага земные. Громобой начинает вести дурную, распутную жизнь, наслаждаясь богатством и славой. Когда проходит назначенный срок, и дьявол является за его душой, Громобой умоляет продлить еще срок его жизни и предлагает за это дьяволу невинные души своих двенадцати дочерей. Дьявол соглашается на такое условие. Но Громобой, предложивший сам это страшное условие, вдруг приходит в ужас от совершенного им греха, начинает каяться и резко изменяет свою жизнь: молится Богу, плачет о своих грехах, творит милостыню. Он строит храм Божий и вместе со своими двенадцатью дочерьми ходит молиться перед иконою святого, в котором явно Жуковский изображает Николая Чудотворца. Когда истекает срок, определенный во второй раз, и дьявол является за душами Громобоя и его дочерей, святитель Николай встает на их защиту: Громобой должен умереть, но двенадцать девушек погрузятся лишь в глубокий сон, который продлится до тех пор, пока не найдется юноша с чистой и светлой душой, который найдет их и избавит от тяготеющего над ними наказания. На этом кончается баллада "Громобой".

"Вадим", герой второй баллады, и есть тот светлый юноша, который слышит в душе призыв свыше и идет по свету в поисках того идеального образа девушки, который однажды явился ему во сне. По дороге с Вадимом случаются разные приключения, но, наконец, он достигает того места, где среди дико-разросшегося леса стоит забытый замок Громобоя, а в нем двенадцать спящих дев. В одной из них Вадим узнает свой идеал; девушка пробуждается, за ней пробуждаются ее сестры, и все разрешается счастливым концом.

В художественном отношении баллада "Двенадцать спящих дев" стоит гораздо ниже "Светланы". Жуковскому не удалось придать ей русские, национальные черты, как он того хотел. Действие происходит недалеко от Киева, но как-то ничто не указывает на характерные черты русской природы. Дочери Громобоя засыпают в з а м к е, тогда как замков в России не бывало! Вадим — Новгородский юноша, но он ничем не напоминает русского витязя, каким Жуковский хочет его изобра-

зить, а скорее похож на идеалиста-романтика времен самого Жуковского.

Гораздо лучше удалась Жуковскому большая повесть в стихах “Ундина”. Это произведение уже не совсем самостоятельное, так как является переделкой в стихах романа немецкого писателя Ламотт Фукэ, написанного прозой, но можно смело сказать, что Жуковский превзошел свой оригинал живыми описаниями природы, фантастическими картинами, а главное созданием прелестного образа самой Ундины.

Ундина — дочь морского царя, который посылает ее на землю, чтобы прожить человеческую жизнь, и для этого подкидывает ее маленькой девочкой к дверям хижины бедного рыбака. Как и другие стихийные существа, духи, населяющие воды и леса, Ундина не имеет души и может получить ее только, если ее полюбит человек, и если она выйдет за него замуж. Рыбак и его жена не знают происхождения ребенка, которого им кто-то подкинул, и всей душой привязываются к прелестной девочке; она много дает им забот и хлопот своими шалостями и причудами, в которых проявляется характер ее стихийной природы.

Когда Ундина уже выросла и превратилась в прелестную девушку, в хижину рыбака попадает рыцарь, которого загнала в их сторону страшная буря, застигнувшая его в лесу. Мало кто решается ночью ездить через этот лес, который наполнен разными злыми духами, старающимися вредить человеку. Много претерпел страхов рыцарь Гульбранд на своем пути через лес; особенно нападал на него страшный лесной поток, то преграждая ему путь, то поднимаясь в вышину водопадом. На самом деле этот поток — дядя Ундины, Струй, который загоняет рыцаря в хижину, наметив в нем жениха для своей племянницы. Тот же Струй разливается бурным потоком и отрезает на некоторое время хижину, стоящую на берегу моря, от всякого сообщения. Рыцарь остается жить в бедной хижине и скоро сознает, что он полюбил прелестную Ундину. Тот же неистовый дядя Струй выкидывает из лодки, плывущей по морю, старого пастора и на своих волнах благополучно выносит его на берег к хижине рыбака. Пастор венчает рыцаря и Ундину, которые полюбили друг друга, — и таким образом Ундина получает наконец человеческую душу. Замечательно описывает Жуковский перемену, происходящую в Ундине; из шаловливого, взбалмошного ребенка она превращается в кроткую, нежно-любящую молодую женщину, сохраняя прежнюю прелесть невинности и кристальной чистоты.

На следующий день после свадьбы Ундина открывает рыцарю тайну своего происхождения, открывает ему и то, что она, выйдя за него замуж, получила живую душу. Ее отец, морской царь, ей:

«...любимой, единственной дочери душу живую
Дать пожелал, хотя он и ведал, что с нею и горе
(Всех одаренных душою удел) ее не минует».

Ундина предупреждает рыцаря, что если он оттолкнет ее и заставит ее страдать, она бросится в воду и вернется навеки к своему отцу. Рыцарь клянется ей в вечной любви.

Буря утихла, дорога открылась и через несколько дней, простившись с добрым рыбаком и его женой, плачущими при разлуке с Ундиной, рыцарь везет молодую жену в город. По пути через лес вновь встречают они страшного дядю Струя, который провожает их, защищая от других лесных духов. Хотя Ундина, ставшая настоящим человеком, теперь боится своей стихийной родни, Струй оберегает племянницу и шепчет на ухо рыцарю:

«...я силен, могуч; я быстр и гремуч; не сердиты
Волны мои; но люби ты, как очи свои, молодую,
Рыцарь, жену, как живую люблю я волну... и волшебный
Шопот, как ропот волны, разлетевшийся в брызги умолкнул».

Недолго Ундина счастлива с Гульбрандом. Он разлюбил молодую жену и начал увлекаться гордой красавицей Бертальдой. Ундина сначала кротко терпела, но когда муж оскорбляет ее, она исполняет свое обещание и бросается в воду. Рыцарь горюет сначала о своей верной Ундине, но скоро ее забывает и собирается жениться на Бертальде. По стихийным законам подводного царства Ундина должна сама умертвить человека, изменившего ей; в самый день свадьбы она явилась Гульбранду в прежнем образе нежной, любящей Ундины, обвила его руками, поцеловала и, горюя о том, что она должна его погубить

«...все крепче к нему прижималась,
Плакала, плакала тихо, плакала долго, как будто
Выплакать душу хотела.."

В ее объятиях Гульбранд умирает. Ундина является светлым призраком на похоронах рыцаря, следует за его гробом и затем разливается вокруг могилы супруга серебристым ручьем. Долго потом среди народа жило преданье,

«..что ручей тот — Ундина,
Добрая, верная, слитая с милым и в гробе Ундина».

"Ундина" читается легко, благодаря необыкновенно красивому и легкому ритму стиха, благодаря красивым, поэтичным и фантастическим образам и картинам. Но ответить на вопрос, какова главная мысль этого произведения, довольно

трудно. "Ундина" — фантазия, сказка, но в этой сказке очень странно перемешаны черты христианской, религиозной мысли с самой настоящей языческой фантастикой. Благочестивые супруги, принявшие Ундину, позаботившиеся первым делом окрестить ее, священник, венчающий Ундину и рыцаря, — а рядом с этим, — морской царь, гномы и всякая нечисть, населяющая лес, и дядя Струй, играющий такую важную роль в судьбе своей племянницы. Странно и даже как-то смешно, что дядя Струй, разговаривая со священником, почтительно называет его — "преподобный". Но зато образ самого дяди Струя — один из самых удачных в "Ундине"; седой поток, бурный, вольный, соединяющий в себе стихийную беспощадную силу с трогательной, преданной заботливостью к своей племяннице. В характерах старого рыбака и его добродетельной жены видны еще типичные черты сентиментализма; характер рыцаря очерчен слабо. Но образ самой Ундины — прелестен; Жуковский называет ее "несравненным, мучительно-милым, чудным созданьем", соединяющим в себе "чистоту херувима" и "изменчивость струйки". Прелестно в ней сочетание какого-то дикого, непосредственного существа с чисто женским очарованием и грацией. В первый день знакомства с рыцарем она кусает его палец своими жемчужными зубками, когда он рассказывает о красавице Бертальде; она грозит пальчиком туче, которая хочет их полить дождем, и туча слушается ее. И потом из этого резвого, шаловливого, полудикого существа, получившего человеческую душу, она превращается в кроткую, нежную, глубокопреданную, любящую и скорбящую женщину. Образ ее удался Жуковскому вполне.

Жуковский написал в стихах несколько народных сказок: "О царе Берендее", об "Иване-царевиче и сером волке" и др.; они были бы более известны, если бы впоследствии Пушкин не превзошел Жуковского в своих дивных сказках.

Третий и самый обширный отдел творчества Жуковского, — его переводы, которые несомненно составляют лучшую часть его творчества. Жуковский сам сказал в одном письме: "переводчик стихотворца есть, в некотором смысле, сам творец оригинальный" — "переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах — соперник". Этими словами Жуковский определяет свое творчество, как переводчика; он воссоздает на русском языке поэтические образы иностранных поэтов, позволяет себе вносить в них некоторые изменения, если этого требует его творческий дух. Вот почему даже на переводах Жуковского лежит отпечаток его личности.

Характерен также выбор произведений, которые Жуковский переводит. Больше всего переводов сделано из немецких поэтов Шиллера, Гете, Гебеля, Бюргера, Уланда и английских поэтов Саути, Вальтер-Скотта; выбор сюжетов, основная мысль этих поэтов были близки Жуковскому; из Байрона он перевел

только одну поэму “Шильонский узник”; мрачный дух Байрона не соответствовал мягкому, светлому настроению Жуковского, и в “Шильонском узнике” он несколько смягчил байроновские мрачные краски, выдвинув на передний план светлый образ младшего брата узника.

Лучшие баллады, переведенные из Шиллера: “Перчатка”, “Кубок”, “Граф Габсбургский”, “Ивиковы журавли”, “Жалоба Цереры”; из Гете — известная баллада “Лесной царь” (Erlkönig). Те, кто знают эту балладу по-немецки и могут сравнить ее с переводом Жуковского, бывают поражены тем, до какой степени точно сделан перевод и как при этом сохранен дух, ритм и поэзия оригинала; то же самое еще в большей степени видно при сравнении перевода “Перчатки” Шиллера. Из Гебеля самые известные переводы идиллий “Овсяный кисель” и очаровательной идиллии “Воскресное утро в деревне”, совершенно соответствующей светлому настроению Жуковского. Замечателен по своей силе перевод баллады “Суд Божий над епископом” английского поэта Саути. Сжатый язык и особый ритм стиха Жуковского создают трагический тон всей баллады. Жестокий епископ Гаттон, погубивший толпу голодных бедняков, доверчиво пришедших к нему за хлебом, сравнивший их насмешливо с “жадными мышами”, терпит страшное наказание: он заживо растерзан бесчисленным множеством напавших на него мышей. Описывая приближение мышиной стаи, Жуковский употребляет частое сочетание свистящих букв “з”, “с” с буквами “к”, “р”, что необыкновенно удачно передает мышиный писк:

«Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком,
Слышно, как стену их лапки скребут,
Слышно, как камень их зубы грызут».

Как уже было сказано, в конце своей жизни Жуковский перевел “Одиссею” Гомера и начал переводить “Иллиаду”. Над “Одиссеей” он работал 7 лет (1842-1849 гг.) и весь отдался обаянию древнего мира. Жуковский не знал греческого языка и пользовался немецким дословным переводом одного ученого филолога. Это обстоятельство, конечно, очень затрудняло перевод в стихах, и тем не менее “Одиссея” переведена прекрасным ритмическим гекзаметром, передающим дух античной поэзии. Жуковский, подражая Гомеру, создает сложные эпитеты, двойные прилагательные: “звездобестучное небо”, “многоиспытое море”, “медноблестящие копья”, “островесельные корабли”, “светлоструйный поток” и др.; эпитеты эти могут быть более или менее удачны, но несомненно то, что они создают и передают дух древней поэзии.

Окончив “Одиссею”, Жуковский начал переводить “Ил-

лиаду", но успел перевести только две песни. В предисловии к "Иллиаде" он говорит, что не надо сравнивать его перевод с переводом Гнедича, так как ему пришлось пользоваться немецким переводом, а Гнедич, знавший греческий язык, переводил с оригинала.

Перевод "Иллиады" Н. И. Гнедича был сделан гораздо раньше, он был издан уже в 1829 году. Пушкин приветствовал появление перевода "Иллиады" двустишием:

«Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи,
Старца великого тень чую смущенной душой».

Но несмотря на то, что перевод Гнедича, сделанный прямо с греческого языка, точнее, он несомненно уступает переводу Жуковского. Гнедич придерживается все время торжественного, несколько приподнятого тона, который не соответствует простоте Гомеровского языка; двойные эпитеты Гнедича менее удачны, чем эпитеты Жуковского ("звуконогие кони", "дыроокий шлем"). Несмотря на эти недостатки, нельзя не ценить огромного вклада, сделанного Гнедичем в русскую литературу.

Возвращаемся к Жуковскому. В конце своей жизни Жуковский от лирической поэзии перешел к эпической; его особенно интересовал восточный эпос. Он перевел, как уже было сказано выше, "Наль и Дамаянти" из индийского эпоса; — "Рустем и Зораб" из персидского, — открывок из "Шах-наме" (Книга царей). Оба эти перевода сделаны с немецкого перевода поэта Рюккерта.

Жуковский также прекрасно перевел — "Слово о полку Игореве", но к сожалению не успел его окончательно обработать.

Велика заслуга Жуковского, как переводчика! Он познакомил русское общество с лучшими произведениями иностранной литературы, сумел передать в прекрасной поэтической форме национальный дух и колорит оригиналов. Другой русский поэт, кн. Вяземский, говоря о его переводах, сказал, что Жуковский "в бореньях с трудностью силач необычайный".

Стих Жуковского мягкий, гибкий, подлинно поэтичен. Недаром Пушкин, характеризуя все его творчество, сказал:

«Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость».

К большим заслугам Жуковского надо отнести его светлый и возвышенный взгляд на значение поэзии, на призвание поэта. Вспомним Ломоносова, который будучи сам талантли-

вым поэтом, считал, что поэзия должна служить науке. Вспомним Державина, который в оде "Фелица" сказал, что поэзия

«...любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад»,

другими словами, поэзия — забава. Сам Державин, конечно, глубже смотрел на значение поэзии, что мы видим по другим его одам, как, например: "Памятник", "Бог"; но, называя поэзию — забавой, Державин высказал мысль, господствовавшую в екатерининскую эпоху.

Совсем другого мнения был Жуковский. "Поэзия есть добродетель", говорит он в "Послании к Вяземскому" еще в 1814 году, так как она выражает лучшие чувства души и сердца. Вдохновение, "гений чистой красоты", посылается поэту свыше, открывая ему доступ в небесные высоты. Вот почему для человека, глубоко верующего, каким был Жуковский, поэзия является выразительницей его самых возвышенных, религиозных мыслей и переживаний.

"Поэзия — религии небесной сестра земная", говорит он в одном из позднейших своих произведений ("Камоэнс"); "поэзия есть Бог в святых мечтах земли". Вот почему поэт призван возвещать правду Божию на земле, возбуждать в сердцах людей лучшие мысли и чувства.

Этот возвышенный взгляд Жуковского на значение поэта, все светлое настроение и направление его поэзии несомненно оказали влияние на молодого Пушкина, которого недаром Жуковский назвал своим учеником, победившим и далеко превзошедшим своего учителя.

Другой поэт, оказавший влияние на раннее творчество Пушкина, был К. Н. Батюшков (1787-1855 гг.), который написал сравнительно немного, так как заболел душевной болезнью и кончил жизнь сумасшедшим.

Батюшков, как и Гнедич, был представителем классического направления в литературе, не ложно-классического, отжившего свой век, а именно классического, так как следовал непосредственно древне-греческим образцам. Пушкину в стихах Батюшкова нравилась изумительная пластичность, безупречность формы.

Вот как наш известный критик Белинский характеризует Батюшкова, сравнивая его с Жуковским: — «Если неопределенность и туманность — отличительный характер романтизма в духе средних веков, то Батюшков столько же классик, сколько Жуковский романтик, ибо определенность и ясность — первые и главные свойства его поэзии. Светлый и определенный мир изящной и эстетической древности, вот, что было призва-

нием Батюшкова. В нем первом из русских поэтов художественный элемент явился преобладающим элементом. В стихах его много пластики, много скульптурности, если можно так выразиться. Стих его не только слышен уху, но видим глазу: хочется ощущать извивы и складки его мраморной драпировки».

3.

И. А. Крылов
(1768-1844)

Крылов по своим литературным взглядам принадлежал к старому классическому направлению, он был противником сентиментализма, противником Карамзина и одно время принимал участие в "Беседе любителей русского слова" Шишкова. Но в его баснях сильнее всего выступает и чувствуется реализм, который вместе с ясно-выраженным национальным характером является главной отличительной чертой его творчества.

Иван Андреевич Крылов родился в 1768 году в Москве. Отец его был бедный армейский офицер, служивший сперва в Москве, затем в Оренбургском краю, где прошло раннее детство писателя. Родители его были честные, простые люди, детей своих, Ивана Андреевича и его младшего брата Льва, воспитывали на свободе. В детстве Иван Андреевич часто бегал по улицам, любил ходить на базар, вмешиваться в простонародную толпу; вот почему ему с ранних лет так хорошо был знаком народный язык, пословицы, поговорки, чисто народные обороты речи.

Мы очень мало знаем подробностей о биографии Крылова. У него был скрытный, замкнутый характер, он не любил рассказывать о своей жизни. Известно, что отец его во время усмирения Пугачевского бунта отличился при защите Яицкого города; имя его упомянуто Пушкиным в его "Истории Пугачевского бунта". Крылову было около девяти лет, когда его отец умер. Мать его, женщина совсем простая, но умная и энергичная, одна воспитывала двух мальчиков. В 1782 году она переехала с ними в Петербург. Крылову было всего 14 лет, когда он поступил на службу в Казенную палату, где получал сначала 25 р. жалованья в год; он должен был помогать матери и маленькому брату, о котором всю жизнь заботился; брат его, Лев, нежно любил и уважал Ивана Андреевича, называл его "тятенькой".

Нечего говорить, что при сложившихся обстоятельствах образование Иван Андреевич получил самое неудовлетворительное; одно время он учился в дворянском училище; затем, занимался вместе с детьми одного богатого знакомого, вы-

учился французскому языку. Впоследствии ему удалось, благодаря необыкновенному уму и настойчивости, пополнить свое образование чтением и изучением иностранных языков. Служа в Петербурге в Казенной палате, Крылову удавалось, несмотря на трудные обстоятельства, часто бывать в театре, которым он увлекался, удалось познакомиться с некоторыми актерами, между прочим с известным тогда трагиком Дмитриевским. Что давалось в те времена на Петербургской сцене? Еще играли высокопарные ложно-классические трагедии Сумарокова; лучшими пьесами были “Мельник” Аблесимова, — “Бригадир” и “Недоросль” Фон-Визина. Увлекаясь театром, Крылов решил сам испробовать свои силы в этой области и 16-ти лет написал комедию “Кофейница”. Сюжет этой комедии был, вероятно, навеян одной статьей Новикова из журнала “Живописец”: “О кофегадательницах, столь много служащих к посрамлению человеческому”. В своей комедии Крылов изображает молодую помещицу Новомодову, эгоистичную щелогиху, напоминающую Фонвизинскую Советницу, которая хочет продавать крестьян, чтобы покупать себе наряды; изображает хитрого и алчного приказчика, притесняющего крестьян. Действующие лица встречаются у гадалки на кофейной гуще. Недостатков в этом первом произведении Крылова много, язык куплетов, вставленных в комедию, тяжелый и неуклюжий, — но чувствуются определенно сатирические дарования автора, встречаются удачные народные выражения. Крылову удалось продать одному издателю свою комедию; на вырученные 60 р. он накупил себе книг, главным образом французских классиков. Ободренный этим успехом, он написал трагедию “Клеопатра”, но Дмитриевский, благоволивший к Крылову, раскритиковал ее до такой степени, что молодой автор сам ее уничтожил.

В течение 4-х лет (с 1789 до 1793 года) Крылов вместе с некоторыми другими писателями занялся журнальной деятельностью. Журналы его, “Почта Духов” и “Зритель”, напоминают Новиковские и обличают те же общественные недостатки, которые осмеяны в “Живописце” и “Трутне” (см. I ч. главу 47). В 1793 году Крылову пришлось прекратить журнальную деятельность из-за строгостей тогдашней цензуры.

Мало что известно о жизни Крылова в течение последующих 11-ти лет. Он часто менял местожительства, служил то учителем, то секретарем в разных домах. Известно, что он увлекался азартной игрой в карты, ездил по разным городам и вел крупную игру; из-за этого у него бывали большие неприятности, так как он то выигрывал, то проигрывал; попавши както в компанию профессиональных шулеров, он даже имел столкновение с полицией. Рассказывают, что выиграв однажды крупную сумму, Крылов дал себе слово больше не играть, — употребил деньги на оплату образования своего брата, и

имел силу воли действительно навсегда прекратить азартную игру в карты.

Одно время он служил учителем в доме кн. Голицына. Известно, что он сочинил несколько небольших комедий для его домашних спектаклей и во время вечеров в доме Голицыных прекрасно играл на скрипке.

В 1806 году Крылов вернулся в Петербург; к этому периоду относятся его первые басни: "Дуб и трость" и "Разборчивая невеста". Крылов имел смелость явиться с этими баснями к старому писателю Дмитриеву, другу Карамзина, который написал ту же басню "Дуб и трость". Несмотря на это Дмитриев отдал справедливость своему сопернику, расхвалил его басню и сказал Крылову: "Это истинный Ваш род. Наконец-то Вы нашли его".

Вскоре после этого появились две пьесы Крылова, "Модная лавка" и "Урок дочкам"; это лучшие из его комедий, в которых Крылов осмеивает подражание всему французскому, называя его "чужебесием". Точно не установлено, к какому периоду жизни Крылова относится комедия "Лентяй", в которой он очень удачно изображает тип барина-лентяя.

В 1808 году кн. Шаховской напечатал 17 басен Крылова в журнале, который издавали противники Карамзина. Это послужило началом известности Крылова. В том же году кн. Шаховской ввел его в литературный кружок Оленина, который оказал большое влияние на литературные взгляды баснописца.

Оленин был известный петербургский меценат, человек очень культурный, всесторонне образованный, с тонким художественным вкусом. Он был в дружественных отношениях с Державиным, Шишковым, Шаховским, но в то же время дружил и с Карамзиным и его последователями. Оленин не принимал участия в борьбе "Беседы" и "Арзамаса", придерживаясь собственных, очень широких литературных взглядов. Он был большой знаток классической древности, и в его доме собирались писатели, сторонники чисто классического направления: Батюшков, Гнедич, Крылов, Озеров и другие.

В 1809 году вышло первое собрание басен Крылова, разошедшееся с необычайной быстротой, доставившее ему скорую и громкую славу. За первым изданием последовало второе, третье, при жизни Крылова вышло 10 изданий, все более и более пополненных. Интересно отметить, что за 15 лет (с 1805 до 1820 года) Крылов написал 140 басен, затем за 12 лет — 53 басни, а потом по 3 басни в год. Когда в конце его жизни друзья упрекали его в том, что он не пишет, он отвечал со свойственным ему остроумием: "лучше, чтобы меня ругали за то, что я не пишу, чем за то, что я продолжаю писать".

Через Оленина Крылов получил место в Императорской Публичной библиотеке, где он прослужил 30 лет, сначала по-

мощником библиотекаря, затем библиотекарем. Служба была покойная и хорошо оплачивалась. В 1838 году был торжественно отпразднован 50-летний юбилей Крылова. В 1842 году он вышел в отставку и жил на покое, обеспеченный значительной пенсией, назначенной ему Государем.

Редкий писатель пользовался еще при жизни такой известностью, как Крылов. Читали и знали его басни и взрослые и дети, любившие "дедушку Крылова". В обществе он имел всегда большой успех, его часто приглашали читать басни в разных светских салонах, читал он и при дворе Императрицы Марии Федоровны.

Сохранилось множество анекдотов о Крылове, рисующих его лень, небрежность и любовь хорошо покушать. Но сохранилось также несколько рассказов, свидетельствующих, что с этой ленью и какой-то внешней распущенностью Крылов соединял необыкновенную силу воли. Так, например, на пари с Гнедичем он самостоятельно изучил в 2 года греческий язык, так что свободно мог читать античную литературу. Иногда он проявлял силу воли в мелочах: рассказывают, что, увидев однажды жонглера, который с необычайной ловкостью жонглировал несколькими шарами зараз, он заперся у себя на несколько дней, упражняясь в жонглерстве и достиг виртуозности, которой поразил своих друзей.

Еще при жизни Крылова его басни были переведены на все европейские языки. Теперь переводы басен Крылова имеются на 24-х языках. Талант его был признан всеми. Наши известные писатели, знавшие его при жизни, — Пушкин, Батюшков, Гоголь, — любили и уважали его.

Умер Крылов в 1844 году, а в 1855 году в Петербурге, в Летнем Саду, среди площадки, где играют дети, ему был поставлен памятник работы скульптора барона Клодта. На подножии памятника изображены самые известные из его басен.

Литературная деятельность Крылова выразилась в комедиях, журналах и баснях.

В комедиях его много недостатков, как по форме, так и по содержанию. Они не сценичны, язык тяжел.

Известны комедии: "Лентяй", "Модная лавка", "Урок дочкам" и другие. В комедии "Лентяй" Крылов первый в русской литературе изобразил тип беспечного русского барина-лентяя, увековеченного впоследствии Гончаровым в лице Обломова. Крылов первый подметил эти черты характера, встречающиеся, увы! среди русских людей.

В комедиях "Модная лавка" и "Урок дочкам" осмеивается чрезмерное увлечение всем французским, галломания.

"Модную лавку" содержит бойкая, разбитная француженка-модистка, тип субретки французских комедий. Она должна

была уехать из Франции, так как ее преследовала полиция за какие-то незаконные дела; в России же она пользуется большим успехом и не только торгует в своей модной лавке, но еще занимается разными интригами, устраивает любовные свидания.

"Урок дочкам" есть в сущности вольная переделка комедии "Les précieuses Ridicules" Мольера. Но Крылов сумел придать своим действующим лицам чисто русские черты. Дочери помещика Велькарова, Фекла и Лукерья, жеманные щеголихи, страдают и жалуются, что им приходится жить в деревне, где они даже не могут говорить между собой по-французски, так как отец это строго им запрещает.

Велькаров — простой русский барин, сердится на своих дочерей, за то, что они презирают все родное, русское, увлекаясь французским языком, манерами и модами. Он увозит их из Москвы, где они воспитывались в доме тетки, и запирает их в своем имении. Скучая в деревне, они радуются всякому приезжему из города, и вот тут они попадаются на удочку ловкого плута, слуги одного молодого офицера, который выдает себя за французского маркиза и одурачивает девиц-щеголих. Крылов вставил в свою комедию новое лицо, няню Василису, явление типично-русское, напоминающее своей безотчетной преданностью Еремеевну из "Недоросля".

Несмотря на то, что в некоторых местах этих комедий проявляется оригинальная мысль и природное остроумие Крылова, литературное достоинство их не особенно велико, и они очень устарели.

В журнальных статьях "Почта духов" и "Зритель" разворачиваются тонкая наблюдательность, правильная оценка и остроумие автора. Крылов сатирически рисует очень широкую картину современной русской жизни, беспощадно обличая ее недостатки и пороки: взяточничество, нечестность, дурное обращение помещиков с крепостными крестьянами, невежество, увлечение всем иностранным.

Но и журналы Крылова теперь нам кажутся устаревшими. Лучшая и главная часть творчества Крылова, это его басни; они никогда не устареют и устареть не могут; в них проявилось художественное творчество и огромный, самобытный талант Крылова. Недаром Плетнев, написавший его биографию, сказал по поводу первой басни ("Дуб и трость"), написанной в 1806 году: "Для нас Крылов родился в 40 лет".

Крылов написал за свою жизнь 201 басню, из которых 70 заимствованы у Лафонтена и Эзопа, большая же часть — оригинальны. По содержанию можно разделить все басни на три части: 1) басни, в которых осмеиваются обще-человеческие недостатки и пороки; 2) басни, в которых автор обличает общественные недостатки современной ему жизни и 3) басни — исторические.

Первый отдел самый обширный. Во многих баснях Крылов осмеивает глупость и невежество со всевозможными оттенками этого недостатка; так, глупая мартышка сердится на очки только потому, что она не умеет ими пользоваться ("Мартышка и очки"); обезьяна по глупости не узнает своего отражения в зеркале ("Зеркало и обезьяна") — да еще, пользуясь случаем, критикует и осуждает ближних; глупец не умел просто открыть "ларчика"; "Любопытный" по своей умственной близорукости видит только мелкие подробности жизни и не замечает главного. В замечательной басне "Лжец" осмеивается одновременно хвастовство, ложь, глупость и увлечение всем иностранным, то "чужебесие", которым Крылов так возмущался.

Тщеславие и лесть осмеяны в "Ворона и лиса". От лести недалеко до угодничества; как остроумно и тонко оно обличается в басне "Две собаки"! Тяжело живется "верному псу Барбосу", этому честному труженику, между тем, как Жужу, "кудрявая болонка", прекрасно сумела устроить свою жизнь, — каким способом? Лишь тем, что она перед хозяевами "на задних лапках ходит"...

Басня "Демьянова уха" до такой степени известна, что ее часто понимают в буквальном смысле, считая, что в ней осмеяно преувеличенное, навязчивое гостеприимство; на самом деле Крылов обличал в этой басне тех авторов, которые слишком расхваливают свои произведения (уху) и против воли угощают ими своих гостей.

Эгоизм осмеян в басне "Лягушка и Юпитер"; тот же эгоизм, да еще с оттенком полного равнодушия к чужой беде, изображен в басне "Чиж и голубь"; неблагодарность — в "Волк и журавль"; жадность — в "Фортуна и нищий" и т. д.

Во втором разряде басен, в которых обличаются общественные недостатки, говорится главным образом о неправосудии, подкупности, взяточничестве, — и затрагивается вопрос воспитания детей.

Неправосудие и взяточничество ярко изображено в таких баснях, как "Крестьянин и овца", "Лисица и сурок", "Рыбьи пляски", "Щука". В этой последней басне Крылов изображает суд с беспощадной насмешкой, которая сквозит в каждом слове. С злой иронией описываются судьи:

«То были: два осла,
Две клячи старые, да два иль три козла.
Для должного ж в порядке дел надзора
Им придана была лиса за прокурора»;

так как обвиняемый, щука...,

«лисаньке снабжала рыбный стол,

то всякими хитрыми уловками лиса спасает щуку, обманывая и одурачивая "почтенных судей: она предлагает заменить назначенную щуке казнь повешенья, другой, по ее словам более страшной: — "утопить ее в реке". "Прекрасно"! кричат ослы, козлы и клячи, не понимая обмана прокурора, "и щуку бросили в реку", так что она и впредь будет поставлять "лисаньке" рыбу. Как бы наивно Крылов вставляет посредине своего рассказа глубоко ироническую фразу: "Со всем тем не было в судьях лицеприятья".

Лиса во всех этих баснях играет роль хитрого плута, взяточника, — у нее всегда "рыльце в пушку" ("Лисица и сурок"). Овцы — всегда изображают обиженный элемент ("Крестьянин и овца"). Лев, как верховная власть, иногда карает обманщиков ("Рыбьи пляски").

Вопрос воспитания детей затрагивается в баснях "Кукушка и горлинка", "Крестьянин и змея". Крылов осуждает тех родителей, которые отдают своих детей на воспитание посторонним людям, "вверяют их наемничьим рукам"; так кукушка подбрасывает свои яйца в чужие гнезда. Такие родители в старости не могут и не должны ждать любви и ласки от своих детей. В басне "Крестьянин и змея" Крылов намекает на то, что родители часто не разбираются в достоинствах воспитателя иностранца, которому они поручают своих детей. В его басне крестьянин как раз правильно разбирается в этом вопросе и отказывается принять змею в дом.

"Отцы", заканчивает Крылов свою басню, — "понятно ль вам, на что здесь мечу я"?...

Исторических басен у Крылова не так много. Приведем самые известные:

Басня "Волк на псарне" написана в 1812 г. и изображает Отечественную войну. Наполеон — волк, седой ловчий — Кутузов. Волк думал, что легко справится с овцами, — но враги его оказались не овцами, а злыми псами, готовыми растерзать "серого забияку". "Псарня стала адом". "Бегут — иной с дубьем, иной с ружьем" — намек на партизанщину. — "Огня! кричат — огня. Пришли с огнем", — намек на пожар Москвы. Волк хочет пуститься в переговоры, как Наполеон, предлагавший Кутузову начать переговоры о мире; но старый ловчий (Кутузов) прервал речь волка словами: "Ты сер, а я, приятель, сед. И волчью вашу я давно натуру знаю... А потому обычай мой: с волками иначе не делать мировой, как снявши шкуру с них долой", — "И тут же выпустил на волка гончих стаю".

Рассказывают, что Крылов послал Кутузову список этой басни, и что Кутузов сам прочел ее вслух своим офицерам, причем при словах: "ты сер, а я, приятель, сед" — снял фуражку и выразительно указал на свои седые волосы.

В басне "Обоз" Крылов намекает на осторожные, медли-

тельные действия Кутузова, которые критиковала большая часть русского общества.

В басне "Щука и кот" осмеивается адмирал Чичагов, упустивший Наполеона при переходе через Березину. В фразе — "и крысы хвост у ней (у щуки) отъели" виден намек на то, что французы захватили часть обоза Чичагова.

В известной басне "Квартет" иронически изображается заседание Шишковской "Беседы", членом которой, впрочем, был сам Крылов; некоторые видели в этой басне насмешку над членами Государственного Совета, образованного по проекту Сперанского.

"Кукушка и петух" изображают журналистов Греча и Булгарина, которые в своих статьях взаимно восхваляли друг друга. Можно предполагать, что в басне "Воспитание льва" Крылов намекает на воспитание Александра I-го. Консерваторы, недовольные реформами Александра I-го в начале его царствования, обвиняли в духе и направлении этих реформ республиканца Лагарпа (орла), воспитывавшего Александра I-го.

Невозможно перечислить и разобрать все басни, которые так разнообразны и богаты по своему содержанию и смыслу. При общей оценке басен Крылова надо сказать, что главные художественные достоинства их заключаются, во-первых, в языке и художественности формы, а, во-вторых, в поразительной выпуклости и реализме.

Крылов говорит чисто-русским, народным языком; он употребляет часто уменьшительные, — "куманек", "светик", — или такие выражения и обороты речи, которые свойственны только простонародному, бытовому языку: "невеста-девушка смышляла жениха", "отколе ни возьмись", — "тихохонько медведя толк ногой", "случись тут мухе быть". Или же он пользуется народными оборотами речи, с пропуском глагола или другого слова: — "навстречу моська им. — Увидевши слона, ну на него метаться", — "и с возом бух — в канаву"

Некоторые выражения Крылова вошли в употребление, как поговорки, что доказывает насколько они удачны: "чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться"; — "рыльце в пушку"; — "ларчик просто открывался"; названия некоторых басен стали служить обще-употребляемыми эпитетами: "Демьянова уха", "Тришкин кафтан".

Странно, что среди такого чисто русского языка басен встречаются иногда мифологические имена Юпитера, Афины, Апеллеса, Нептуна; правда, встречаются они не слишком часто, и это единственное, чем Крылов в своих баснях отдал дань классицизму.

Реализм басен — удивителен, некоторые картины описаны с такой, если можно так выразиться, — выпуклостью, живостью, что их одновременно и видишь и слышишь. Как ра-

дуется "дворовый верный пес, Барбос" ("Две собаки") своей старой знакомой, Жужу, увидав ее в окне:

«К ней ластится, как будто бы к родне,
Он с умиленья чуть не плачет
И под окном
Визжит, вертит хвостом
И скачет...».

Так и видишь этого лохматого, простоватого Барбоса.

Интересно, между прочим, сравнить одну из самых известных басен "Ворона и лиса" с басней: "Le Corbeau et le Renard" Лафонтена, который так тонко передает изящный французский язык XVII-го века. У Крылова же ворона и лиса — русские, в этом не ошибешься; и с каким реализмом описана хитрая лиса, которой хочется покушать, ее осторожные, ловкие приемы:

«Плутовка к дереву на цыпочках подходит,
Вертит хвостом, с вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
Голубушка, как хороша!»

Каким чисто народным выражением заканчивает автор свою басню — "с ним была плутовка такова".

Необходимо отметить еще одну очень характерную черту басен Крылова, это уменье остроумными намеками, как бы мимоходом, задевать и высмеивать человеческие недостатки, даже если эти недостатки не относятся к главному сюжету басни. Так, в басне "Лжец" приятель говорит хвастуну-лжецу, что с моста, по которому "лжец ни один пройти не смеет", обрушились в воду "два журналиста, да портной"; намек на то, что часто журналистов и портных обвиняют во лжи. В басне "Кот и повар", рассказывая, как "повар-грамотей с поварни побежал своей в кабак", оставив кухню на попечение кота, Крылов как бы мимохом иронизирует по поводу ханжества повара: "он набожных был правил и в этот день по куме тризну правил"...

Басни Крылова очень часто дают учить наизусть маленьким детям, но в сущности многое в них непонятно в детском возрасте; многому может научиться и взрослый человек, вникая в эти живые, тонко-остроумные и часто глубокие по мысли образы и картины.

В заключение всего сказанного приведем несколько слов из трогательного письма младшего брата Крылова, который восхищается талантом Ивана Андреевича и говорит: "читал я басни других писателей (Измайлова), но в сравнении с твоими, как небо от земли: ни той плавности в слоге, ни красоты нет, а особливо простоты, с какою ты имеешь секрет писать,

ибо твои басни и грамотный мужик и солдат с такою же приятностью читать может... Как ты, любезный тятенька, пишешь, так это — для всех: для малого и для старого, для ученого и простого, и все тебя прославляют"...

Вот как трогательно и удивительно верно характеризует и восхваляет Лев Андреевич Крылов замечательные произведения своего знаменитого брата.

4.

А. С. Грибоедов

Грибоедов написал за свою жизнь очень немного, но то, что он написал, его комедия "Горе от ума", относится к лучшим и бессмертным произведениям русской литературы. Недаром Белинский, известный русский критик первой половины XIX-го века, сказал, что Грибоедов "принадлежит к самым могучим проявлениям русского духа".

Александр Сергеевич Грибоедов родился в Москве в 1795 году. Он происходил из богатой дворянской семьи, принадлежавшей к тому высшему московскому обществу, которое он впоследствии описал в своей комедии. Воспитание и образование он получил прекрасные, сперва дома, с различными учителями и гувернерами, затем в Благородном пансионе. Грибоедов свободно владел несколькими иностранными языками, прекрасно играл на фортепьяно и иногда увлекался музыкальными импровизациями; с детства в нем видна была талантливая, одаренная натура. Пятнадцати лет он поступил в Московский университет, где он оставался 2 года. Здесь сложились и определились его литературные взгляды и вкусы; на Грибоедова оказал большое влияние профессор эстетики Булэ, сторонник классической теории искусств, с которым он много и часто беседовал. Грибоедов вышел из университета в 1812 году, в самый разгар Отечественной войны; он сразу определился волонтером на военную службу, но ему не удалось участвовать в военных действиях; полк его больше трех лет пробыл в Белоруссии, переходя из одного местечка в другое. Впоследствии Грибоедов с горечью вспоминал эти годы военной службы, проведенные им большей частью в карточной игре, в кутежах и развлечениях, отвлекавших его от всякой культурной работы. Веселый, пылкий, страстный Грибоедов, тогда еще очень юный, легко увлекался примером окружавшей его офицерской среды, становясь часто центром разных шалостей и выходок. Рассказывают, например, что однажды, он на пари появился на бал к одному богатому белорусскому помещику, въехав верхом на лошади в бальный зал.

В 1816 году Грибоедов вышел в отставку и определился на службу в Коллегию иностранных дел. Живя в Петербурге, он увлекался театром и познакомился с князем Шаховским, Хмельницким, Катениным, произведения которых ставились тогда на сцене. Мы уже упоминали несколько раз Шаховского, автора комедий "Новый Стерн", "Липецкие воды" и многих других. Хмельницкий известен, как автор комедии "Воздушные замки" и переводчик Мольера; Катенин — главным образом, как переводчик Корнеля ("Сид") и Расина ("Эсфирь"); "...наш Катенин воскресил Корнеля гений величавый", сказал про него впоследствии Пушкин ("Евгений Онегин").

Через Шаховского Грибоедов познакомился с другими членами "Беседы" и всей душой примкнул к классическому течению. В первой своей комедии "Студент" Грибоедов осмеивает сентиментализм, задевает Жуковского и даже, как ни странно, Батюшкова. Но в этой же комедии довольно серьезно затронут и вопрос крепостного права, изображено тяжелое положение крепостного крестьянина, с которого барин требует непосильного оброка.

Вместе в Шаховским и Хмельницким Грибоедов написал очень забавную комедию, "Своя семья, или замужняя невеста", которую до сих пор иногда ставят на сцене; комедия эта всегда пользуется успехом благодаря живым, забавным картинам и очень легкому языку.

Одна из пьес Грибоедова, "Молодые супруги" (переделка с французского), была поставлена на сцене уже в 1815 году.

В 1819 году Грибоедов был назначен секретарем при русском посольстве в Персии, и должен был ехать в Тавриз. Ему хотелось всецело посвятить себя литературе, но мать его требовала, чтобы он служил. Своей служебной деятельности Грибоедов отдался всей душой и скоро обратил на себя внимание своими выдающимися дипломатическими способностями. Несмотря на службу, Грибоедов находил время для серьезных занятий. В Тавризе, который он остроумно называл своим "дипломатическим монастырем", он серьезно изучил персидский и арабский языки, изучал персидскую литературу, историю. Там же он серьезно работал над своей знаменитой комедией "Горе от ума", которую задумал чуть ли не с пятнадцати лет. В Тавризе закончены были 1-ое и 2-ое действия.

По делам службы Грибоедов несколько раз ездил из Тавриза в Тифлис. Известный генерал А. П. Ермолов, главнокомандующий на Кавказе, обратил внимание на блестящие способности молодого человека, и, по его просьбе, Грибоедов был назначен к нему секретарем по иностранной части. В Тифлисе он оставался до 1823 года. Несмотря на успех по службе и сердечное отношение Ермолова, Грибоедова неудержимо тянуло в Россию. Наконец он получил отпуск и около года про-

вел то в Москве, то в Петербурге, то в имении своего друга Бегичева в Тульской губернии.

Приехав в Москву после долгого отсутствия, окунувшись, как его герой Чацкий, в водоворот московского общества, Грибоедов под свежим впечатлением закончил "Горе от ума" в имении Бегичева.

Редко, какое литературное произведение, не будучи напечатанным, распространилось и стало известно с такой быстротой, как "Горе от ума". Друзья переписывали его и передавали рукописи друг другу. Многие заучивали наизусть отрывки и целые сцены комедии. "Горе от ума" сразу вызвало в обществе бурный восторг — и такое же бурное негодование; негодовали все те, кто чувствовали себя задетыми, осмеянными в комедии. Враги Грибоедова кричали, что комедия его — злой пасквиль на Москву; они сделали все, что могли, чтобы не допустить печатания "Горе от ума", не допустить постановки на сцене. И действительно, "Горе от ума" было издано уже только после смерти Грибоедова, а постановку своей действительно замечательной комедии он видел только раз в любительском исполнении офицеров в Эривани (1827 г.).

Несмотря на горячее желание Грибоедова подать в отставку, он должен был, по настоянию своей матери, вернуться вновь на службу на Кавказ.

После вступления на престол государя Николая I-го в 1826 году, Грибоедов был неожиданно арестован и привезен в Петербург; он был обвинен в участии в заговоре декабристов, но очень скоро оправдался и был отпущен. До сих пор не установлено, состоял ли он действительно членом "Северного общества". В "Горе от ума" Грибоедов высказал свое отрицательное отношение к тайным обществам (Репетилов); но известно, что он действительно был близок и переписывался с некоторыми из декабристов (Кюхельбекером, Бестужевым, кн. Одоевским), — поэтами и литераторами.

В 1826-27 годах Грибоедов принимал деятельное участие в войне против Персии, служил при генерале Паскевиче, который заменил на Кавказе Ермолова. Много раз Грибоедов проявлял на войне блестящую храбрость, самообладание. Заключение Туркманчайского договора, по которому Россия получила Эриванскую область и большую контрибуцию, было делом рук Грибоедова, который вел дипломатические переговоры. Паскевич, ценя его заслуги, хотел, чтобы он лично доложил Государю о заключенном мире. Николай I-й принял его очень милостиво, наградил и вскоре назначил посланником в Персию.

Дипломатическая карьера Грибоедова была блестяща; ему было всего 33 года, когда он был назначен на ответственный пост посланника. Но эта честь и отличия не радовали его. Ни-

когда еще ему не было так тяжело покидать Россию. Тяжелые, смутные предчувствия не давали ему покоя. Прощаясь с друзьями, он чувствовал, что никогда больше их не увидит.

По дороге в Персию Грибоедов остановился в Тифлисе и здесь провел несколько месяцев. Грибоедов любил одну молодую девушку, княжну Нину Чавчавадзе, которую еще девочкой он видал в Тифлисе. Встретившись с нею вновь, Грибоедов решился сделать предложение и, получив согласие, в скором времени женился. Счастье молодых супругов продолжалось очень недолго! Грибоедов должен был ехать в Персию, на место своего назначения. Он не хотел брать с собой молодую жену, так как атмосфера в Персии после недавней войны была очень натянутой; жена проводила Грибоедова до Тавриза, куда он один отправился в Тегеран, надеясь через некоторое время выписать ее туда. Но больше им не суждено было встретиться на этом свете...

Персы были крайне раздражены против Грибоедова, который заключил такой невыгодный для них мир. Есть основания предполагать, что и английская дипломатия поддерживала это раздражение персов против России. Грибоедов, как представитель России, занял сразу очень твердую и решительную позицию; он сделал все, что мог, для освобождения множества русских пленных, томившихся в персидском плену, а также взял под свою защиту христиан, которых преследовали магометане. Раздражение персов разжигали фанатичные муллы. Узнав, что в доме посольства скрываются христиане, бежавшие от преследования персов, возбужденная толпа народа окружила посольство, требуя их выдачи. Грибоедов отказался выдать скрывавшихся под его защитой христиан. Огромная толпа персов начала штурмовать дом. Грибоедов сам с саблей в руках стал во главе защищавших посольство казаков и был убит в этой неравной битве, — персов было раз в десять больше русских, которые были все перебиты рассвирепевшей толпой. Изо всего русского посольства спасся один человек, который и рассказал о твердом, смелом поведении Грибоедова и его геройской смерти. Только на третий день пришли войска; мятеж был усмирен. Мстительная толпа персов изуродовала тело Грибоедова, волоча его по улицам города; узнали его только по сведенному пальцу руки, которая была за несколько лет до этого прострелена пулей на дуэли.

Пушкин в это время путешествовал по Кавказу и случайно на дороге встретил арбу, на которой везли тело Грибоедова в Тифлис. Вот, что написал Пушкин об этой встрече в своем "Путешествии в Арзрум":

«Несколько грузин сопровождали арбу. — «Откуда вы?», спросил я их. — «Из Тегерана». — «Что вы везете?» — «Гри-

боедова». — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис.

Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году в Петербурге, перед отъездом в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия.

Говоря дальше о Грибоедове, Пушкин пишет:

«Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — все в нем было необыкновенно привлекательно». — «Самая смерть, постигшая его среди смелого, неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна».

Грибоедов был убит 30 января 1829 г.; похоронили его в Тифлисе, в монастыре св. Давида.

Творчество Грибоедова.

Грибоедов написал в общем очень немного; до своей знаменитой комедии "Горе от ума" он написал легкие комедии: "Студент", "Молодые супруги", "Притворная неверность", — несколько сцен комедии "Своя семья".

В бумагах Грибоедова сохранилось несколько сцен из неоконченной трагедии "Грузинская ночь", которую он начал писать уже после "Горе от ума". В этой трагедии автор затрагивает больной вопрос крепостного права, произвол помещиков. Грибоедов, по существу своего таланта, был сатириком, трагическое удавалось ему хуже; тем не менее, в дошедших до нас сценах "Грузинской ночи" есть очень сильные места.

Нечего и говорить, что "Горе от ума" является главным произведением всей жизни Грибоедова и относится к лучшим произведениям русской драматической литературы. Несмотря на то, что Грибоедов описывает русское общество очень определенной исторической эпохи (первой половины XIX-го века), комедия его не потеряла и никогда не потеряет своей свежести, не устареет, будет пользоваться таким же успехом. В этом мы видим несомненное доказательство гениальности произведения Грибоедова.

"Горе от ума" — и картина нравов, и галлерея живых типов, и вечно острая жгучая сатира, и, вместе с тем, комедия, больше всего — комедия, какая едва ли найдется в других литературах", пишет Гончаров в своей замечательной статье "Миллион терзаний".

Комедия "Горе от ума", необыкновенно богата по содержанию, она поражает своей насыщенностью, если так можно выразиться. Действительно, нет ни одного явления, ни одного разговора, которое можно было бы пропустить; каждое сло-

во, фраза имеют свое значение, каждое даже самое незначительное действующее лицо носит свой определенный характер, занимает место, необходимое для единства всей комедии.

Обратимся теперь к разбору главных действующих лиц.

В центре московского общества, изображенного в "Горе от ума", стоит Фамусов, представитель чиновного барства. Грибоедов сам в одном из своих писем (к Катенину) говорит, что в лице Фамусова он изобразил своего дядю, известного московского барина. "Что за тузы в Москве живут и умирают", говорит сам Фамусов; вот именно такого "туза" изображает он сам. Его крупная, живая фигура внушает несомненную симпатию именно своей живостью, бытовой типичностью и цельностью; но, вслушиваясь в его слова, вникая в смысл его речей, видишь его не менее крупные отрицательные черты. Фамусов, повидимому, занимает видное место на государственной службе, имеет большой чин. Но как он относится к своей должности, как смотрит на службу вообще? При нем состоит секретарем Молчалин, которого Фамусов держит "затем, что (он) деловой"; Молчалин разбирает дела, приносит своему начальнику бумаги для доклада, но у Фамусова одна забота:

«Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтоб множество не накопилось их;
Дай волю вам — оно бы и засело;
А у меня — что дело, что — не дело,
Обычай мой такой:
Подписано, так — с плеч долой».

Видно, что он не вникает в дело, решение которого зависит от него, а только спешит подписать и избавиться от заботы. Служба для Фамусова не представляет из себя исполнения каких-то обязанностей, а является путем и способом для достижения личной выгоды, богатства и славы. В противоположность Чацкому, который считает, что надо служить "делу, а не лицам", Фамусов находит, что "служить лицам" необходимо для того, чтобы достичь знатности. Он ставит в пример своего дядю, Максима Петровича, который, будучи уже сам знатным вельможей, —

(«Не то на серебре, на золоте едал;
Сто человек к услугам; весь в орденах»), —

сумел шутовской выходкой заслужить милость Государыни (Екатерины II-й).

«А дядя! Что твой князь, что — граф!
Серьезный взгляд, надменный нрав!
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался в перегиб».

Вот — идеал Фамусова! Низкопоклонство — вернейший способ к достижению чинов, а Фамусов называет "гордецом" того, кто не хочет идти этой пробитой дорогой. Не желая даже вслушиваться и вдумываться в горячие возражения Чацкого, Фамусов уверен в своей правоте, потому что так, как он, думали и "делали отцы", так повелось со старых времен. Он совершенно откровенно говорит об этих низких и уродливых приемах чиновного мира; так же просто признается в том, что старается всегда устраивать своих родственников на выгодные места, не заботясь о том, способны ли они выполнять возложенные на них обязанности:

«Как станешь представлять
К крестишку иль к местечку,
Ну, как не порадеть родному человечку".

Признания Фамусова были бы циничны, если бы они не высказывались с таким искренним простодушием.

Интересны взгляды Фамусова на воспитание детей и на образование вообще. В книгах он не видит ничего хорошего:

«В чтеньи прок-от не велик»,

говорит он в ответ на слова Лизы, что Софья "ночь целую читала" по-французски. — "Ей сна нет от французских книг, продолжает он, — "а мне от русских больно спится".

В ученьи, в книгах он видит причину всякого вольнодумства и беспорядка:

«Ученье — вот чума, ученость, вот — причина,
Что нынче пуще, чем когда,
Безумных развелось людей и дел и мнений».

........«уж коли зло пресечь, —
Собрать все книги, да и сжечь».

Однако, вопреки такому своему мнению, Фамусов нанимает Софье учителей-иностранцев, презрительно называя их "побродягами", но делает это потому, что так делают "все", а главный принцип Фамусова — следовать общему течению. Он дает Софье образование, но не трудится вникать в нравственные качества ее воспитателей: Мадам Розье, "вторая мать, старушка золото", которой Фамусов доверил воспитание дочери,

«За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила».

Каким принципам могла научить такая воспитательница? Очевидно, Фамусов, как и многие другие родители светского общества, стремился для своей дочери набирать "учителей полки, числом поболее, ценою подешевле". Лично он не хвалит всеобщего увлеченья иностранцами:

«Кузнецкий мост и вечные французы,
негодует он,
Откуда моды к нам, и авторы, и музы,
Губители карманов и сердец».

Но видно, что бранит он французов именно потому, что считает их "губителями карманов", и не видит разницы между "книжной" и "бисквитной" лавкой.

Заботы Фамусова о дочери сводятся к тому, чтобы дать ей внешнее воспитание, согласное с общепризнанными требованиями общества, и выдать ее замуж за подходящего человека; он старается внушить Софье, что тот

«кто беден, тот (ей) не — пара».

В его глазах идеал мужа для Софьи — Скалозуб, так как он "и золотой мешок, и метит в генералы". А то, что Скалозуб противен его дочери, ни мало не беспокоит заботливого отца. Что важнее для Фамусова: чтобы Софья выбрала мужа себе по сердцу, или чтобы в обществе говорили, что она сделала блестящую партию? Конечно, — последнее! Общественное мнение, то, "что станет говорить княгиня Марья Алексеевна", вот — пружина и двигатель всех слов и поступков Фамусова.

И все же в этом человеке есть, если не положительные, то хотя бы симпатичные черты. Симпатично его гостеприимство, свойственное всем истинно-русским натурам; дом его открыт:

«Дверь отперта для званных и незванных,
Особенно для иностранных;
Хоть честный человек, хоть нет —
Для нас ровнехонько — про всех готов обед».

Но и в этих словах мы видим, кроме гостеприимства, известную нравственную неразборчивость Фамусова: он тешится своим хлебосольством, а нравственные качества его гостей ему совершенно безразличны. Симпатична в нем искренняя любовь ко всему своему, русскому, московскому; как он восхищается московскими тузами, старичками, дамами, юношами и девицами! Симпатично также добродушие Фамусова, скорее — простодушие, которое так и сквозит во всех его речах. Грибоедов изобразил действительно живого человека, с личными, отличающими его, чертами; "брюзглив, неугомонен, скор",

характеризует его Софья; он вспыльчив, но и отходчив — "часто без толку сердит", но и добродушен*).

Фамусов стоит на верхних ступенях служебной и общественной лестницы. Молчалин, находясь на нижних ступенях той же лестницы, старается взобраться по ней, следуя принципам и жизненным правилам своего начальника. Низкопоклонство, угодливость с детства были ему привиты.

«Мне завещал отец,

говорит Молчалин,

Во-первых, угождать всем людям без изъятья;
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платье,
Швейцару, дворнику, для избежанья зла,
Собачке дворника, чтоб ласковей была».

Можно сказать, что Молчалин действительно исполняет завещания отца! Мы видим, как он старается угождать знатной старухе Хлестовой, как хвалит и ласкает ее собачку; и хотя Хлестова относится к нему очень свысока ("Молчалин, вот чуланчик твой!"), однако же, она позволяет ему вести себя под руку, играет с ним в карты, зовет "мой дружок", "родной", и наверное не откажет ему в покровительстве, когда это ему понадобится. Молчалин уверен, что идет правильным путем и советует и Чацкому съездить "к Татьяне Юрьевне", так как по его словам "частенько там мы покровительство находим, где не метим".

Сам Молчалин признает в себе два "таланта": "умеренность" и "аккуратность", и нет сомненья, что с такими свойствами "он дойдет до степеней известных", как замечает Чацкий, прибавляя: "ведь нынче любят бессловесных". Молчалин действительно — бессловесный, так как не только не высказывает, но даже и не имеет собственного мнения, — недаром Грибоедов назвал его "Молчалиным":

«В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь»,

говорит он. Зачем рисковать "иметь свое сужденье", когда настолько проще и безопаснее думать, говорить и поступать так,

---

*) Говоря о Фамусове, нельзя не упомянуть знаменитых артистов, исполнявших его роль. «Горе от ума» впервые было поставлено на сцене в 1831 году уже после смерти Грибоедова; известен был тогда в роли Фамусова замечательный актер Щепкин. В первой повине XX-го века эту роль необычайно талантливо исполнял знаменитый режиссер и основатель традиции Московского Художественного театра — Станиславский; роль Чацкого бесподобно исполнял Качалов.

как это делают старшие, как делает княгиня Марья Алексеевна, как "все"? Да и может ли Молчалин иметь свое мнение? Он несомненно глуп, ограничен, хотя и хитер. Это — мелкая душа. Мы видим низость и подлость его поведения с Софьей; он притворяется, что любит ее, потому что думает, что это может ему быть выгодным, и в то же время заигрывает с Лизой; он подло ползает на коленях перед Софьей, вымаливая ее прощенья, и сразу после этого спешит спрятаться от гнева Фамусова, как настоящий трус. Жалкий тип Молчалина изображен Грибоедовым с беспощадным реализмом.

Не менее ярка фигура Скалозуба. "Созвездие маневров и мазурки", — говорит про него Чацкий. В лице Скалозуба Грибоедов карикатурно изобразил тот тип военных, которые обращают внимание главным образом на внешнюю часть военной службы, интересуются формой, отличающей один полк от другого, занимаются муштровкой, "шагистикой", как тогда говорили, и лишены того настоящего военного духа, который создал доблесть русского войска. В Скалозубе воплощена вся пошлость, вся ограниченность такого рода офицеров. Имя его свидетельствует о том, что он постоянно "зубоскалит", шутит, старается острить; но остроты его вовсе не смешны, а именно пошлы; типичен его рассказ о княгине Ласовой, которая, упав с лошади,

«...наднях расшиблась в пух:
Жокей не поддержал — считал он видно, мух.
И без того она, как слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостает,
Так для поддержки ищет мужа».

Типичен его ответ на вопрос Фамусова, в каком родстве с ним состоит Настасья Николавна:

«Не знаю-с, виноват:
Мы с нею вместе не служили».

Этой остротой Скалозуб хочет показать, что ничто вне военной службы его не интересует. Что же занимает его? "...в мундирах выпушки, погончики, петлички...", — сравнение гвардии с армией, в которой у офицеров "все так прилажено и талии так узки"... Стремится Скалозуб только к чинам, наградам, повышениям. Сам он — полковник, но уже "метит в генералы". Интересно узнать, каким образом достиг он высокого чина; он сам совершенно откровенно рассказывает, что повышение по службе получал не за личные заслуги, а по счастливым стечениям обстоятельств:

«Довольно счастлив я в товарищах моих, —
Вакансии как раз открыты:

То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты".

Откровенность, с которой Скалозуб говорит о своем повышении, свидетельствует о его крайней глупости:

«Речист а больно не хитер»,

характеризует его Лиза. Так же, как и Фамусов, он убежден во вреде науки и желает, чтобы во всех лицеях и гимназиях детей учили бы маршировать, а книги сохраняли бы "так, для больших оказий".

Вот какого затя желал бы иметь Фамусов! Среди московского общества Скалозуб безусловно — герой... "не моего романа", говорит Софья. Ей он противен не только потому, что она любит Молчалина; она понимает пустоту и глупость Скалозуба, — он "слова умного не выговорил с роду". Софья несомненно выделяется из окружающего ее общества, стоит выше общего уровня московских девиц, княжен Тугоуховских, интересы которых сводятся только к туалетам. А между тем Софья получила воспитание, общее всем барышням светского общества. Гувернантки, учителя-иностранцы, — Мадам Розье, танцмейстер Гильоме, — "француз, подбитый ветерком", — французские романы. Воспитанье это дало Софье внешний лоск светской барышни, но внутренне не дало ей ничего. Софья не знает жизни, не понимает того, что кругом нее творится, не понимает возмущенья Чацкаго, его недовольства московским обществом. Из-за того же незнания жизни Софья не понимает истинного характера Молчалина; сама она склонна к сентиментальности, к романтизму, который она почерпала во французских романах, и вот она идеализирует Молчалина, считает, что он "за других себя забыть готов", что у него "на душе проступков никаких"; в ее глазах он добр, "уступчив, скромен, тих". Чацкий совершенно справедливо говорит Софье, что, любя Молчалина, она придала ему свойства характера, которые выдумала за него ("быть может, качеств Ваших тьму, любуясь им, Вы придали ему"). В Софье есть прямота, искренность и известная нравственная свобода; она не считается с тем, "что станет говорить княгиня Марья Алексевна", не дорожит общественным мнением.

«...кем из них я дорожу,

говорит она,

Хочу, — люблю, хочу, — скажу:
Да что мне до кого, до них? до всей вселенной?
Смешно, — пусть шутят их;
Досадно, — пусть бранят».

Ее холодность к Чацкому вполне объяснима и только свидетельствует о ее искренности; девочкой она его любила, мо-

жет быть, была оскорблена его отъездом: "у нас ему казалось скучно", вспоминает она; теперь же, когда она любит Молчалина, Чацкий естественно ей неприятен, она боится его острого, проницательного взгляда. К тому же, Чацкий несколько раз очень нелестно отзывается о Молчалине и выводит Софью из себя, — вот почему она жестокой шуткой мстит ему, распуская слух о его сумасшествии.

В последнем действии, когда перед Софьей открывается вся низость души Молчалина, она действительно жалка; тут тоже видна ее прямота, когда вся в слезах она говорит Чацкому: "я виню себя кругом".

Рядом с Софьей стоит фигура бойкой служанки Лизы. Она немного напоминает субреток французских комедий, но Грибоедов сумел придать ей столько свежести, с таким реализмом изобразил ее, что Лиза — совершенно живая фигура.

Огромный талант Грибоедова сказывается именно в том, что все даже незначительные лица светского общества, изображенного в "Горе от ума", написаны с подлинным реализмом, имеют каждый свой определенный характер:

Так и видишь крупную фигуру знатной старухи Хлестовой, у которой "воспитанниц и мосек полон дом"; в обществе она держит себя с той свободой и прямолинейностью, которые позволяют ей ее возраст и положение в свете; она говорит всем правду в глаза. Чтобы не скучать по дороге на вечер к Фамусовым, она привезла с собой в карете "арапку-девку, да собачку; и, заботясь совершенно наравне об этой арапке, которую держит "для услуг", и о собачке, просит Софью велеть их накормить, от ужина послать "подачку"; Хлестова, как и Фамусов, вероятно, никогда и не задумывалась над вопросами крепостного права; ей кажется естественным, что часть человечества должна быть в подчинении и служить, а другая — принимать услуги и повелевать. С каким-то мелочным любопытством она интересуется материальным положением, состоянием подобных ей дворян и простодушно восклицает:

«Уж чужих имений мне не знать!»

Так и видишь неглупого, но совершенно безвольного Платона Михайловича Горича и его взбалмошную, капризную, хоть и нежную жену; княгиню Тугоуховскую с глухим мужем и целым выводком дочерей, которых надо выдать замуж; светского полушута, плута и лгуна Загорецкого, которого "ругают везде, а всюду принимают".

Несколько в стороне от этого светского общества стоит фигура Репетилова, появляющегося только в последнем действии. В его лице Грибоедов осмеивает тайные общества, тайные собрания молодежи, которым, видимо, Грибоедов не сочувствовал. Репетилов сам — пустейший человек, который даже не понимает, о чем идет речь на заседаниях того обще-

ства, в котором он участвует. Рассказывая о "шумном заседании" "секретнейшего союза", он просит Чацкого:

«Пожалуйста, молчи,
Я слово дал молчать».

А на вопрос Чацкого, о чем же говорят, что делают эти "решительные люди", "горячих дюжина голов", Репетилов отвечает:

«Шумим, братец, шумим!»

"Шумите вы, и только?" иронически отзывается Чацкий, высказывая этими словами все свое отношение к подобным собраниям.

Но не все молодые люди московского общества подобны Репетиловым, Загорецким, Скалозубам. Из разговоров мы узнаем, что есть среди молодежи и такие, которые ищут высших идеалов, стремятся к культуре, искусствам, — но встречают всегда в обществе отпор, осуждение, критику.

«...Пускай из нас»,

говорит Чацкий,

Из молодых людей, найдется враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний,
Или в душе его сам Бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким и прекрасным, —
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывешь у них мечтателем опасным».

Таков двоюродный брат Скалозуба, который

«...крепко набрался каких-то новых правил;
Чин следовал ему — он службу вдруг оставил,
В деревне книги стал читать».

Таков племянник княгини Тугоуховской, увлекающийся наукой, о котором с таким презреньем отзывается его тетка, говоря, что, окончив образование, он готов

«...хоть сейчас в аптеку, в подмастерья!
Чинов не хочет знать! Он — химик, он — ботаник,
Князь Федор, мой племянник».

Герой "Горе от ума", Чацкий, принадлежит именно к этой лучшей части молодого поколения. Многие литературные критики утверждали, что Чацкий — резонер. Это совершенно неверно! Резонером можно назвать его только постольку, по-

скольку автор его устами выражает свои мысли и переживания; но Чацкий — лицо живое, реальное; у него, как и у всякого человека, есть свои качества и недостатки.

Мы знаем, что Чацкий воспитывался сперва в доме Фамусова, вместе с Софьей учился у учителей-иностранцев. Но такое образование не могло удовлетворить его, и он уехал за границу, чтобы там пополнить пробелы своего образования. Путешествие его длилось 3 года, и вот мы видим Чацкого снова на родине, в Москве, в доме Фамусова, где протекало его детство. Как всякому человеку, вернувшемуся после долгого отсутствия домой, все ему мило, все возбуждает приятные воспоминания, связанные с детством; он с удовольствием перебирает в памяти знакомых, в которых он, по свойству своего острого ума, непременно видит смешные, карикатурные черты, но делает это вначале безо всякой злобы и желчи, а так, для смеха, для прикрасы воспоминаний: "... француз, подбитый ветерком"..., а "...этот ...черномазенький, на ножках журавлиных..."

Перебирая всякие типичные, иногда карикатурные стороны московской жизни, Чацкий горячо говорит, что когда

«...постранствуешь, воротишься домой,
И дым отечества нам сладок и приятен!»

Этим Чацкий совершенно отличается от тех молодых людей, которые, возвращаясь из-за границы в Россию, относились ко всему русскому с презрением и восхваляли только все то, что они видели в чужих странах. Именно благодаря этому внешнему сравнению родного русского с иностранным развилась в ту эпоху в очень сильной степени галломания, которая так возмущает Чацкого. У него разлука с родиной, сравнение русской жизни с европейской, вызвали только еще более сильную, более глубокую любовь к России, к русскому народу. Вот почему, попав вновь после трехлетнего отсутствия в среду московского общества, он под свежим впечатлением видит всю утрировку, все смешные стороны этой галломании. Но горячий от природы Чацкий уже не смеется, он глубоко возмущается при виде того, как "французик из Бордо" царствует среди московского общества только потому, что он — иностранец; возмущается тем, что все русское, национальное вызывает насмешку в обществе:

«Как европейское поставить в параллель
С национальным — странно что-то!» —

говорит кто-то, возбуждая общий смех одобрения. Доходя в свою очередь до преувеличения, Чацкий в противовес общему мнению говорит с негодованием:

«Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев».
. . . .
«Воскреснем ли когда от чужевластья мод,
Чтоб умный, добрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев?» —

говорит Чацкий, подразумевая под "немцами" иностранцев и намекая на то, что в обществе в ту эпоху все говорили между собой на иностранных языках; Чацкий страдает, понимая, какая бездна отделяет миллионы русского народа от правящего класса дворян.

Вспоминается здесь статья Грибоедова, "Загородная поездка"; он описывает светский пикник, во время которого веселое общество, попав случайно на сельский праздник, с любопытством слушает русские песни, любуется хороводом крестьянских девушек. — "Прислонясь к дереву", пишет Грибоедов, "я с голосистых певцов невольно свел глаза на самих слушателей-наблюдателей, тот поврежденный класс полу-европейцев, к которому и я принадлежу. Им казалось дико все, что слышали, что видели; их сердцам эти звуки невнятны, эти наряды для них странны. Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими?" — "Народ единокровный, наш народ, разрознен с нами и навеки!"

В этих словах Грибоедова звучат слова Чацкого. Из этого образа мыслей Чацкого-Грибоедова вылилось впоследствии славянофильство.

С ранних лет детям давалось иностранное воспитание, которое понемногу отдаляло светскую молодежь от всего родного, национального. Чацкий вскользь иронизирует над этими "полками" иностранных учителей, "числом поболее, ценою подешевле", которым доверялось воспитание дворянской молодежи. Отсюда — незнание своего народа, отсюда непонимание тяжелого положения, в котором находился русской народ, благодаря крепостному праву. Устами Чацкого Гибоедов высказывает мысли и чувства лучшей части дворянства, возмущавшегося несправедливостями, которые влекло за собой крепостное право, боровшегося с произволом заядлых крепостников. Чацкий яркими красками изображает картины такого произвола, вспоминая одного барина, "Нестора негодяев знатных", обменявшего нескольких из своих верных слуг на трех борзых собак; другого, — любителя театра, — который

«На крепостной балет согнал на многих фурах
От матерей, отцов отторженных детей»; —

он заставил "всю Москву дивиться их красе". Но потом, для того, чтобы расплатиться с кредиторами, распродал по оди-

ночке этих детей, изображавших на сцене "амуров и зефиров", разлучив их навсегда с родителями...

Чацкий не может спокойно об этом говорить, душа его возмущается, сердце болит за русский народ, за Россию, которую он горячо любит, которой он хотел бы послужить. Но как служить?

«Служить бы рад — прислуживаться тошно",

говорит он, намекая на то, что среди множества государственных чиновников он видит лишь Молчалиных или таких вельмож, как дядя Максим Петрович.

В мире Фамусовых Чацкий одинок: все общественное мнение против него. Все кругом него считают, что служа, необходимо прислуживаться; никто не видит зла в крепостном праве; все считают, что русское, "национальное" нельзя ставить в параллель с европейским, все увлечены галломанией... Вот, откуда происходит горе Чацкого, горе от ума его. Он чувствует всю трудность благородной борьбы с целым обществом, вечную борьбу "отцов и детей". Душа его испытывает "миллион терзаний" из-за горячей любви к родине, которой он хочет, но не может помочь. Он не понимает, что его слова, его благородные порывы не могут остаться без плода в будущем. Недаром Гончаров сказал, что слова Чацкого были тем громом, при котором русский человек крестится ("Миллион терзаний"). Чацкий видит только настоящее и понятно страдает. К этому "горю" его ума прибавляется сердечное горе, — измена Софьи, которую он "без памяти" любит. К разочарованию в любви примешивается еще горькое и унизительное сознание того, кто ему предпочтен! Человек, воплощающий в себе все то, что так противно Чацкому. "Молчалины блаженствуют на свете", с горечью говорит он. Может показаться странным, что Чацкий при своем остром уме и проницательности не видит с первого взгляда холодности Софьи, не понимает ее колкостей. Это лишний раз доказывает, что Чацкий — живой человек, а не резонер, — человек, способный увлекаться и ошибаться. В последнем действии он упрекает Софью:

«Зачем меня надеждой завлекли?
Зачем мне прямо не сказали?» —

тогда как Софья и не думала "завлекать его надеждой" и не скрывала своей холодности. Чацкий приходит в бурное отчаяние, когда узнает о любви Софьи к Молчалину. Его сердечное горе сливается с страданьем и горем ума, он кипит негодованием и готов

«...на весь мир
Излить всю жизнь и всю досаду».
. . . .
«Вон из Москвы!

восклицаст он,

Сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!
Карету мне, карету!»

В этом бурном порыве отчаяния видна вся пылкая, неуравновешенная, благородная душа Чацкого.

Закончив разбор характеров главных действующих лиц, необходимо сказать еще несколько слов о языке и художественности комедии Грибоедова; "Горе от ума" несомненно принадлежит к лучшим произведениям русской литературы. Недаром Пушкин сказал, что "комедия "Горе от ума" поставила Грибоедова на ряду с первыми нашими поэтами" ("Путешествие в Арзрум"). В одном письме Пушкин, показывая свое удивительное литературное прозрение, восхищается комедией Грибоедова и прибавляет: "о стихах я уже не говорю — половина должна войти в пословицы". Так оно и случилось. Сколько выражений из "Горе от ума" обратилось в пословицы: — "Счастливые часов не наблюдают", — "И дым отечества приятен", — "Свежо предание, а верится с трудом", — "С чувством, с толком, с расстановкой" — и множество других.

Язык "Горе от ума" разработан и отделан до совершенства. Грибоедов необыкновенно умело заставляет своих героев говорить языком, соответствующим их характеру. Мы узнаем Фамусова по его способу выражаться: "В мои лета не можно же пускаться мне в присядку!" говорит он Чацкому. "Ослы! сто раз вам повторять?" кричит он на слуг, и в этих словах безошибочно сказывается его характер. "Дистанция огромнаго размера", определяет Скалозуб Москву, — и никто другой не выразился бы такими словами. Можно привести множество подобных примеров.

Уже сказано, что по своим литературным взглядам и симпатиям Грибоедов примыкал к классическому направлению. В своей комедии он еще платит некоторую дань классической теории: соблюдает единство времени и места; все действие комедии происходит в продолжение одного дня в доме Фамусова, только в разных комнатах. Но на этом заканчивается влияние классицизма. По характеру своего огромного дарования Грибоедов был прежде всего р е а л и с т о м. Действующие лица "Горе от ума" изображены с неподражаемой яркостью и реализмом, слова и разговоры их звучат и врезываются в память. Вот почему "Горе от ума" не устарело и не может устареть.

В русской литературе Грибоедов своей замечательной комедией открывает путь р е а л и з м у, тот путь, по которому пойдут величайшие из наших писателей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.

В. Саводник: «Курс истории русской словесности».

А. Незеленов: «История русской словесности».

В. Сиповский: «Историческая хрестоматия по истории русской словесности» и «История русской словесности».

П. Бицилли: «Хрестоматия».

Я. Гуревич: «Историческая хрестоматия».

А. Селищев: «Старославянский, язык».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ЧАСТЬ II

ОБЩИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДО ПУШКИНА

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.